

СОВРЕМЕННОСТЬ.

VII.

СОВРЕМЕННОСТЬ,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

А. С. ПУШКИНА,

ИЗДАНЫЙ ПО СМЕРТИ ЕГО,

ВЪ ПОЛЬЗУ ЕГО СЕМЕЙСТВА,

Кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краевскимъ,
Кн. В. Ө. Одоевскимъ и П. А. Плетневымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФИИ.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный
Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, 2 Мая 1837.

Ценсоры: *А. Крыловъ* и *С. Куторга*.

СОВРЕМЕННОСТЬ.

ГАЛУБЬ.

I.

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разспросовъ кунака,
Не для разбойничей потѣхи
Такъ рано съѣхались Адехи
На дворъ Галуба старика.
Въ нежданой встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убить
Вблизи развалинъ Ташартуба.—
Въ родимой саклѣ онъ лежитъ;
Обрядъ творится погребальной;
Звучить уныло пѣснь Муллы;
Въ арбу впряженные волы
Стоять предъ саклею печальной;

Дворъ полонъ тѣсною толпой;
Подъемлють гости скорбный вой
И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони;
И, внемля шумъ небоевой,
Мянутся спутанные кони;
Все ждутъ.— Изъ сакли наконецъ
Выходитъ между женъ отецъ;
Два узденя за нимъ выносятъ
На буркѣ хладный трупъ.— Толпу
По сторонамъ раздаться просятъ,
Слагаютъ тѣло на арбу
И съ нимъ кладутъ снарядъ воинской:
Неразряженую пищаль,
Колчанъ и лукъ, кинжалъ Грузинской,
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крѣпка была могила
Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
Чтобъ могъ на зовъ онъ Азраила
Исправнымъ воиномъ возстать.
Въ дорогу шествіе готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи слѣдуютъ сурово,
Смирля молча пыль коней.—
Ужъ потухалъ закатъ огнистой
Злата нагорцыя скалы,
Когда долины каменистой

Достигли тихіе волны.
Въ долинь той враждою жадной
Сраженъ наѣздникъ молодой,
Тамъ нынѣ въ тѣнь могилы хладной
Онъ ляжетъ, блѣдный и нѣмой....
Ужъ трупъ землею взять. Могила
Завалена. Толпа вокругъ
Мольбы послѣднія творила.
Изъ-за горы явились вдругъ
Старикъ сѣдой, съ нимъ отрокъ стройный.
Даютъ дорогу пришлецу—
И скорбному старикъ отцу
Такъ молвилъ важный и спокойный:
«Тому прошло тринадцать лѣтъ
Какъ ты, въ ауль чужой пришедъ,
Вручилъ мнѣ слабаго младенца,
Чтобъ воспитаньемъ изъ него
Я сдѣлалъ храбраго Чеченца.
Сего дня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Галубъ! покорень будь судьбѣ!
Другова я привелъ тебѣ—
Вотъ онъ. Ты голову преклонишь
Къ его могучему плечу,
Свою потерю имъ замѣнишь — —
Труды мои ты самъ оцѣнишь,
Хвалиться ими не хочу.»

Умолкнулъ. Смотритъ торопливо
Галубъ на отрока. Тазитъ
Главу потупя молчаливо
Ему недвижимъ предстоитъ.
И въ горь имъ Галубъ любуясь,
Влеченью сердца повинуюсь,
Объемлетъ ласково его.
Потомъ наставника ласкаетъ,
Благодаритъ и приглашаетъ
Подъ кровлю дома своего.
Три дня, три ночи съ кунаками
Его онъ хочетъ угощать
И послѣ съ честью провожать,
Съ благословеньемъ и дарами.
Ему, отецъ печальный мнить,
Обязанъ благомъ я безцѣннымъ :
Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
Могучимъ мстителемъ обидь.

Проходятъ дни. Печаль заснула
Въ душѣ Галуба. Но Тазитъ
Все дикость прежнюю хранить.
Среди родимаго аула
Онъ все чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ;
Такъ въ саклѣ пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.

Онъ любить—по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая бурьъ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печалень, надъ горой,
Недвижно въ даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дольняго куда
Младые сны его уводятъ? . . .
Какъ знать? Незрима глубь сердець!
Въ мечтапьяхъ отрокъ своеволенъ
Какъ вѣтеръ въ небѣ. . . .

Но отецъ

Уже Тазитомъ недоволенъ.
«Гдѣ-жъ, мыслить онъ, въ немъ плодъ наукъ,
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый умъ и сила рукъ?
Въ немъ только лѣнь и непокорство.
Иль сына взоръ мой не проникъ,
Иль обманулъ меня старикъ?»

Тазитъ изъ табуна выводитъ
Коня, любимца своего.
Два дни въ ауль нѣтъ его,

На третій онъ домой приходитъ.

О Т Е Ц Ъ.

Гдѣ былъ ты? сынъ!

С Ы Н Ъ.

Въ ущельи скалъ

Гдѣ прорванъ каменистый берегъ

И путь открытъ на Даріаль.

О Т Е Ц Ъ.

Что дѣлалъ тамъ?

С Ы Н Ъ.

Я слушалъ Терекъ.

О Т Е Ц Ъ.

А не видалъ-ли ты Грузинъ,

Иль Русскихъ?

С Ы Н Ъ.

Видѣлъ я, съ товаромъ

Тифлискій ѣхалъ Армянинъ.

О Т Е Ц Ъ.

Онъ былъ со стражей?

С Ы Н Ъ.

Нѣтъ, одинъ.

О Т Е Ц Ъ .

За чѣмъ нечаяннымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его
И не прыгнуль къ нему съ утеса? —

Потупилъ очи сынъ Черкеса
Не отвѣчая ничего. —

Тазить опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
Потомъ является домой.

О Т Е Ц Ъ .

Гдѣ былъ?

С Ы Н Ъ .

За бѣлою горой.

О Т Е Ц Ъ .

Кого ты встрѣтилъ на курганѣ?

С Ы Н Ъ .

Отъ насъ бѣжавшаго раба.

О Т Е Ц Ъ .

О милосердая судьба!

Гдѣ-жь онъ? ужели на арканѣ

Ты бѣглеца не притащилъ?

Тазить опять главу склонилъ.

Галубъ нахмурился въ молчаньи,

Но скрылъ свое негодованье.

«Нѣтъ» мыслить онъ, «не замѣнитъ

Онъ никогда другова брата!

Не научился мой Тазить

Какъ шашкой добываютъ злата;

Ни стадъ моихъ, ни табуновъ

Не надѣлятъ его разѣзды;

Онъ только знаетъ безъ трудовъ

Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,

А не въ набѣгахъ отбивать

Коней съ Нагайскими быками,

И съ боя взятыми рабами

Суда въ Анапѣ нагружать.»

Тазить опять коня сѣдлаетъ

Два дня, двѣ noci пропадаетъ

На третій, блѣденъ какъ мертвецъ

Приходитъ онъ домой. — Отецъ

Его увидя вопрошаетъ:

Гдѣ былъ ты?

Сынъ.

Около станицъ

Кубани, близъ лѣсныхъ границъ

О Т Е Ц Ъ.

Кого ты видѣлъ?

С Ы Н Ъ.

Супостата.

О Т Е Ц Ъ.

Кого? кого?

С Ы Н Ъ.

Убійцу брата.

О Т Е Ц Ъ.

Убійцу сына моего? ...

Тазитъ! гдѣ голова его?

Дай нагляжусь!

С Ы Н Ъ.

Убійца былъ

Одинъ, израненъ, безоруженъ ...

О Т Е Ц Ъ.

Ты долга крови не забылъ ...

Врага ты навзничь опрокинулъ ...

Не правда-ли? ты пашку вынулъ,

Ты въ горло сталь ему воткнулъ

И трижды тихо повернулъ?

Упился ты его стонаемъ

Его змѣннымъ издыханьемъ?...

Гдѣ-жъ голова? подай... нѣтъ силъ...

Но сынъ молчитъ потупя очи.

И сталь Галубъ, чернѣе ночи

И сыну грозно возопилъ:

«Поди ты прочь — ты мнѣ не сынъ,
Ты не Чеченецъ — ты старуха,
Ты трусь, ты рабъ, ты Армянинъ —
Будь проклять мной — поди — чтобъ слуха
Никто о робкомъ не имѣлъ,
Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи
Окровавленной кошкой сѣлъ
И къ безднѣ гналъ тебя нещадно,
Чтобъ ты какъ раненый олень
Бѣжалъ тоскуя безотрадно,
Чтобъ дѣти Русскихъ деревень
Тебя веревкою поймали,
И какъ волченка затерзали —
Чтобъ ты... бѣги, бѣги скорѣй!
Не оскверняй моихъ очей!»
— Сказалъ и на земь легъ — и очи
Закрывъ, и такъ лежалъ до ночи.
Когда-же приподнялся онъ,
Быль темень синій небосклонъ. —

II

Ущелій горныхъ поселенцы
Въ долинь шумно собрались —
Привычны игры начались:
Верьхами юные Чеченцы,
Въ пыли несясь во весь опоръ,
Стрѣлою шапку пробиваютъ,
Иль трижды сложенный коверъ
Булатомъ сразу разсѣкаютъ,
То скользкой тѣшатся борьбой,
То пляской быстрой. — Жены, дѣвы
Межъ тѣмъ поютъ — и гуль лѣсной
Далече вторить ихъ напѣвы.
Но между дѣвами, одна
Молчить уныла и блѣдна
..... Въ толпѣ стоятъ четою странной,
Соятъ не видя ничего.
И горе имъ: онъ — сынъ изгнанной,
Она — любовница его....
О было время!... съ ней украдкой
Видался юноша въ горахъ,
Онъ пилъ огонь отравы сладкой
Въ ея смятеньи, въ рѣчи краткой,
Въ ея потупленныхъ очахъ.
Когда съ домашняго порогу
Она смотрѣла на дорогу

Съ подружкой рѣзвой говоря,
И вдругъ садилась и блѣднѣла,
И отвѣчая не глядѣла,
И разгоралась какъ заря,—
Или у водъ когда стояла
Текущихъ съ каменныхъ вершинъ
И долго кованый кувшинъ
Волною звонкой наполняла....
И онъ, невластный превозмочь
Волненій сердца, разъ приходитъ
Къ ея отцу, его отводитъ
И говоритъ: «твоя мнѣ дочь
Давно мила, по ней тоскуя,
Одинъ и сирь давно живу я.
Благослови любовь мою
Я бѣдень — но могучь и молодъ,
Я агнецъ дома, звѣрь въ бою;
Къ намъ въ саклю не впущу я голодь.
Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и нѣжный
Твоимъ сынамъ— кунакъ надежный,
А ей приверженный супругъ....»

А. Пушкинъ.

ГРАФЪ КАЛОСТРО.

(Отрывокъ изъ второй части романа: «Искуситель»),

..... «Я такъ же какъ и ты много путешествовалъ и объѣхалъ почти всю Европу» началъ говорить Фонъ-Борхъ, обращаясь къ Закамскому. «Въ 1789-мъ году я прожилъ всю осень въ Римѣ. У меня было нѣсколько рекомендательныхъ писемъ и въ томъ числѣ одно къ графу Ланцелотти; но я слишкомъ мѣсяць не былъ ни съ кѣмъ знакомъ, кромѣ услужливыхъ чичероніевъ и моего хозяина, претолстаго и преглупаго макаронищика, который ревновалъ свою жену къ цѣлому міру, не смотря на то, что она была стара и дурна какъ смертный грѣхъ. Съ утра до вечера я бѣгалъ по городу и каждый разъ возвращался домой съ новымъ запасомъ для моихъ путевыхъ записокъ. Я не намѣренъ вамъ рассказывать обо всѣхъ прогулкахъ по Римскимъ улицамъ, не стану описывать мой восторгъ при видѣ Колизея, Пантеона и другихъ остатковъ древняго Рима, не скажу даже ни слова о томъ какъ я былъ пораженъ огромностію и величіемъ храма Св. Петра, какія воспоминанія пробудились въ душѣ моей при видѣ Ка-

питолія и съ какимъ наслажденіемъ я смотрѣлъ на произведенія великихъ художниковъ Италіи. Все это тысячу разъ повторялось каждымъ путешественникомъ, и этотъ неизбѣжный, заказной восторгъ эти приторныя фразы а-ла-Дюпати, и казенныя восклицанія, давно ужъ опротивѣли и надоѣли всѣмъ до смерти.

Однажды — это было мѣсяца два по приѣздѣ моемъ въ Римъ — я отправился безъ всякой цѣли шататься по городу. Пройдя нѣсколько времени берегомъ Тибра, я повернулъ на мостъ, весьма красивой наружности, но къ сожалѣнію обезображенный статуями, которыя не только въ Римѣ, но и во всякомъ порядочномъ городѣ, были бы не у мѣста. Я остановился по срединѣ моста, чтобъ полюбоваться видомъ замка Святаго Ангела. Онъ подымался предомною, по ту сторону Тибра, какъ угрюмый исполинъ, посѣдѣвшій на стражѣ священнаго Рима. Эта городская тюрьма походить издали на огромную круглую башню съ плоской кровлей, на которой выстроены цѣлый замокъ; не смотря на свою строгую и даже нѣсколько тяжелую архитектуру, замокъ Св. Ангела мнѣ очень понравился, и я глядѣлъ на него съ такимъ вниманіемъ, что не замѣтилъ сначала какого-то прохожаго, закутаннаго въ широкій плащъ, который прислонясь къ мостовымъ периламъ, казалось еще внимательнѣе меня разсматривалъ это зданіе. Онъ былъ росту средняго не дурень и не хорошъ собою; но глаза его! ... въ самой Италіи, классической землѣ пламенныхъ, оду-

шевленныхъ взоровъ, я не видывалъ ни чего подобнаго; казалось искры сыпались изъ этихъ глазъ не очень большихъ, но быстрыхъ, исполненныхъ огня и черныхъ какъ смоль. Не знаю почему, но я не могъ удержаться, чтобъ съ нимъ не заговорить: — Вы вѣрно такъ же какъ и я любуетея этимъ чуднымъ зданіемъ? — сказалъ я по-Италіянски, указывая на замокъ Св. Ангела. — Незнакомый бросилъ на меня такой недовѣрчивый и въ тоже время пронзительный взглядъ, что я совершенно смутился. Повторяя мой вопросъ, я сбился съ толку, заговорилъ вздоръ, и сдѣлалъ непростительную ошибку. Незнакомый улыбнулся, поглядѣлъ на меня довѣрчивѣе, и сказалъ въ полголоса: «вы иностранецъ?..»

— Да, отвѣчалъ я. —

« Вы вѣрно путешественникъ, и если не ошибаюсь родина ваша далеко отсюда? »

— Вы отгадали: я Русской. —

« Русской ! » повторилъ незнакомый, взглянувъ на меня еще веселѣе. « Вамъ должно быть здѣсь очень жарко; я знаю вашу холодную Россію; нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ въ Петербургъ; у меня есть тамъ пріятели; я имѣлъ честь знать лично князя Потемкина; но мы кажется не понравились другъ другу. Я также очень часто бывалъ. . . . »

Тутъ назвалъ онъ мнѣ пять или шесть извѣстныхъ именъ и поговоривъ еще нѣсколько времени о Петербургѣ, вдругъ остановился и сказалъ мнѣ: « вы

кажется спрашивали меня, нравится-ли мнѣ этотъ замокъ? Не знаю какъ вамъ, а мнѣ онъ вовсе не нравится.»

— Однакожь вы очень пристально на него глядѣли. —

«И очень часто это дѣлаю; если зло неизбежно, то надобно стараться заранѣе къ нему привыкнуть.»

— Привыкнуть.. — прервалъ я съ удивленіемъ. — Да на что вамъ къ нему привыкать? вѣдь этотъ замокъ тюрьма.... —

«Хуже» прервалъ незнакомый «это Римская Бастилія, а кто знаетъ Парижскую. . . Но вы меня не поняли; это зданіе не всегда было тюрьмою. Знаете ли вы, для чего оно было построено?»

Я почти обидѣлся этимъ вопросомъ; спросить у магистра Дерптскаго университета, знаетъ-ли онъ, что замокъ Св. Ангела былъ некогда мавзолеемъ императора Адриана! Да этотъ вопросъ стыдно даже сдѣлать и студенту. Я закидалъ незнакомца историческими фактами, прочелъ ему наизусть сказаніе знаменитаго Прокопія о томъ какъ Велизарій, осажденный въ Римѣ Готами, защищался, бросая въ нихъ мраморныя статуи, которыми этотъ мавзолей былъ украшенъ, какъ въ средніе вѣка, Папа Бонифацій IX превратилъ его въ крѣпостной замокъ, какъ герцогъ Бурбонскій, осаждая въ немъ Папу Климента VII-го, былъ убитъ на приступѣ. — Послѣ этаго — продолжалъ я... «Хорошо, хорошо!» — закричалъ незнакомецъ, стараясь перервать

потокъ моего краснорѣчія. «Я вижу, вы человекъ ученый, по дѣло не въ томъ; если вы знаете первобытное назначеніе замка Св. Ангела, то поймете для чего я прихожу смотрѣть на это роскошное кладбище; построенное для одного покойника. Смерть зло—неизбѣжное!... да, неизбежное!» прибавилъ онъ почти шопотомъ. «даже и для того, кто измѣряетъ свою жизнь не годами, а столѣтіями.»

— Какъ, столѣтіями? — повторилъ я — да не ужели есть такіе люди? —

Незнакомый вздрогнулъ и какъ будто бы спохватясь, сказалъ съ улыбкою: «вы опять меня не поняли; развѣ жизнь цѣлаго народа не походитъ на жизнь одного человека? Развѣ повелитель безчисленныхъ народовъ, владыко міра, древній Римъ не умеръ, какъ умеръ вотъ этотъ быть можетъ, безвѣстный гражданинъ, » продолжалъ незнакомый, указывая на похоронную процессію Братевъ Кающихся, которая въ эту минуту показалась на берегу Тибра. «Не думаете-ли вы, что обширная могила, которую мы называемъ Римомъ, хотя нѣсколько походитъ на этотъ гордый, могучій, кипящій жизнью Римъ? О, еслибы вы его видѣли?» прибавилъ незнакомецъ и черные глаза его засверкали «еслибы вы видѣли этотъ живой Римъ, эту родину всего высокаго и прекраснаго... вы не стали бы тогда называть Римлянами народъ, который выдумалъ арлекина, создалъ паяца и славится своими макаронами, а Римомъ—этотъ жалкій городъ, напо-

минающій мнѣ цыганскій таборъ, расположенный на развалинахъ Пальмиры. И вы разсуждаете о высокомъ и прекрасномъ — перестаньте! вы не знаете ни того ни другаго. Вы называете изящнымъ и великолѣпнымъ зрѣлищемъ ваши кукольныя комедіи; горсть людей соберется въ какойнибудь каменный балаганъ, назоветъ его Санъ-Карло или Ла-Скала, а себя—публикою, и думаетъ, что видитъ передъ собою высокое и прекрасное зрѣлище!... Жалкіе пигмеи!... да если вы не вѣрите преданіямъ, такъ посмотрите на развалины Колизея, не говорятъ ли онѣ вамъ, что всѣ ваши дѣтскія затѣи есть не что иное, какъ жалкія пародіи забавъ великаго Рима. Вы плачете, когда въ вашемъ балаганѣ, на этихъ презрѣнныхъ подмосткахъ, какойнибудь паяцъ-трагикъ заколетъ себя деревяннымъ кинжаломъ, а въ Колизеѣ сотни людей умирали не шутя, чтобъ заслужить рукоплесканіе восьмидесяти тысячъ зрителей. Вы удивляетесь вашимъ холстиннымъ морямъ и трехъ-аршиннымъ кораблямъ изъ картузной бумаги. А Колизей, по мановенію Кесаря, превращался въ обширное озеро и настоящія военныя галеры не представляли морское сраженіе, но дрались въ самомъ дѣлѣ, для забавы гордыхъ Римлянъ. Да!... все это было» примолвилъ незнакомый грустнымъ голосомъ «давно, очень давно!... вѣка прошли, настанутъ другіе; но Римъ не воскреснетъ!...»

Незнакомый замолчалъ, потомъ, какъ будто бы говоря съ самимъ собою, продолжалъ: «Давно-ли

«кажется? ... да! такъ точно, это было восемьдесятъ лѣтъ до Рождества Христова. какой волшебный праздникъ! Императоръ торжествовалъ открытіе Колизея. съ восходомъ солнечнымъ началъ волноваться и шумѣть вѣнчаный Римъ, какъ море хлынулъ онъ со своихъ семи холмовъ и высокія стѣны Колизея унизались народомъ. раздался громъ рукоплесканій — онъ вошелъ — царь вселенной, радость міра, кроткій, богоподобный Титъ! О какъ онъ былъ прекрасенъ! какъ шли къ нему эти шелковыя кудри, эта томная блѣдность лица, эти усталыя глаза, и даже этотъ прыщикъ на лѣвой щекѣ.» —

«Прочь съ дороги!» раздался грубый голосъ, и кто-то толкнулъ меня очень невѣжливо въ спину — «шляпу долой!» закричали изъ-подъ своихъ бѣлыхъ колпаковъ нѣсколько Братевъ Кающихся. Я повиновался; мимо меня тянулась похоронная процессія; за нею несли гробъ, а позади чело-вѣкъ триста всякаго рода людей и нищихъ, подвигаясь медленно впередъ, заняли почти всю ширину моста. Когда этотъ нечаянный приливъ народа схлынулъ, я остался опять на прѣсторѣ; но незнакомца уже не было. Вы можете судить, какое впечатлѣніе произвели на меня странныя слова этаго чудака, который рассказывалъ о праздникѣ, данномъ за восемьдесятъ лѣтъ до Рождества Христова, какъ о балѣ, на которомъ онъ танцовалъ недѣли двѣ тому назадъ. — Если это не сумасшедшій, подумалъ я, такъ ужь вѣрно какойнибудь

балагуръ, который хотѣлъ надо мною позабавиться. На этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось.

Дня черезъ три, прогуливаясь по знаменитой улицѣ Корсо, которая служитъ въ обыкновенные дни гуляньемъ, а на масляницѣ маскерадною залою для цѣлаго Рима, я сошелъ съ тротуара, чтобы перейти на противоположную сторону. На самой срединѣ улицы, стоялъ человекъ въ большой бѣлой шляпѣ съ широкими полями; казалось, онъ вовсе забылъ, что вокругъ его ѣздить безпрестанно экипажи. Въ ту самую минуту, какъ я дѣлалъ это замѣчаніе, щеголеватая коляска, заложенная парой великолѣпныхъ лошадей, мчалась во всю рысь по самой срединѣ улицы. Кучеръ зазѣвался, коляска была уже въ десяти шагахъ отъ человека въ бѣлой шляпѣ и этотъ бѣднякъ былъ бы непременно задавленъ, еслибъ я не успѣлъ схватить его за руку и оттащить въ сторону. Когда опасность миновалась и незнакомый сталъ благодарить меня, я узналъ въ немъ чудака, съ которымъ повстрѣчался на мосту Святаго Ангела.

«Если не ошибаюсь» сказалъ онъ «мы ужъ съ вами знакомы; вы тотъ Русской путешественникъ, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе разговаривать дня три тому назадъ.»

— Да, — отвѣчалъ я — помнится, вы мнѣ рассказывали о какомъ-то праздникѣ, который давался въ Колизеѣ, восемьдесятъ лѣтъ до Рождества Христо-

ва, и на которомъ вы любовались Императоромъ Титомъ.—

Незнакомый улыбнулся. «Вы, господа сѣверные жители,» сказалъ онъ «никогда не поймете насъ, живыхъ, пламенныхъ дѣтей юга; то что представляется только вашему воображенію, мы видимъ въ самомъ дѣлѣ; вы переноситесь иногда мыслию въ прошедшее, вспоминаете о немъ, а для насъ оно становится настоящимъ. Когда я говорилъ съ вами о древнемъ Римѣ, вѣка исчезали и *вѣчный городъ* подымался изъ своихъ развалинъ; я видѣлъ его, я жилъ въ немъ.... смѣйтесь, господинъ Русской, смѣйтесь! наши Италіянскія, волканическія головы, кажутся вамъ полоумными. Пусть такъ! но мы живемъ двойною жизнью; для насъ и среди Русскихъ снѣговъ будутъ цвѣсти розы, наше южное воображеніе украситъ померанцовыми цвѣтами, усыплетъ золотыми ацельсинами и ваши гробовыя сосны и эти мертвыя, единообразныя березы; оно растопитъ вѣчные льды Сибири и разрисуетъ прозрачною лазурью туманныя небеса вашей родины. Что нужды если обманъ не истина, когда этотъ обманъ дѣлаетъ насъ счастливыми!»

—Посмотрите, посмотрите! — прервалъ я — вотъ ѣдетъ назадъ та самая коляска, которая чуть, чуть васъ не задавила. —

Незнакомый поднялъ глаза. Въ коляскѣ сидѣлъ развалиясь какой-то Франтъ; онъ посматривалъ гордо

на проходящихъ; инымъ кланялся по Римскому обычаю рукою, другимъ отвѣчалъ на низкіе поклоны едва замѣтною улыбкой, и такъ явно чванился и важничалъ своимъ наряднымъ экипажемъ, съ такимъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на всѣхъ бѣдныхъ пѣшеходцевъ, что вотъ такъ и хотѣлось плюнуть ему въ лице.

«А!» вскричалъ незнакомый «Да это кавалеръ Габріелли! такъ онъ-то хотѣлъ задавить меня? Бѣдняжка!»

— Однакожь у этаго бѣдняжки славный экипажъ — сказалъ я шутя.

«Да недолго онъ имъ провладѣеть.»

— А что? видно изъ послѣднихъ денегъ? тфу батюшки! какія лошади, какая упряжь. —

«Да, это правда» — сказалъ незнакомый «все хорошо, кромѣ кучера.»

— Помилуйте, чѣмъ же онъ дурень; посмотрите какой молодець. —

— «Ну нѣтъ! не очень красивъ собою.»

— Что вы? славный кучеръ! — а какая богатая ливрея! —

«Да я вамъ говорю не объ этомъ ливрейномъ кучерѣ, а вотъ что сидитъ подлѣ него.»

— Подлѣ него? да гдѣ же? —

«Съ лѣвой стороны.»

— Я никого не вижу. —

«Видно я позорчѣ васъ. Этотъ ливрейный кучеръ для одного парада — бѣдненькой! онъ только что держитъ возжи, а въ самомъ-то дѣлѣ править лошадьми не онъ, а пріятельница, которая сидитъ съ нимъ рядомъ на козлахъ.»

— Пріятельница, что за пріятельница? —

«Смерть!» шепнулъ отрывисто незнакомый, и прежде чѣмъ я опомнился отъ удивленія, коляска помчалась какъ вихрь, зацѣпила за каменный столбъ, опрокинулась и понеслась далѣе. Почти у самыхъ воротъ дель-Пополо остановили лошадей; мы подошли; вокругъ изломанной коляски стояла толпа народа. Мы съ трудомъ продрались впередъ: на мостовой лежали кавалеръ Габріелли и кучеръ его — оба мертвые.

«Ну» сказалъ незнакомый посмотрѣвъ на меня пристально «вы вѣрно ужъ не думаете, что я сумасшедшій?»

Я такъ былъ пораженъ, что не могъ выговорить ни слова.

«Послушайте!» продолжалъ незнакомый «кажется мы не даромъ такъ часто встречаемся другъ съ другомъ, а сверхъ того» прибавилъ онъ съ улыбкою — «вы сегодня спасли меня отъ смерти или хотѣли спасти, а это одно и тоже; мы должны познакомиться короче: какъ васъ зовутъ?»

— Фонъ - Борхъ. —

«Фонъ - Борхъ? это не Русская фамилія.»

—Мой дѣдушка былъ Нѣмецъ. —

«Тѣмъ лучше! я очень люблю Нѣмцевъ; ихъ называютъ мечтателями, идеалистами—да, это правда, они не Французы и не Русскіе, которые стараются подражать Французамъ. Они не смѣются надъ тѣмъ чего не понимаютъ, и не смотря на свою ученость, не называютъ обманомъ и заблужденіемъ все то, чего нельзя объяснить разсудкомъ и доказать какъ дважды два четыре. Вы каждый день въ первомъ часу можете застать меня дома; я занимаю квартиру въ улицѣ дель - Пелигрино, почти напротивъ палатъ кардинала Вице - Канцлера. Входъ съ улицы; спросите графа Александра Калиостро ».

—То есть—перерывалъ Князь Двинскій, который давно уже вертѣлся отъ нетерпѣнія — не графъ, не Александръ и не Калиостро, а просто: сынъ бѣднаго ремесленника Іосифъ Бальзамо.

«Это еще не доказано» сказалъ магистръ, «да прошу ваше сіятельство не прерывать меня, а не то я замолчу.»

— Вотъ и разсердился! а за что? Ну подумай самъ: когда колдуны бываютъ графами? Сентъ-Жермень былъ такой же точно графъ, какъ и этотъ Бальзамо, Нострадамусъ и Фаустъ были ученые, Твердовскій также, Фламель, Богъ знаетъ кто, Сведенборгъ также, Брюсъ. . . . Ахъ, да бишь: виновать!—оцъ былъ графъ, совсѣмъ забылъ! —

«Да перестань князь!» закричалъ я «что ты мѣшаешь ему рассказывать. Ну, что Борхъ? ты очень удивился, когда онъ сказалъ тебѣ свое имя?»

— И удивился и обрадовался. Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ этимъ знаменитымъ человекомъ и я на другой же день явился къ нему въ двѣнадцатомъ часу утра. Онъ только-что всталъ съ постели и едва успѣлъ накинуть на себя халатъ изъ богатой Турецкой матеріи. Комната, въ которой онъ меня принялъ была убрана очень просто, на полкахъ стояли книги, а на большомъ столѣ лежали бумаги и толстыя свитки пергамента. На окнѣ стояла открытая аптечка съ стеклянными пузырьками и баночками; въ одномъ углу на бронзовомъ треножникѣ лежала мертвая голова, а у самыхъ дверей сидѣла черная огромная кошка. Когда я вошелъ, она оцетинилась и глаза ея засверкали. — «Біондетта!» закричалъ Каліостро «пошла вонъ!»

Кошка, какъ умная лягавая собака, тотчасъ отправилась въ другую комнату, но проходи мимо, очень на меня косилась.

Графъ сѣлъ подлѣ меня на канапе и началъ разговаривать со мною о Россіи. Все, что онъ говорилъ, было такъ умно, всѣ замѣчанія его были такъ справедливы, что я слушалъ его съ истиннымъ наслажденіемъ. Отъ времени до времени вырывались однакожь у него какія-то странныя фразы: напримеръ онъ спросилъ меня часто-ли бываютъ навод-

ненія въ Петербургѣ, и когда я отвѣчалъ ему, что это бываетъ очень рѣдко, то онъ значительно улыбнулся и сказалъ: «я былъ увѣренъ въ томъ; я знаю, *онъ* теперь ужь не такъ злится на Русскихъ; они ему угодили, украсили любимую дочь его, великолѣпную Неву, одѣли ее гранитомъ». — И когда я спросилъ, о комъ онъ говоритъ — Каліостро тотчасъ перемѣнилъ рѣчь, и началъ разговаривать о другомъ. Во время нашего разговора я замѣтилъ на столѣ между различныхъ бумагъ манускриптъ на папирусѣ; вы знаете мою страсть ко всѣмъ древнимъ рукописямъ; я не могъ скрыть моего любопытства. «Этотъ манускриптъ привезенъ мною изъ Египта,» сказалъ Каліостро «и вы можете его видѣть только въ такомъ случаѣ, если вы..... дайте мнѣ вашу руку.»

Я повиновался. Графъ пожалъ ее какимъ-то особеннымъ образомъ, и какъ будто-бы ждалъ отвѣта: я молчалъ. «О!» сказалъ онъ «да вы еще не родились, такъ о годахъ васъ спрашивать нѣчего. А для того, чтобъ разобрать что нибудь въ этомъ манускриптъ, надобно имѣть по крайней мѣрѣ семь лѣтъ; оставьте его!»

Въ эту минуту вошелъ въ комнату старикъ лѣтъ шестидесяти; голова его была повязана пестрымъ платкомъ, а блѣдное лице выражало нестерпимое страданіе.

«Что тебѣ надобно?» сказалъ Каліостро.

— Извините синьоръ! — сказалъ старикъ — я живу подлѣ васъ; мнѣ сказали, что вы докторъ. —

«А ты боленъ?»

— Вотъ третьи сутки глазъ не смыкаю; такая головная боль, что не приведи Господи! ни дня ни ночи покою! Если это продолжится, то я брошусь въ Тибръ или размозжу себѣ голову. —

— «Поверѣтто!»... шепнулъ Калиостро «постой на минутку!» Онъ вынулъ изъ аптечки небольшой пузырёкъ и подавая его старику, сказалъ: «на, любезный! понюхай изъ этой сткляночки въ три приѣма, при каждомъ разѣ говори про себя....» тутъ проговорилъ онъ какое-то слово, котораго я не могъ разслышать. Едва старикъ исполнилъ его приказаніе, какъ схватилъ себя обѣими руками за голову и закричалъ:—Боже мой!... что это?... не сонъ ли? моя голова такъ свѣжа, такъ здорова!.. ахъ синьоръ, позвольте мнѣ взять съ собою это лекарство!—

«Не нужно, мой другъ!» сказалъ Калиостро «теперь ужь у тебя голова болѣть не станетъ; ступай съ Богомъ.»

Старикъ началъ-было говорить о своей благодарности, но графъ разсердился и почти вытолкалъ его за двери. «Благодарность!» повторилъ онъ, ходя скорыми шагами по комнатѣ «я знаю эту людскую благодарность!... нѣтъ, старикъ, меня не обманешь! если когда нибудь невѣжды приговорять сжечь на кострѣ бѣднаго Калиостро, какъ злодѣя

и чернокожишника, то можетъ быть первую вязанку дровъ принесешь ты, чтобъ угодить палачамъ твоего благодѣтеля».

Двери опять отворились; молодая женщина въ рубищѣ, съ двумя оборванными ребятишками, вошла въ комнату и бросилась въ ноги къ Калиостро.

«Что ты милая? что ты?» спросилъ графъ.

— Вы нашъ спаситель — проговорила женщина всхлипывая — вы дали мнѣ лѣкарство, отъ котораго мой мужъ въ одни сутки почти совсѣмъ выздоровѣлъ; онъ еще слабъ и не могъ самъ придти изъяснить вамъ свою благодарность. . . .—

«Опять благодарность!» прервалъ Калиостро нахмуривъ брови «хорошо, хорошо, голубушка, я знаю чего ты хочешь; на! возьми, и ступай вонъ!» Онъ сунулъ ей въ руку кошелекъ, набитый деньгами, и прежде чѣмъ она успѣла опомниться, выпроводилъ ее вонъ и захлопнулъ за нею двери.

Ну князь! теперь я спрошу тебя: неужели эти дѣла и поступки, которыхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, доказываютъ, что Калиостро былъ шарлатанъ и безстыдный обманщикъ?»

— А по твоему они доказываютъ противное? — сказалъ съ усмѣшкою князь.

«Какъ, Двинскій! . . . а старикъ, котораго онъ при мнѣ вылъчилъ? . . .»

— Мастерски притворялся большимъ — перервалъ князь.

«А это бѣдное семейство?...

— Славно сыграло свою роль! —

«А кавалеръ Габріелли? ...» .

— Котораго убили лошади? —

«Ну да! ты вѣрно скажешь, что и онъ былъ въ заговорѣ, потому что Калиостро предугадалъ его смѣрть?»

— Случай, мой другъ, и больше ничего. Развѣ нельзя было лошадямъ понести, изломать коляску, убить кучера и сѣдока? Все это могло случиться самымъ естественнымъ образомъ, и надобно признаться, случилось очень кстати, чтобъ оправдать дичь, которую поролъ тебѣ этотъ архи-шарлатанъ Калиостро. Да чтожь ты? любезный другъ, вѣдь ты обѣщался доказать не словами, а самымъ дѣломъ, что я напрасно не вѣрю твоимъ мистическимъ бреднямъ, а вмѣсто этаго, вотъ ужъ цѣлый часъ ты рассказываешь намъ сказки. —

«Хочешь, Князь, слушать, такъ слушай! а не хочешь.....»

— Хочу, хочу!.. —

«Эхъ, братецъ» сказалъ я «не мѣшай ему. Ну, Борхъ рассказывай!»

«Недѣли двѣ сряду» продолжалъ Магистръ, «я почти не разлучался съ графомъ Калиостро; бесѣды наши становились съ каждымъ днемъ интереснѣе; казалось, онъ полюбилъ меня, но не смотря на это, всякой разъ заминалъ рѣчь, когда я просилъ

его сдѣлать меня, если не участникомъ, то по крайней мѣрѣ свидѣтелемъ одного изъ тѣхъ необычайныхъ явленій, о которыхъ онъ такъ много мнѣ рассказывалъ. — « Ужъ не воображаете-ли вы, что это сушая бездѣлка » говорилъ всегда Калиостро, « что этимъ можно забавляться, какъ какимъ нибудь физическимъ опытомъ? Не думаете ли вы, что сблизить васъ съ существами нездѣшняго міра, такъ же для меня легко, какъ свести съ какимъ нибудь изъ моихъ знакомыхъ? Вы очень ошибаетесь. Для моихъ глазъ, эти существа видимы и въ собственномъ ихъ образѣ; но чтобъ сдѣлать ихъ доступными до вашихъ земныхъ чувствъ, я долженъ ихъ облекать въ формы вещественныя, а этаго онъ очень не любятъ. »

Однажды онъ спросилъ меня, знакомъ ли со мною графъ Ланцелотти, и когда я отвѣчалъ, что у меня есть къ нему рекомендательное письмо, Калиостро сказалъ: « ступайте къ нему сегодня, познакомьтесь съ нимъ, а послѣ завтра часу въ осьмомъ вечера отправьтесь въ Тиволи; тамъ, не далеко отъ малыхъ каскадовъ, вы встрѣтите человѣка въ бѣлой шляпѣ и черномъ плащѣ съ краснымъ подбсемъ; скажите ему ваше имя и ступайте за нимъ. Быть можетъ вы знаете виллу, которую нанимаетъ графъ Ланцелотти, но вамъ все-таки нуженъ проводникъ; если вы прїѣдете одни, васъ не примутъ да и ворота будутъ заперты; вамъ надобно будетъ пройти садомъ. »

— Ого ! — сказала я шутя — да это походить на какое - то любовное приключеніе; такая таинственность. —

«Необходима» перервалъ Каліостро «то что вы увидите у графа Ланцелотти, не должно имѣть много свидѣтелей.»

— А что-жь такое я увижу ? —

«То что вы хотѣли давно уже видѣть; вотъ въ чемъ дѣло: у графа Ланцелотти умеръ на этихъ дняхъ скоропостижно богатый родственникъ; онъ сдѣлалъ еще при жизни духовное завѣщаніе, которымъ отказываетъ по смерти все свое имѣніе графу. Что духовная существуетъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но ее не могли никакъ отыскать въ бумагахъ покойника, и все это огромное имѣніе можетъ достаться, вмѣсто графа Ланцелотти, одному ближайшему родственнику, который теперь въ Неаполѣ. Я обязанъ семейству графа единственнымъ благомъ, испытаннымъ мною въ теченіи всей бѣдственной и бурной моей жизни: мой другъ, моя милая жена, Лоренца, была воспитана въ ихъ домѣ, и вотъ почему, не смотря на опасность, которая мнѣ угрожаетъ, я рѣшился. . . . да!» продолжалъ Каліостро, поглядѣвъ съ робостію вокругъ себя «я рѣшился вызвать покойника съ того свѣта и заставить его сказать, гдѣ спрятана духовная, безъ которой его послѣдняя воля не можетъ быть исполнена.»

— Какъ! — вскричалъ я, обезумѣвъ отъ радости! — вы хотите сдѣлать меня свидѣтелемъ. . . . —

« Да! и если предчувствіе меня не обманываетъ, » продолжалъ Калиостро, взглянувъ печально на замокъ Святаго Ангела, который видѣнь былъ изъ окна вдали за Тибромъ, — « если меня погребутъ заживо въ этой обширной могилѣ, если ничто не спасетъ меня отъ злобы и ненависти людей, то я сдѣлаю васъ моимъ наслѣдникомъ. — Да! я не хочу, чтобы вмѣстѣ со мною погибло то, что стоило мнѣ такъ дорого; моя Лоренца не переживетъ меня. . . . и ее также ждуть высокія стѣны, тѣсная келья и медленная смерть! О! зачѣмъ я не устоялъ противъ искушенія! Зачѣмъ хотѣлъ утолить эту неутолимую жажду познаній. . . . О! еслибы я могъ возвратиться, забыть все! » — Калиостро закрылъ руками лицо и, помолчавъ нѣсколько времени, продолжалъ: « Нѣтъ! нѣтъ! кто разъ поднесъ эту чашу къ устамъ своимъ, тотъ будетъ пить ее до конца, и какая бы горечь ни была на днѣ, онъ не долженъ и не можетъ остановиться! Теперь ступайте » прибавилъ онъ пожавъ мнѣ руку « не забудьте: послѣ завтра, въ восемь часовъ, въ Тиволи. . . . мы до тѣхъ поръ не увидимся — я хочу эти два дня провести съ моей Лоренцою — прощайте! »

На другой день я познакомился съ графомъ Ланцелотти, а на третій, часу въ осьмомъ послѣ обѣда, былъ уже въ Тиволи. — На дворѣ было душно. Хо-

тя солнце начинало уже садиться, но жаръ все еще былъ нестерпимъ и я не встрѣтилъ почти никого изъ гуляющихъ, даже подлѣ самыхъ каскадовъ, гдѣ было нѣсколько посвѣжѣе. Прошло болѣе часу. Я умиралъ отъ нетерпѣнія; вмѣсто того, чтобы любоваться великолѣпною картиною Тивольскихъ водопадовъ, я смотрѣлъ по сторонамъ, не могъ стоять спокойно на одномъ мѣстѣ и ходилъ взадъ и впередъ какъ часовой, который ждетъ не дождется, чтобы его смѣнили. Наконецъ вдали, между миртовыхъ деревьевъ, мелькнула бѣлая шляпа и черезъ нѣсколько минутъ человекъ въ черномъ плащѣ съ краснымъ подбоемъ сошелъ подъ гору. Я поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, сказалъ мое имя и черный плащъ, поклонясь мнѣ очень вѣжливо, попросилъ за собою слѣдовать. Съ полчаса мы шли молча по тропинкѣ, которая изгибалась по скату горы. Вилла Адриана осталась у насъ на лѣвой рукѣ. Пройдя поперекъ густую оливковую рощу, мы повернули по широкому проспекту, обсаженному тополями и подошли къ запертымъ воротамъ довольно большаго дома, у котораго на лицевой сторонѣ всѣ окна были закрыты ставнями. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ вдоль каменной стѣны, мы вошли узкою калиткою въ обширный садъ, и я увидѣлъ въ концѣ длинной аллеи красивый портикъ, у котораго всѣ колонны были обвиты виноградными лозами. — Передъ ними на широкой, уставленной цвѣтами терассѣ, встрѣтилъ меня графъ Ланцелотти; онъ подаль мнѣ руку и сказалъ ласковымъ голосомъ: «я давно васъ ожидаю, господинъ Борхъ; Ка-

ліостро хотѣлъ, чтобъ вы были свидѣтелемъ того, что будетъ происходить у меня сегодня. Вы другъ его, слѣдовательно я могу положиться на вашу скромность. Прошу покорно войти, я представляю васъ всему обществу.»

Мы вошли въ круглую залу, которая освѣщалась сверху стекляннымъ куполомъ. Жена хозяина и еще какая-то пожилая дама сидѣли на канапе, подлѣ нихъ стоялъ высокій мужчина, меньшей братъ графа Ланцелотти, а поодаль, въ темномъ углу, сидѣлъ человекъ лѣтъ пятидесяти въ черномъ платьѣ. Признаться я очень удивился, когда, разсмотрѣвъ хорошенько этаго господина, замѣтилъ на головѣ его скуфью Римскаго аббата. «Чтожь это значитъ?» подумалъ я, «неужели въ присутствіи духовной особы, Калиостро рѣшится вызывать съ того свѣта покойника? Это что - то больно неловко!» Вѣроятно хозяинъ замѣтилъ мое удивленіе; онъ подвелъ меня къ аббату и сказалъ: «вотъ искренній другъ нашего семейства — Синьоръ Казотти; не безпокойтесь! онъ только по своему платью принадлежитъ къ здѣшнему духовенству и не раздѣляетъ его ненависти къ графу Калиостро, котораго любитъ и уважаетъ отъ всей души.» Поговоривъ еще нѣсколько минутъ со мною, хозяинъ скрылся. Въ залѣ царствовала такая глубокая тишина, какъ будто-бы въ ней никого не было; я замѣтилъ что всѣ посматривали на меня весьма недовѣрчиво; изрѣдка хозяйка шептала что-то на ухо своей сосѣдкѣ и покачивала го-

ловою. Аббатъ также молчалъ, какъ убитый. Я нѣсколько разъ начиналъ съ нимъ говорить, но онъ всякой разъ отвѣчалъ мнѣ однимъ наклоненіемъ головы и улыбкою, которая походила на самую отвратительную гримасу.

Болѣе двухъ часовъ продолжалась эта молчаливая бесѣда; хозяинъ не возвращался, братъ его ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, графиня продолжала перешептываться съ своею сосѣдкою, а господинъ аббатъ отправился гулять по саду. Сначала этотъ таинственный шопоть и тишина возбуждали во мнѣ не вовсе непріятное ощущеніе; это торжественное и продолжительное молчаніе казалось мнѣ необходимымъ приготовленіемъ къ тѣмъ чудесамъ, которыя я долженъ былъ видѣть; оно располагало мою душу къ принятію необычайныхъ впечатлѣній, и даже наводило на меня какой-то невольный трепеть; сердце мое рвалось вонъ изъ груди отъ нетерпѣнія; при каждомъ шорохѣ я вздрагивалъ и робко озирался кругомъ; но когда прошло часа полтора безъ всякой перемѣны, то это единообразное молчаніе, прерываемое едва слышнымъ шопотомъ, начало казаться мнѣ вовсе незабавнымъ; хозяинъ не возвращался, и я рѣшился наконецъ послѣдовать примѣру синьора Казотти, то есть отправился гулять по саду. На темносинихъ небесахъ вовсе непохожихъ на наше сѣверное, блѣдное небо, сіяла полная луна, и въ саду было гораздо свѣтлѣе, чѣмъ въ залѣ. Я пошелъ по первой, попавшейся мнѣ дорожкѣ, она привела меня къ небольшой по-

меранцевой рощѣ, посаженной вдоль садовой стѣны, Прохладный вѣтерокъ доносилъ до меня шумъ Тивольскихъ водопадовъ. Я остановился, чтобы прислушаться къ этимъ отдаленнымъ звукамъ, въ которыхъ было что-то гармоническое и музыкальное. Не прошло двухъ минутъ какъ у садовой стѣны за померанцевыми деревьями кто-то сказалъ въ полголоса : « спрячьтесь здѣсь въ кустахъ, чтобъ васъ не замѣтили ; когда будетъ надобно , я самъ приду за вами. » Вслѣдъ за этимъ раздался шорохъ и все умолкло « Чтобъ это значило ? » подумалъ я « неужели здѣсь какъ въ Террачинѣ разбойники грабятъ у самыхъ городскихъ воротъ ? Быть не можетъ ! я давнобъ объ этомъ слышалъ ; но кто-жь эти люди, которые должны прятаться въ кустахъ, чтобъ ихъ не замѣтили ? » Теряясь въ догадкахъ, я рѣшился наконецъ возвратиться въ залу и объявить графу Ланцелотти или жецѣ его, что подлѣ ихъ дома есть какая-то засада. На терассѣ встрѣтилъ меня Аббатъ Казотти. « Ступайте скорѣе » сказалъ онъ, « васъ только однихъ и ожидаютъ. » Въ круглой залѣ никого ужъ не было. Аббатъ взялъ меня за руку и, пройдя со мною нѣсколько темныхъ комнатъ, повелъ длиннымъ коридоромъ ; онъ остановился въ концѣ его, постучалъ въ запертую дверь, она растворилась и мы вошли въ обширную комнату, которая слабо освѣщалась повѣшенною сверху лампадою о трехъ рожкахъ. Графъ Ланцелотти и все остальное общество сидѣло на поставленныхъ рядомъ креслахъ ; я помѣстился въ самыхъ крайнихъ, а Казотти сталъ позади меня ; зажавъсь, повѣшенный

во всю ширину комнаты, раздѣлялъ ее на двѣ части; я поглядѣлъ вокругъ себя: ни на одномъ изъ присутствующихъ лица не было; мужчины старались покрайней мѣрѣ казаться спокойными, но женщины не скрывали своего страха и дрожали какъ въ сильной лихорадкѣ. Призваюсь и мое сердце замирало отъ ужаса, но вскорѣ любопытство и нетерпѣніе совершенно подавили во мнѣ всякое чувство боязни. Прошло нѣсколько минутъ въ глубокомъ молчаніи. Вдругъ ароматическое куреніе наполнило всю комнату, тихо отдернулся занавѣсъ, и мы увидѣли графа Каліостро передъ небольшимъ жертвенникомъ, на которомъ стояла жаровня и лежала толстая книга въ черномъ бархатномъ переплетѣ. Вся эта часть комнаты освѣщалась огромнымъ серебрянымъ подсвѣчникомъ о семи свѣчахъ. Каліостро былъ въ черномъ платьѣ, безъ галстука и съ распущенными по плечамъ волосами; лице его было блѣдно, черные глаза блистали вдохновеніемъ, а изъ полуоткрытыхъ устъ вылетали какія-то невнятные слова. Онъ держалъ въ рукахъ золотую коробочку, изъ которой продолжалъ сыпать порошокъ въ жаровню; изъ нее подымались облака зеленоватаго дыма, и сильный ароматическій запахъ распространялся болѣе и болѣе по всей комнатѣ. Позади меня раздался громкій вздохъ; всѣ вздрогнули; «я задыхаюсь!» проговорилъ болѣзненнымъ голосомъ синіоръ Казотти, «мнѣ дурно!»—Ступайте вонъ!—шепнулъ графъ Ланцелотти и аббать, шатаясь какъ пьяный, вышелъ изъ комнаты. Никогда не забуду взгляда, который бросилъ вельдъ за нимъ Калі-

остро. Казалось онъ хотѣлъ имъ превратить въ пепель бѣднаго Казотти. Когда все пришло опять въ прежній порядокъ, Каліостро взялъ съ жертвенника книгу, отошелъ къ сторонѣ и началъ читать въ полголоса. Какъ я ни напрягалъ мой слухъ, но не могъ ничего разобрать. За то ни одно движеніе Каліостро не укрылось отъ моихъ глазъ. Онъ часъ отъ часу становился тревожнѣе, грудь его волновалась, посинѣвшія губы дрожали, волосы примѣтнымъ образомъ становились дыбомъ, крупныя капли пота текли по лицу, и онъ, какъ будто-бы изнемогая отъ сильнаго напряженія, отъ времени до времени переставалъ читать и казалось съ трудомъ переводилъ дыханіе. Вдругъ вся наружность его измѣнилась, глаза запылали, яркій румянецъ разлился по блѣднымъ щекамъ: замѣтно было, что послѣ тяжелой борьбы наступала минута одоленія и торжества; Каліостро закрылъ книгу и мочнымъ голосомъ, который и теперь еще раздается въ ушахъ моихъ, повторилъ трижды какое-то таинственное слово; при третьемъ разѣ, что-то похожее на электрическое потрясеніе, пробѣжало по всѣмъ моимъ нервамъ; стоящій передъ жертвенникомъ семисвѣтильникъ погасъ, и на насъ повѣяло могильнымъ холодомъ. Не знаю, что происходило съ другими, я могу говорить вамъ только о моихъ собственныхъ ощущеніяхъ. Мнѣ было страшно; но этотъ страхъ вовсе не походилъ на тотъ, который при видѣ опасности, стѣсняетъ наше сердце; онъ скорѣй напоминалъ это страданіе, эту неизъяснимую тоску, которая въ смертный часъ, какъ жадный коршунъ, падаетъ на грудь

умирающаго грѣшника. Я ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, никто ко мнѣ не прикасался; но не смотря на это *отгадывалъ* чье-то невидимое присутствіе. За минуту насъ было только шестеро, а теперь я чувствовалъ—да, господа! смѣйтесь надо мною, а я точно не видѣлъ, не слышалъ, а *чувствовалъ*, что кто-то седьмой былъ вмѣстѣ съ нами. Между тѣмъ Каліостро бросилъ еще въ жаровню нѣсколько щепотей порошку; дымъ за клубился, поднялся аршина на три къверху, и вмѣсто того, чтобы разойтись по всей комнатѣ, остановился неподвижно надъ жертвенникомъ; мало по малу оконечности его стали принимать опредѣленную форму; верхняя часть этаго дымнаго облака округлилась, что-то похожее на сложенные крестомъ руки обрисовалось на его срединѣ, которая начала бѣлѣть, и чрезъ нѣсколько минутъ, представилось намъ, хотя еще тусклое, но уже совершенно правильное изображеніе человѣка въ бѣломъ саванѣ. Съ каждымъ мгновеніемъ это явленіе дѣлалось яснѣе и вещественнѣе, формы округлялись, черты лица стали отдѣляться одна отъ другой и вдругъ полупрозрачный образъ блѣднаго, изнеможеннаго болѣзнію старика, съ лицомъ грустнымъ, но спокойнымъ, тихо опустился на полъ и сталъ передъ жертвенникомъ.

«Праведный Боже!» вскричалъ графъ Ланцелотти «это онъ!»

Двери съ шумомъ распахнулись и нѣсколько слугъ вбѣжали торопливо въ комнату. Привидѣніе исчезло.

«Ечеленце!» проговорилъ одинъ изъ людей, «домъ окруженъ солдатами!»

Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ.

«Намъ измѣнили!» вскричалъ хозяинъ.

— Кажется ищутъ графа Калиостро — продолжалъ слуга — самъ синьоръ Баржелло (*) ведетъ сюда своихъ збировъ. —

«Спасайтесь Калиостро!» сказала торопливо графиня «вы можете задними дверьми выдти въ садъ.»

— Тамъ стоятъ двое часовыхъ, — шепнулъ слуга.

Калиостро не трогался съ мѣста.

«Спасайтесь! Бога ради спасайтесь!» закричалъ графъ Ланцелотти «вы и насъ погубите вмѣстѣ съ собою!»

— Нѣтъ! — сказалъ Калиостро — всѣ ваши усилія спасти меня будутъ напрасны; мой часъ наступилъ! —

Въ коридорѣ раздались шаги поспѣшно идущихъ людей. Калиостро подошелъ ко мнѣ. «Я обѣщаль сдѣлать васъ моимъ наследникомъ и долженъ сдержать мое слово» сказалъ онъ въ полголоса, подавая мнѣ запечатанный пакетъ. «Тутъ не болѣе десяти словъ; но этого довольно, чтобъ сблизить васъ съ тѣмъ, отъ кого вы узнаете все.»

(*) *Баржелло*, названіе гдавнаго начальника Полицейской команды въ Римѣ.

Я взялъ пакетъ и спряталъ его поспѣшно въ карманъ.

«Еще одно слово» продолжалъ Каліостро «я былъ обязанъ клятвою передать кому нибудь мою тайну; но ничто не обязываетъ васъ воспользоваться этимъ пагубнымъ наслѣдствомъ... не забывайте этаго!»

Тутъ полицейскій начальникъ съ толпою збировъ вошелъ въ комнату.

«Кто здѣсь Каліостро?» спросилъ онъ повелительнымъ голосомъ.

— Я! — отвѣчалъ графъ Каліостро.

«Именемъ правительства» продолжалъ полицейскій начальникъ «я беру васъ подъ стражу.»

— Позвольте спросить... — сказалъ графъ Ланцелотти.

«И вы также графъ» прервалъ полицейскій «должны явиться со мною въ Дель-говерно (*). Ваша связь съ этимъ негодяемъ, все что я вижу въ этой комнатѣ... но вы могли быть обмануты и я надѣюсь!... Гости ваши свободны; я запишу только ихъ имена. Этого самозванца» продолжалъ чиновникъ, указывая на Каліостро «въ замокъ Святаго Ангела, а вы графъ извольте ѣхать со мною.»

(*) Дель-говерно, — Римскій уголовный судъ.

На другой день меня попросили выѣхать изъ Рима. Спустя шесть лѣтъ послѣ этого приключенія, я узналъ, что Калиостро умеръ въ замкѣ Святаго Ангела, а жена его пропала безъ вѣсти. Говорятъ, что она также кончила жизнь въ заключеніи. Бѣдная Лоренца, какъ она была прекрасна!

М. Загоскинъ.

МЕСТЬ.

Female voice sings.

«By thy cold breast and serpent smile,
«By thy unfathom'd gulfs of guile,
«By that most seeming virtuous eye,
«By thy shut soul's hypocrisy; —
«I call upon thee! . . . , and compel
«Thyself to be thy proper Hell! . . .

(Manfred.)

Есть злая страсть, есть чувство проклятое,
Всё земнородное имъ отрадеть и болить:
Имъ сердце у людей трепещетъ ретивое,
Имъ безсловесныхъ кровь губительно кипить.

Недугъ, — ему во исцѣленье

Чужая скорбь и токи слёзъ чужихъ. —

Гладь ненасытимый, — въ терзаньи жертвъ своихъ,
Въ предсмертной мукѣ ихъ онъ ищетъ утоленья.
Отъ падшихъ ангеловъ та страсть наследство есть,....

Та страсть,....ей имя *Месть*!!....

* *
*

Месть чуетъ змій, какъ ненарокомъ
Наступить путникъ на него:

И весь яд жала своего
Вонзить безпечному урокомъ
Въ пыли ползущій врагъ его.

Въ груди мохнатой львицы смѣлой
Бушуетъ месть, и передъ ней
Дрожить пришлецъ оторопѣлый,
Тропой забредшій опустѣлой
Къ убѣжищу ея дѣтей.

У львицы когти, — когти злые, —
У львицы зубъ какъ мечъ стальной, . . . :
И вотъ, остыли подъ травой
Густой крови слѣды живые, . . . —
Пришлецъ погибъ въ глуши лѣсной:

Когда полуденною Местью
Дитя Италиі горитъ,
Онъ весь вражда, . . . онъ дорожитъ
Своей враждой, . . . душой и честью
Онъ съ нею связанъ, съ нею слить:

Кинжалъ въ рукѣ его сверкаетъ, . . . :
Кинжаломъ бредитъ онъ во снѣ, . . .
Онъ въ вражью грудь ударъ во тѣмъ
Одинъ, но мѣткій, направляетъ . . .
И жертва спитъ въ сырой землѣ.

Сыну набѣговъ и хищеній,
 Черкесу мести духъ врожденъ;
 Ему Коранскихъ повелѣній,
 Ему Эдемскихъ упоеній
 Пльнительней, святѣе онъ.

Коя, красавицу, и злато
 На шашку промѣнляетъ онъ;
 Нещадный гнѣвъ ему вожатый, —
 Ему сопутникъ звукъ булата, —
 Онъ дѣлу крови обрѣченъ!

Въ ущельяхъ горъ, въ степи безбрежной
 Скитаясь тѣнью, день и ночь,
 Изсохнетъ въ злобѣ онъ мятежной
 Пока врагу булатъ надежный
 Главы съ плечей не сброситъ прочь.

* *
 *

Всё мститъ!!... Но женщинѣ безгласной, безоружной,
 Чѣмъ ей воздать обидамъ клеветы? ...
 Чтò дѣлать женщинѣ, когда, — кумиръ ненужный,
 Развѣнчаный кумиръ забывчивой мечты, —
 Она съ подножія минутныхъ поклоненій
 Измѣной свержена, когда, безъ сожалѣній,
 Слѣпой досадою тщеславной суеты
 Она вдругъ брошена на судъ хмѣльныхъ сужденій,
 На смѣхъ язвительный ничтожной остроты?

Что можетъ женщина, когда изъ усть порока
Хула нечистая ей издали шипить?
Неправду дерзкую она-ль изобличить?
Она-ль унижится до пошлаго упрека?
Нѣтъ! . . . совѣсть за нее! . . . спокойна и горда,
Вѣрна самой себѣ она вездѣ, всегда.
Пусть на злорѣчїе въ ней сердце негодуетъ: —
Духъ кротости ей сердце уврачуетъ,
Духъ мудрости ей душу освѣжить! . . .
Она презрѣшьемъ наказуетъ,
Она забвенїемъ караетъ и казнить! . . .

Г. Е. Р.

Село Анна 1836.

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНИЕ ТЕОРИИ ПАРОВЫХЪ МАШИНЪ (*).

Quique pii vates, et Phœbo digna locuti,
Inventas aut qui vitam excoluere per artis,
Quique sui memores alios fecere merendo:
Omnibus his nivea cinguntur tempora vitta.

6-я книга *Энеиды*, ст. 662—665.

1. О жидкостяхъ (Fluides).

Наблюдатели природы, съ давнихъ временъ, старались воспользоваться силами, которыя она сама образуетъ, для произведенія движеній механическихъ. Первый, кажется, Архимедъ подымалъ своимъ винтомъ (vis) воду съ глубины на верхъ. Одинъ изъ древнихъ Греческихъ философовъ подарилъ человечеству обыкновенный насосъ, котораго однако дѣйствіе, въ теченіи 2000 лѣтъ, т. е. до самаго Галилея, оставалось безъ точнаго физическаго истолкованія.

(*) Когда незабвенный издатель «Современника» убѣждалъ меня быть его сотрудникомъ въ этомъ журналѣ, я представлялъ ему, безъ всякой лицемѣрной скромности, безъ всякихъ увертокъ самолюбія, сколько сухія статьи мои, по моему мнѣнію, должны казаться неумѣстными въ періодическихъ листахъ, одной легкой литературы посвященныхъ. Не такъ думалъ Пушкинъ: онъ говорилъ, что иногда случалось ему читать въ некоторыхъ изъ нашихъ журналовъ, полезныя статьи о наукахъ естественныхъ, переведенныя изъ иностранныхъ журналовъ или книгъ; но что переводы въ такомъ го-

Какая непостижимая медленность! Обращая взоръ на ежедневныя явленія природы, какъ бы казалось не дойти скорѣе до открытія сходства жидкости водяной съ жидкостію атмосферическою! Плаваютъ рыба, летаютъ птицы: не должно ли бы было ежедневное наблюденіе ихъ движеній, привести къ мысли, что тѣ и другія опираются на вещества между собою подобныя? Но сего не довольно, древность оставила намъ почтенную сказку или быль, что Архимедъ, занимаясь, по приказанію царя Сиракузскаго, средствами открыть въ золотой царской коронѣ количество чистаго золота, долго трудился напрасно, но что купаясь однажды, и почувствовавъ уменьшеніе собственной тяжести, выскочилъ изъ

сударствъ, гдѣ люди образованные, которымъ «Современникъ» особенно посвященъ, сами могутъ прибѣгать къ оригиналамъ, — всегда казались ему какою-то бѣдною заплатою не замѣняющею недостатка собственнаго упражненія въ наукахъ.— Не такъ думали и его продолжатели, которые мнѣ благосклонно сообщили, что одно изъ послѣднихъ желаній покойника было исполненіе моего обѣщанія: доставить въ «Современникъ» статью *о теоріи паровыхъ машинъ*, изложенной по моей собственной методѣ. Можно еще противиться волю живыхъ; но загробный голосъ имѣеть что-то повелительное, чему сътующее сердце не смѣетъ не повиноваться.

Кн. Козловскій

Именно въ послѣдній разговоръ мой съ Пушкинымъ 26 Января (на балѣ у гр. Разумовской) просилъ онъ меня написать къ кн. Козловскому и напомнить ему объ обѣщанной статьѣ, для «Современника». Принимая сіе порученіе, могъ ли я предвидѣть, что роковой жребій, постигнувшій его на другой день, былъ уже непреложно отмѣченъ въ урнѣ судьбы, и что нѣсколько часовъ послѣ, увижу Пушкина на одрѣ смерти и услышу послѣднее его дружеское прощаніе.

Кн. Вяземскій.

воды и закричалъ: εὕρηκα! εὕρηκα! нашель! нашель! Сей первый законъ Гидростатики, что *тѣло теряетъ въ водѣ относительно столько тяжести, сколько находится въсу въ равнолѣ ему объемъ (volume) жидкости, тѣломъ замѣненной*, законъ, на которомъ основана мѣра удѣльной тяжести, (*gravité spécifique*), принадлежащей разнаго рода тѣламъ въ отношеніи къ другимъ, долженствоваль кажется, привести и къ созерцанію атмосферической жидкости. Чистое понятіе о семъ гидростатическомъ началѣ такъ важно для нашего предмета, что читатели, конечно, простятъ мнѣ, если я имъ напомню самый простой доводъ сего закона. Я кладу на одну чашку вѣсовъ кусокъ вѣсящій фунтъ золота, а на другую—фунтовую гирю и усматриваю, что обѣ чашки находятся въ равновѣсіи. Потомъ снимаю кусокъ золота и привязываю его на ниткѣ подъ пустою чашкою; равновѣсіе не измѣняется, но погрузивъ висящее золото въ сосудъ наполненный водою, я примѣчаю, что чашка съ фунтовою гирею понизилась. Изыскивая способъ возстановить равновѣсіе разными тяжестями, на пустую чашку положенными, я наконецъ нахожу, что $\frac{1}{19}$ -я часть фунта оное возстановляетъ, и слѣдовательно, заключаю, что фунтъ золота потерялъ въ водѣ $\frac{1}{19}$ -ю часть своей тяжести. А какъ золото замѣнило въ сосудѣ равный себѣ объемъ, то слѣдовательно: въ равныхъ объемахъ, золото 19 разъ тяжелѣе воды.

Сей законъ водяной жидкости, извѣстный подъ именемъ Архимедова, пролагаль кажется нетрудный

путь къ открытію другаго, по которому вода подымается въ насосъ изъ глубины на поверхность земли.

Насосъ или сосущая помпа (*la pompe à suçon*) не только былъ извѣстенъ какъ я сказалъ, но и ежедневно употребляемъ въ самой древности. Что же помѣшало его истолкованію? Какая преграда препятствовала наимудрѣйшимъ философамъ рѣшить вопросъ: отъ чего подымается вода въ насосъ?—Одно изъ тѣхъ несчастныхъ событій, которыя часто являются въ исторіи развитія познаній человѣческихъ: боязнь опровергнуть однажды принятую систему, тѣмъ болѣе уважаемую, чѣмъ непонятнѣе было ея изложеніе. Вода, сказалъ одинъ изъ древнихъ, идетъ въ насосъ потому, что натура вездѣ имѣетъ отвращеніе къ пустотѣ (*natura horret a vacuo*). Неопредѣленность существа, называемаго натурою, несообразность предположенія страдательнаго чувства въ какомъ-то неосязаемомъ существѣ, всё сіе, вмѣсто того чтобы произвести улыбку сомнѣнія, возраждало только или безмолвную покорность, или еще страннѣйшее усиліе истолковать нелѣпость.

Самъ Галилей, кажется, не дерзнулъ объявить извѣстную уже ему истину, и оставилъ ученику своему Торичелли (*Toricelli*) славу открытія вещественнаго давленія воздуха. Торичелли пишетъ, что когда сказали однажды его великому учителю, что насосъ не могъ поднять изъ колодца воды, находившейся въ глубинѣ 36 англійскихъ футовъ отъ поверхности земли, то великій мужъ улыбнулся и отвѣ-

чаль, что видно природа теряетъ свое отвращеніе къ пустотѣ въ глубинѣ, превышающей тремя или четырьмя футами обыкновенную мѣру колодезь, изъ коихъ насосъ можетъ подымать воду.

Насмѣшка сія, наименовитѣйшая изъ всѣхъ насмѣшекъ, привела Торичелли къ изобрѣтенію барометра т. е. показателя высоты столба ртути, равновѣснаго съ воздухомъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ къ открытію, что атмосферическій столбъ давитъ съ такою же силою, съ какою бы давилъ тоже мѣсто тѣла столбъ воды вышиною въ 34 Англійскихъ футовъ. Когда насосъ, пониженіемъ своего поршня (piston), производитъ въ трубѣ пустоту, изгоня часть атмосферическаго воздуха, тогда вода, подаваемая въ колодезь внѣшнею атмосферою, подымается въ трубѣ, частію опустѣлой, и гдѣ разжиженный воздухъ не представляетъ внѣшнему давленію равнаго сопротивленія; очевидно: что при всякомъ пониженіи поршня, будетъ еще изгоняться воздухъ, разжижаться остающійся и вода болѣе и болѣе подыматься, но не выше 34-хъ Англійскихъ футовъ: ибо тогда сама вода, равняющаяся вѣсомъ съ атмосферическимъ воздухомъ, не позволитъ водѣ, въ колодезь сдавляемой, подыматься выше. Законъ атмосферической тяжести, основанный на барометрѣ, найденномъ Торичелли, совершенно пояснить, я надѣюсь, моимъ читателямъ, происходящее въ насосѣ, когда мы съ тѣмъ вмѣстѣ изложимъ законъ густоты и упругости атмосферическаго воздуха, извѣстный въ физикѣ подъ названіемъ своего перваго наблюдателя, Маріота.

Упругость или сила жидкостей духообразныхъ (aëriiforme) находится въ обратномъ содержаніи пространства или наполняемаго, то есть, что жидкости духообразныя, какъ то: воздухъ, водяной паръ и другіе газы, подлежащіе стѣсненію, могутъ быть заключены въ томъ же количествѣ въ меньшее пространство; при чемъ сгущаются, а съ увеличеніемъ густоты, получаютъ болѣе упругости и силы.

И такъ всё созданное, въ вещественномъ мірѣ, раздѣляется на тѣла *твердыя*, коихъ частицы не могутъ быть разлучены посредствомъ одного слабого давленія и на тѣла *жидкія*, подраздѣляющіяся на два рода: 1) на *текущія несжимаемыя*, и 2) на *духообразныя сжимаемыя*. Къ первымъ принадлежатъ вода, масло, алкоголь, спиртъ; ко вторымъ: атмосферическій воздухъ, водяной паръ и разные газы.

Если жидкость сего послѣдняго разряда принуждена вмѣститься въ половину того пространства, которое она занимала, то сила ея упругости или давленія на стѣны сосуда, сдѣлается вдвое больше; если втѣснить ее въ третью часть первоначальнаго пространства, то упругость ея утроится такъ, что теорема Мариота обыкновенно изображается слѣдующими рядами цифръ: 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$, пространства соотвѣтствуютъ 1, 2, 3, 4, 5, силамъ.

Признавъ сію теорему за опытную истину, которую однакожь, безъ помощи высшаго анализа, доказать невозможно, читатель легко уже усмотритъ, что если сила давленія, или упругость таковыхъ

духообразныхъ жидкостей, возрастетъ при уменьшеніи пространства ими занимаемаго, то она должна уменьшатся при разширеніи своего объема: и потому-то въ трубѣ насоса, по мѣрѣ произведенія поршнемъ пустоты, воздухъ разжижается и слѣдовательно дѣлается безсиленъ. Давленіе его на всякую частицу воды, входящую въ трубу, состоитъ тогда уже не въ равновѣсіи съ такимъ же воздушнымъ давленіемъ внѣшней атмосферы: почему вода и подымается, но не выше тридцати четырехъ Англійскихъ футовъ: ибо въ семъ послѣднемъ случаѣ, наступаетъ механическое равновѣсіе, производимое не одною неподвижностію покоящагося тѣла, но зависящее отъ борьбы двухъ силъ равныхъ и противоположныхъ.

Присовокупивъ къ понятіямъ о трехъ физическихъ законахъ, мною изложенныхъ, а именно: Архимеда, Торичелли и Маріота, нѣкоторыя химическія свѣденія, которыя намъ представляются при разсма-
триваніи пароваго котла, читатель познакомится совершенно съ теоріею паровыхъ машинъ. Между тѣмъ примѣтимъ, что тѣла въ химическомъ отношеніи, то есть, въ наукѣ имѣющей особенною цѣлю *разложенія*, разсматриваются въ измѣненіи своихъ видовъ, какъ одно и то же вещество. Для химика вода, паръ и ледъ, представляются только тремя измѣненіями, зависящими отъ теплотвора (*calorique*). Химикъ видитъ во всѣхъ тѣлахъ вообще три эпохи существованія: твердость, жидкость и духообразную легучесть. Въ физическихъ же изысканіяхъ, наука ограничивается наблюденіями явленій, свойствен-

ныхъ каждому веществу въ настоящемъ его видѣ, отъ чего бы оно ни происходило, и подводитъ, сколько возможно, таковыя явленія подъ общіе законы.

Читатель конечно не ожидаетъ отъ меня изложенія цѣлой науки; но трудъ мой достаточно вознаградится, когда при воззрѣніи на машины, ежедневно представляющіяся его глазамъ, онъ избѣгнетъ стыда сознаться въ лѣности, воспрепятствовавшей ему пріобрѣсти хотя и неполное, но по крайней мѣрѣ достаточное понятіе о предметѣ, который такъ къ нему близокъ и который нынѣ обращаетъ на себя общее вниманіе. Ученость, какъ и все прочее, есть вещь относительная; во времена Карла Великаго назывался ученымъ тотъ, кто вмѣсто крестика, умѣлъ подписать свое имя. Еще въ началѣ XVII вѣка, между Европейскимъ дворянствомъ, считались, какъ то мы видимъ изъ записокъ Сеиъ-Симона, весьма учеными тѣ, которые умѣли написать безошибочно нѣсколько строчекъ, или которые знали нѣсколько Латинскихъ словъ. Въ наши времена, даже въ самихъ гостиныхъ, требованія гораздо увеличились.

Нельзя же, среди блистательнаго Петербурскаго общества, подъ крышею, на которой возвышается щегольски устроенный громовой отводъ Франклина, приписывать громъ стуку какой-то колесницы. Нельзя же, пользуясь плодами нашего прежняго воспитанія, и повторяя слова несчастной книжки, подъ названіемъ: краткое изложеніе *всѣхъ наукъ* (*abrégé de toutes les sciences*), говорить не только въ присутствіи ученыхъ, но и просвѣщенныхъ нашихъ

дамъ, о какихъ-то четырехъ стихіяхъ, когда разложеніе воды на два газа можетъ быть представлено нашимъ взорамъ во всякой химической лабораторіи; когда Геологія, занимающаяся разложеніемъ земли, сдѣлалась уже доступною и для тѣхъ, которые не имѣютъ основательныхъ познаній физико-математическихъ; когда всякой можетъ, вмѣсто пуху, наполнить дорожную подушку свою воздухомъ, и когда, наконецъ, современникъ нашъ, славный Деви, ясно доказалъ несущественность огня въ отсутствіи кислотвора (оxygen). Нѣкоторыя физическія и математическія понятія сдѣлались, къ счастью, необходимы, какъ не-смятая рубашка, и для самихъ свѣтскихъ людей.

2. СОСТАВЪ МАШИИЪ.

Постараемся, безъ помощи рисунка, сами, соорудить умственно механизмъ движимый паровою силою.

По моему мнѣнію сія метода есть наилучшая, для яснаго постиженія предметовъ механическихъ. Мы видѣли крестьянина графини Лаваль, молодаго человека безъ всякихъ познаній, побывавшаго только нѣсколько дней въ С. Петербургѣ, и потомъ возвратившагося въ деревню графини, на Ладожскомъ озерѣ, гдѣ онъ, безъ всякихъ средствъ и помощи, *вообразилъ* и соорудилъ маленькой паруходъ, легкой какъ дѣтская игрушка, и прибылъ на немъ въ С. Петербургъ, на Аптекарскаго островъ.

Положимъ, что нужно намъ замѣнить естественными и искусственными силами, силы животныхъ,

людей или лошадей; на примѣръ: восемь лошадей или 48 здоровыхъ людей, употребляемыхъ для обращенія вала (*arbre*), который, посредствомъ разныхъ колесъ и ремней, распространяетъ движеніе по всѣмъ мѣстамъ фабрики. Первая задача будетъ: какимъ образомъ сіе горизонтальное, вращательное движеніе вала сдѣлать зависимымъ отъ другаго вертикальнаго, которое было бы производимо какою нибудь естественною силою? Тутъ внезапно воображенію нашему представится *самопрялка*, извѣстная по простотѣ своей въ странахъ, наименѣе просвѣщенныхъ. Разсматривая со вниманіемъ ее механизмъ мы замѣтимъ, что она имѣетъ два движенія: одно вертикальное, производимое ногою прядильницы вверхъ и внизъ, другое круговращательное, происходящее отъ перваго. Это покажетъ намъ возможность произвести, посредствомъ шеста, вверхъ и внизъ поднимающагося, круговращательное движеніе вала или оси, для чего нужно было бы, на примѣръ, 50 сильныхъ людей. Остановясь на семъ первомъ открытіи, мгновенное воззрѣніе на дѣйствіе *бабы* подастъ намъ мысль о поршнѣ (*piston*), который есть не что иное, какъ шестъ, имѣющій на одномъ концѣ своемъ толстый цилиндръ, на подобіе жернова, двигающагося плотно въ стѣнахъ выдолбленнаго дерева. Въ связи такого шеста съ осью или валомъ, назначеннымъ для круговращенія, состоитъ вся механическая часть паровой машины.

Теперь остается рѣшеніе второй части задачи, т. е. какими естественными средствами подвинемъ

мы вверхъ и внизъ найденный уже нами поршень. Мы могли бы двигать его водою; но для этаго потребна съ высоты падающая вода; къ тому же сія несжимаемая жидкость, сильно дѣйствующая во всѣ стороны, не имѣетъ однако же свойства упругости, могущей направляться именно на желаемый пунктъ. Еще могли бы мы двигать нашъ поршень стѣсненіемъ атмосферическаго воздуха, котораго сильныя дѣйствія являются намъ въ духовыхъ ружьяхъ; но атмосферическая жидкость, по чрезвычайной своей быстротѣ, съ трудомъ подчиняется движенію постепенному и равнообразному, хотя впрочемъ мы и увидимъ послѣ, что въ первой машинѣ Англійскаго механика Невкома (Newcomen) и понынѣ употребляемой, поршень сходить внизъ силою одного давленія атмосферическаго. Когда устранимъ такимъ образомъ водную и атмосферическую жидкость, намъ останутся только газы, изъ которыхъ простѣйшій, есть водяной паръ. По теоремѣ Маріота, о которой я уже говорилъ, сила давленія сей жидкости находится въ прямомъ содержаніи ея густоты, и въ обратномъ пространства ею занимаемаго; что изображается дробью, поставивъ въ числителѣ густоту, а въ знаменатели пространство, такимъ образомъ:

$$C = \frac{\gamma}{H}$$

Соединеніе котла съ цилиндромъ, въ которомъ двигается поршень, можетъ быть произведено просто трубами.

И такъ машина наша уже почти готова; мы сгустили паръ до нѣкоторой степени въ котлѣ, со

всѣхъ сторонъ закрытомъ, кромѣ одной трубы, служащей проводникомъ, изъ которой выходящій паръ мы будемъ направлять попеременно, то на дно, то на верхъ поршня, и тѣмъ заставимъ его двигаться вверхъ и внизъ. Посредствомъ же соединенія шеста съ валомъ, мы умѣемъ уже превратить, на подобіе самопрядки, сіе вертикальное движеніе въ круговращательное, дающее, чрезъ колеса и ремни, ходъ всей системѣ. Тутъ представляется вопросъ: какимъ образомъ проводить попеременно паръ то внизъ то вверхъ поршня, и такъ еще, что бы совокупное давленіе снизу и сверху не производило механическаго равновѣсія, противящагося движенію. Но воображеніе наше легко устранить такое затрудненіе, представляя себѣ клапаны (*valves*) или подвижныя заслонки, какой бы фигуры ни было, и которыхъ намъ не нужно болѣе четырехъ. Устроимъ же два таковыхъ клапана на верху, и два внизу цилиндра, съ отверстіями, онимъ соответствующими. Они будутъ заширяться и отворяться такимъ образомъ, что когда намъ надобно впускать паръ, для пониженія поршня, то отворялись бы два изъ нихъ вмѣстѣ: одинъ вбирающій паръ на верху, а другой испускающій внизу, для упраздненія пара, оставшагося по поднятіи поршня, и который бы препятствовалъ движенію. Для противнаго же дѣйствія долженъ отворяться снизу клапанъ вбирающій и сверху клапанъ испускающій. Для яснейшей ясности называя сіи клапаны или заслонки по порядку литеръ: *a*, *b*, *c*, *d*, замѣтимъ, что — *a* и *d*, *c* и *b* должны отдвигаться и затворяться вмѣстѣ и одновременно. Сей механизмъ не представитъ никакихъ

затрудненій: ибо его можно произвести простыми желѣзными подвижными прутьями, изъ которыхъ каждый соединень будетъ съ двумя заслонками или клапанами *a* и *d*, *c* и *b*. Здѣсь представляется намъ опытами химическими доказанное правило, до познанія котораго впрочемъ мы и сами можемъ дойти въ Русскихъ баняхъ: что паръ, соединясь съ холодною водою, превращается въ первобытное свое состояніе, т. е. въ воду. И такъ мы могли бы обойтись безъ пара для *пониженія* поршня, употребляя подъ поршнемъ холодную воду, которая, соединившись съ паромъ, произвела-бы подъ поршнемъ пустоту: ибо самъ паръ уже передъ тѣмъ выгналъ изъ занятаго имъ пространства атмосферическій воздухъ. Въ такомъ случаѣ поршень, подавляемый внѣшнею атмосферическою тяжестью, самъ собою долженъ опуститься. На семъ соображеніи основана первая удачная паровая машина. Но разсматривая ближе неудобства таковаго средства, мы замѣтимъ: 1) что при ономъ происходитъ большая потеря пара, коего порожденіе стоитъ не маловажныхъ издержекъ на топливо, и 2) что когда мы расхолодимъ стѣны цилиндра, при новомъ впусценіи пара для поднятія поршня, нововпущенный паръ необходимо утратить часть своей упругости, зависящей отъ его температуры.

Изслѣдованіе: какимъ образомъ устранено сіе послѣднее неудобство славнымъ Англійскимъ механикомъ Ваттомъ можетъ служить поучительнымъ отвѣтомъ тѣмъ, которые отвергають всякое удѣленіе полезныхъ свѣденій людямъ нискаго состоянія.

Ваттъ, какъ мы послѣ увидимъ, былъ простымъ работникомъ у мастера математическихъ инструментовъ, въ Глазговѣ. Благоразумная и воздержная жизнь доставила ему возможность слушать химическія лекціи доктора Блака, который первый въ Европѣ изложилъ славную свою теорію о *сокровенной теплотѣ* (*chaleur latente*). Онъ объяснялъ ее почти такимъ образомъ: кусокъ льда, принесенный въ комнату, обыкновенно нагрѣтую, вскорѣ начинаетъ таять. Происходящая отъ того жидкость, или лучше сказать, смѣшеніе тающаго льда съ водою, содержитъ въ себѣ 32 градуса теплоты по Фаренгейту, или стоитъ на нуль по Реомюру. Но если-бы потребовалось возвысить эту жидкость на одинъ градусъ, то для сего надлежало-бы продолжительнымъ согрѣваніемъ удѣлить ей еще теплоту 140 градусовъ: слѣдовательно, самая холодная вода, (какова есть вода въ 33 градуса теплоты по Фаренгейту) насыщена теплотою во 140, которую въ себѣ поглощаетъ, не обнаруживая того на термометръ: почему и называется *сокровенною*. Вода поставленная на огонь скоро получаетъ вмѣстѣ съ паромъ температуру кипѣнія: т. е. 212 градусовъ по Фаренгейту или 80 по Реомюру; но послѣ сего сія температура уже не возвышается, и всякое прибавленіе теплоты обращается только въ сокровенную теплоту пара, который отъ того постепенно густѣетъ и слѣдовательно дѣлается болѣе упругимъ.

Сія еще тогда новая и глубокая теорія Блака поразила слушавшаго его лекціи ремесленника Ватта, и

подала ему мысль придѣлать къ паровой машинѣ особый цилиндрической сосудъ, въ которомъ бы выпускаемый паръ превращался въ воду. Опытомъ потомъ доказано, что изобрѣтеніемъ сего цилиндрическаго сосуда, названнаго *сгустителемъ* (condensateur) или *холодильникомъ*, сэкономлено по крайней мѣрѣ три четверти издержекъ въ потерѣ пара.

Обращая вниманіе на котель, мы безъ сомнѣнія усмотримъ надобность въ указателяхъ недостатка воды въ котлѣ и чрезмѣрной упругости пара, угрожающей котлу взорваніемъ. Для достиженія сего предмета, мы прибѣгнемъ къ извѣстнымъ уже намъ законамъ Архимеда и Мариота. Въ слѣдствіе перваго, мы повѣсимъ въ котлѣ какую нибудь тяжесть, изъ желѣза или изъ дерева, поддерживаемую водою, доколь высота воды будетъ достаточна. Съ убылью воды тяжесть плавающего тѣла (flotteur) увеличится, тѣло опустится, и подастъ знакъ, что воды не довольно, а съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ открыть, посредствомъ соединенія своего съ маленькимъ рычагомъ, клапанъ, чрезъ который вода вливается въ котель: что и обезпечитъ насъ, что въ котлѣ не будетъ недостатка въ водѣ. 2-е. Для предупрежденія взрыва котла, вырѣжемъ на поверхности онаго довольно пространный клапанъ, отворяющійся только изнутри наружу, и руководствуясь правиломъ Торичелли объ атмосферическомъ давленіи, которое, по исчисленію, равно пятнадцати Англійскимъ фунтамъ на всякой Англійскій квадратный дюймъ, мы можемъ положить на клапанъ котла такую тяжесть,

къ которой самое приближеніе силы пара представляло бы опасность для цѣлости котла. Если на примѣръ мы знаемъ, что котелъ не выдержитъ внутренняго напряженія, равнаго силою четыремъ атмосферическимъ давленіямъ, то положимъ на клапанъ такую гирю, чтобы на каждый квадратный Англійскій дюймъ поверхности клапана приходилось по 45 Англійскихъ фунтовъ. Такая тяжесть составляетъ, какъ читатель вѣроятно замѣтилъ, только три атмосферы. Если внутреннее напряженіе пара сдѣлается сильнѣе оныхъ, то оно подыметъ клапанъ съ гирями, выпуститъ часть пара и подастъ намъ знакъ о потребности уменьшить жаръ, а съ нимъ вмѣстѣ и вѣдшее сгущеніе пара.

И такъ читатель соорудилъ, вмѣстѣ со мною, машину не только Невкомаена, но и самага Ватта.

Прежде нежели мы наконецъ займемся обзорніемъ фигуръ, я расскажу въ нѣсколькихъ словахъ исторію сего важнаго изобрѣтенія, преобразившаго, такъ сказать, всѣ житейскія отношенія Европы, и замѣнившаго по послѣднему расчету, въ одной Англии работу 400 милліоновъ рукъ.

3 ИСТОРИЯ ИЗОБРЕТЕНІЯ ПАРОВОЙ СИЛЫ.

Каждое общепольное открытіе возбуждаетъ въ ученѣмъ мѣрѣ междоусобную войну, въ которой писатели домогаются присвоить первую мысль одному изъ своихъ соотечественниковъ; таково было несчастное соперничество Невтона и Лейбница, по случаю дифференціального исчисленія; тоже произошло

въ послѣдніе годы и съ паровою машиною. Цѣлые томы ежедневно выдаваемые о семъ предметѣ, приписываютъ то одному, то другому, сію первую мысль, сей зародышъ важной перемѣны въ бытіи гражданскомъ и въ сношеніяхъ народныхъ. Изъ уваженія къ моимъ читателямъ я вынужденъ былъ изслѣдовать много скучнаго и бесполезнаго въ моихъ историческихъ изысканіяхъ. Избавляя ихъ отъ столь бесплоднаго труда, скажу здѣсь только то, что уцѣлѣло въ моей памяти.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ философіи Герона (Heron) Александрійскаго, жившаго тому почти 2000 лѣтъ назадъ, а именно 120 лѣтъ до Рождества Христова, находится какой-то бѣглый намѣкъ о возможности произвести движеніе водянымъ паромъ; но фигура имъ начертанная, не имѣетъ никакого сходства съ физиологіею нынѣшней паровой машины. Испанскіе, а по ихъ словамъ и Нѣмецкіе ученые, утверждаютъ что въ 1543 году, по приказанію Карла V-го, какой-то капитанъ Блоско де-Гаран, двигалъ большое судно безъ парусовъ и безъ весель; но притомъ ни слова не говорится о водяномъ парѣ. Нѣмецкіе же ученые, склонные къ рѣшенію задачъ безъ данныхъ, утверждаютъ, будто-бы для подобнаго движенія, непременно употреблено было средство, почерпнутое изъ записокъ философа Александрійскаго.

Такого рода предположенія не достойны вѣроятности исторической.

Если кто нибудь, по моему мнѣнію, достоинъ получить вѣнецъ безсмертія за первую живую мысль

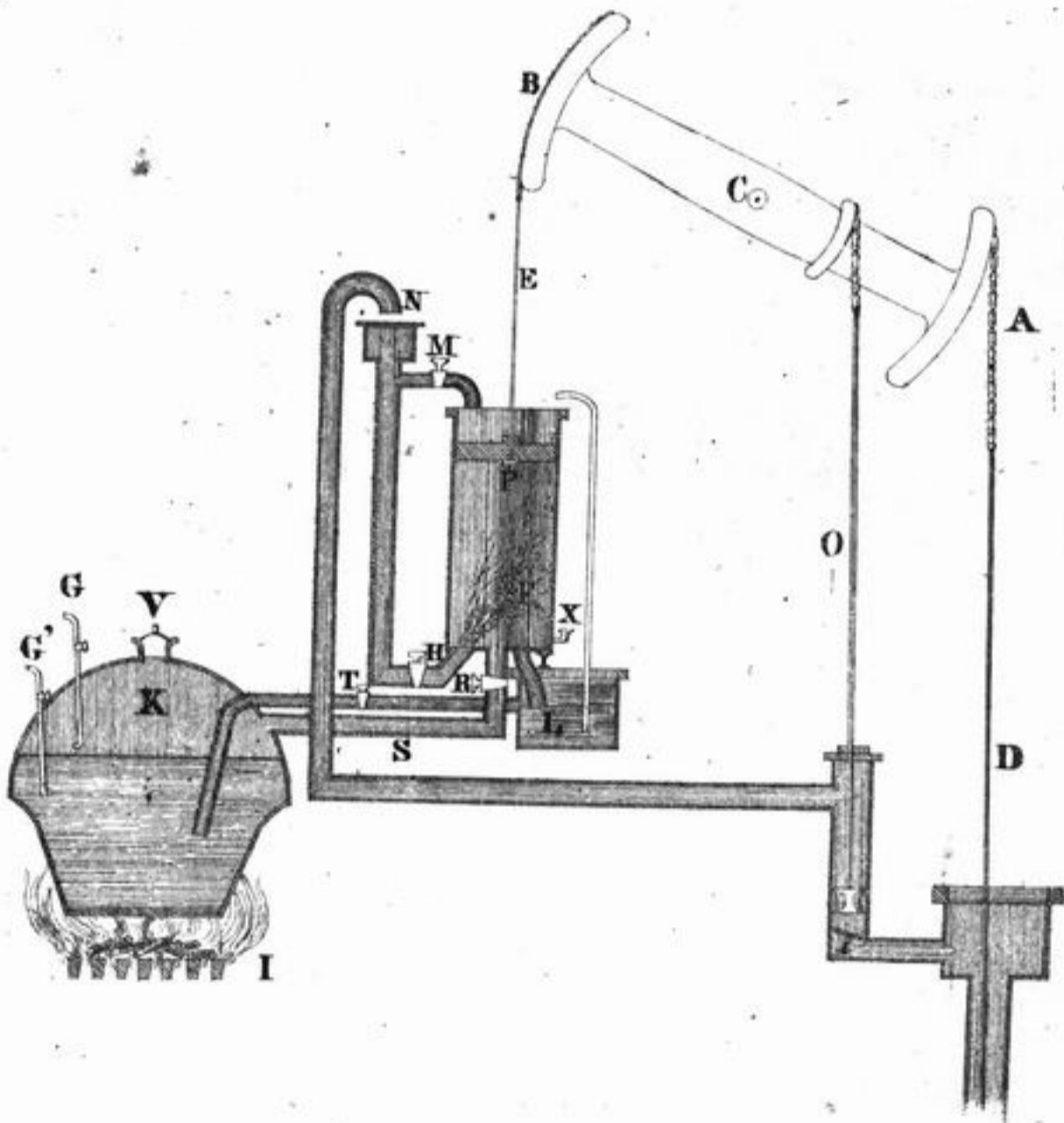
о силѣ, доставляющей, предъ нашими глазами, такое множество выгодъ просвѣщеннымъ народамъ, то конечно сей вѣнецъ принадлежитъ профессору Механики Жіовани Бранка, который въ 1629-мъ году выдалъ въ Римѣ книгу, подъ заглавіемъ: «Le machine diverse del Sr. Giovanni Branca». Въ сей книгѣ онъ именно показывасть средство приспособленія водянаго пара для движенія мѣльницъ. Но мысль великаго ученаго, какъ многія высокія мысли глубокопроницательныхъ его соотечественниковъ, упала на камень, и не принесла тѣхъ плодовъ, которыхъ бы человечество отъ него ожидать могло. Какъ во всехъ обстоятельствахъ жизни, такъ и въ открытіяхъ, самые гении нуждаются въ какомъ-то согласномъ расположеніи умовъ, въ какомъ-то покровительствѣ судьбы, безъ котораго изобрѣтенное ими съ трудомъ и усердіемъ остается мимолетнымъ и тщетнымъ мечтаніемъ.

Сорокъ лѣтъ послѣ Бранка, Маркизь Вустеръ (Worcester) выдалъ очень занимательную книгу, подъ заглавіемъ: Вѣкъ открытій (Century of inventions); сіе сочиненіе, мало извѣстное внѣ Англіи, имѣетъ то достоинство, что Англія обязана оному болѣе, можетъ быть, чѣмъ какому либо другому поощренію, превосходствомъ своимъ въ механикѣ. Оно писано не смиреннымъ и простодушнымъ слогомъ бѣднаго Италіянскаго профессора, толкующаго читателямъ, какъ ученикамъ, всякую подробность, но гордо-легкимъ и бѣглымъ перомъ умнаго лорда, удостоивающаго механику своимъ высокоблагороднымъ вниманіемъ. Онъ ничего не описываетъ, а только намѣкаетъ; говоритъ:

вѣтъ, что можно сдѣлать, и вотъ какія вещи я у себя, въ моемъ зѣмкѣ, соорудилъ. Лордъ Вустеръ пишетъ просто, съ убѣжденіемъ, и потому внушаетъ довѣріе. Ему, безъ всякаго сомнѣнія, можно приписать славу возбужденія въ Англіи народной любви къ механикѣ. Онъ первый въ Англіи говорилъ о силѣ паровой съ глубокомысленностію, соотвѣтствующею важности предмета; но машину, кажется мнѣ по его словамъ, соорудилъ онъ только въ своемъ воображеніи. Тридцать лѣтъ послѣ него, капитанъ Савери неудачно посвятилъ ей много трудовъ и много усилій, и по руководству лорда Вустера изобрѣтенная имъ машина, осталась безъ подражателей. Почти въ то же время профессоръ математики въ Марбургѣ, родомъ Французъ, изъ Блоа, Папень (Papin) занимался также приспособленіемъ атмосферическаго давленія на подвышеніе и пониженіе поршня; но по всему видно, что въ исполненіи, онъ не былъ счастливѣе Капитана Савери.

Первый Невкоменъ (Newcomen) кузнецъ въ Дармутѣ, въ 1705 году, взялъ патентъ на сооруженіе такъ названной имъ атмосферической паровой машины, которая 60 лѣтъ, т. е. до важныхъ открытій Якова Ватта, была единственною паровою машиною, употребляемою въ Англійскихъ рудникахъ. Она, и послѣ мудрыхъ преобразованій Ватта, еще доселѣ употребляется тамъ, гдѣ топливо не дорого, и потому достойна вниманія моихъ читателей. Вотъ описаніе ея состава и ея хода съ приложеніемъ чертежа.

ОПИСАНИЕ НЕВКОМОНОВОЙ АТМОСФЕРИЧЕСКОЙ МАШИНЫ.

Котель К поставленъ въ печь I, которой жаръ дѣйствуетъ на всѣ части его дна. На крышкѣ, имѣющей видъ полушара, находятся двѣ трубочки G, G', и клапанъ V, отворяющійся сверху, на которомъ положена гиря такого вѣса, что на каждый квадратный дюймъ поверхности клапана приходится по одному Англійскому фунту тяжести. Когда паръ К образовавшійся въ котлѣ, превышаетъ давленіе одной атмосферы болѣе чѣмъ фунтомъ на

квадратный дюймъ, то клапанъ, отъ напряженія пара, подымается и выпускаетъ оный, пока давленіе снизу не уменьшится до желаемой степени, и тогда клапанъ V самъ собою закрывается.

Большая паровая труба представлена подъ лит. S; она проводитъ паръ изъ котла въ цилиндръ, и труба T, къ которой приспособленъ кранъ, отворяющійся и затворяющійся по произволу, идетъ изъ колодца L въ котель. Посредствомъ этой трубы, котель можетъ быть наполняемъ водою изъ колодца, когда выпускающій кранъ G показываетъ, что уровень воды (le niveau) значительно понизился. Когда поршень, давленіемъ атмосферы, дѣйствующей на пустоту, опустился въ нижнюю часть цилиндра, то для возстановленія равновѣсія съ симъ давленіемъ и дабы тѣмъ вмѣстѣ заставить поршень подняться вверхъ тяжестію шеста D, нужно впустить паръ изъ котла; что и дѣлается, открывая кранъ R, паровой трубы S.

Напряженіе впущеннаго такимъ образомъ изъ котла пара, противодѣйствуетъ силѣ атмосферы на поршень, который въ тоже мгновеніе и подымается вверхъ тяжестію шеста D. Въ такомъ его положеніи нужно превратить паръ въ первобытное его состояніе, т. е. въ воду, что бы произвести пустоту (vacuum) и для того нужно: 1) остановить дальнѣйшій входъ пара, затворяя кранъ R; 2) облить холодною водою внѣшнюю поверхность цилиндра, что дѣлается иногда, окружая цилиндръ другимъ по-

добнымъ (который въ приложенномъ чертежѣ не означенъ), и оставляя между ими небольшой промежутокъ. Въ сей промежутокъ вливается холодная вода верхнимъ краномъ М. Вода сія проводится особенною трубою изъ колодца N, а сей послѣдній снабжается оною чрезъ помпу О, изъ которой накачивается она правымъ концемъ рычага С.

Холодная вода, доставленная краномъ М, наполнивъ пустое пространство между двумя цилиндрами, поглощаетъ теплоту внутренняго цилиндра, и, превращая паръ въ воду, производитъ пустоту, въ которую поршень немедленно опускается силою давленія атмосферическаго воздуха. Прежде нежели послѣдуетъ вторичное опущеніе поршня, промежуточная вода, согрѣвая теплою, отнятою ею отъ пара, выливается, дабы уступить мѣсто другой холодной водѣ, впускаемой чрезъ кранъ М. Для сего находится на днѣ цилиндра отверстіе съ краномъ, для впусценія воды въ колодезь L, и такъ какъ сія вода уже согрѣта, то она служитъ къ наполненію котла чрезъ кранъ Т, какъ прежде сказано.

Но что-бы вода, образовавшаяся на днѣ цилиндра изъ превращеннаго пара, не препятствовала свободному опущенію поршня, то она изливается посредствомъ клапана, открывающагося снутри въ трубу, которая проведена въ колодезь.

Вскорѣ послѣ первыхъ испытаній надъ машинами сего рода, одинъ случай подаль Невкомену мысль,

упразднить паръ въ цилиндрѣ инымъ способомъ, который оказался предпочтительнѣе перваго, то есть: обливать холодною водою внѣшнюю поверхность цилиндра.

Замѣчено было, что одна машина дѣйствовала съ необыкновенною быстротою и безъ обливанія внѣшней поверхности цилиндра. Разсматривая поршень, нашли въ немъ дыру, чрезъ которую вода, налитая надъ самымъ поршнемъ, что бы не допускать воздуха въ цилиндръ, текла и мгновенно превращала паръ, подъ поршнемъ находящійся, въ воду. Тогда Невкомень оставилъ и внѣшній цилиндръ, и обливаніе снаружи. Онъ приспособилъ внизу оставшагося внутренняго цилиндра трубу Н, съ краномъ; дабы, при открытіи крана, давленіе воды въ трубѣ Н, произведенное превъщающимъ стояніемъ воды колодца N, мгновенно вбрасывало часть оной во внутрь цилиндра, и тѣмъ уничтожало паръ.

Сей способъ превращенія пара въ воду однимъ брызгомъ, былъ важнымъ усовершенствованіемъ въ машинѣ и остался по сіе время въ употребленіи.

Познакомившись такимъ образомъ съ атмосферическою машиною вообще, разсмотримъ подробнѣе ея дѣйствіе.

Когда машина не находится въ движеніи, тяжесть шеста D понижаетъ плечо рычага А, а поршень подымаетъ на верхъ цилиндра, гдѣ онъ и остано-

вливается. Представимъ себѣ, что всѣ краны и всѣ клапаны закрыты, и что котелъ наполненъ сколько нужно. Вода, нагрѣваемая огнемъ, кипитъ до тѣхъ поръ, пока паръ получитъ достаточную силу для поднятія клапана V. Въ сіе время можно привести машину въ дѣйствіе, отворяя клапанъ уравнительный R. Паръ входитъ и немедленно превращается въ воду холодомъ цилиндра. Вскорѣ послѣ того цилиндръ получаетъ температуру пара, который перестаетъ тогда бытъ сгущеннымъ въ водяную жидкость и соединяется съ воздухомъ, наполняющимъ цилиндръ. Паръ, смѣшанный съ теплымъ воздухомъ, преодолевая силу атмосферическаго давленія, приподнимаетъ клапанъ, поставленный въ концѣ (X) небольшой трубы на днѣ цилиндра, и отворяющійся внутри. Симвъ клапаномъ, называющимся клапаномъ воздушнымъ (*valve soufflante*), паръ и воздухъ исходятъ до тѣхъ поръ, пока цилиндръ не наполнится *чистымъ водянымъ паромъ*. Сіе называется приготовительнымъ очищеніемъ машины (*déruption préparatoire*).

Послѣ такого приготовленія, машинистъ затворяетъ уравнителя R — и тѣмъ останавливаетъ входъ пара изъ котла; въ то же время отворяетъ клапанъ H, названный клапаномъ впрыскиванія (*valve d'injection*) и чрезъ оный впускаетъ холодную воду въ цилиндръ. Вода, уничтожая паръ, производитъ пустоту. Атмосферическое давленіе надъ поршнемъ, которому тяжесть праваго плеча рычага сама собою не представляетъ равновѣснаго упорства, двигаетъ оный

внизъ. Послѣ чего машинистъ затворяетъ сгущающій клапанъ Н и отворяетъ уравнителя R. Вновь впущенный паръ останавливаетъ охлажденіе и изгоняетъ воду со дна цилиндра чрезъ трубу Y, къ которой приделанъ клапанъ, отворяющійся енутри, и названный клапаномъ спускнымъ (*valve d'éduction, ou de sortie*), ведущій въ теплый колодезь L.

Паръ впущенный чрезъ R, несмѣшанный ужé съ водою, уравновѣшивается съ атмосферическимъ давленіемъ надъ поршнемъ и содѣйствуетъ своимъ напряженіемъ съ тяжестію шеста D, къ повышенію поршня.

И такъ необходимое условіе, для хода машины состояло въ томъ, что бы попеременно отворялись и затворялись два клапана, называемые: одинъ уравнителемъ (*régulateur*) или паровымъ, а другой сгущающимъ или водянымъ.

Но самый прилежный надзоръ за клапанами, оказался недостаточнымъ и былъ причиною вмѣстѣ и неправильнаго дѣйствія машины и бѣльшаго потребленія топлива. Однажды мальчикъ, по имени Гумфрей Поттеръ (*Humphrey Potter*), нашелъ средство заставить самую машину приводить въ движеніе свои клапаны. Сіе изобрѣтеніе, хотя имѣвшее свой источникъ въ лѣности и праздности, темъ не менѣе значительно подвинуло къ усовершенствованію паровой машины, потому что онымъ не толь-

ко устранена неправильность, происходящая отъ нерадѣнія работниковъ, но даже удвоена быстрота движенія.

Поттеръ соединилъ веревочками клапаны съ большимъ рычагомъ такъ, что при повышеніи и пониженіи поршня, онъ подымалъ нужные для наступающаго движенія клапаны. Невѣрный слухъ о семъ событіи подалъ поводъ къ распространенію въ Англіи страннаго убѣжденія, яко бы какой-то мальчикъ, приставленный къ вертящемуся колесу вблизи печки, удалясь безъ позволенія, въ отсутствіи хозяина, и найдя при своемъ возвращеніи колесо и безъ него вертящееся паромъ, изъ печки выходящимъ, открылъ симъ замѣчаніемъ дорогу къ вымышленію приспособленія паровой машины. Повтореніе такой цельпой сказки, показываетъ, сколь мало еще физическіе законы извѣстны: ибо несгущенный или детучій паръ безсиленъ какъ дымъ, и никакая печка сама собою не можетъ произвести паровой силы такого напряженія, которое чтонибудь могло бы подвинуть. Но моимъ читателямъ уже извѣстна исторія сего великаго открытія.

МАШИНА ВАТТА.

Теперь взглянемъ на паровую машину, усовершенствованную Яковомъ Ваттомъ, которая съ 1763-го года до нашихъ дней никакого важнаго измѣненія не получила, не взирая на тысячи проектовъ, ежедневно возобновляющихся къ ея улучшенію, исче-

зающихъ потомъ при строгомъ испытаніи употребленія (*).

Ваттъ былъ работникомъ мастера математическихъ инструментовъ въ Глазговѣ и не прежде сорока лѣтъ своего возраста предался, съ такимъ важнымъ успѣхомъ, изученію паровыхъ машинъ. Его угрюмый характеръ, его бѣдное и безродное положеніе, лишили бы его навсегда и богатства и славы, еслибы онъ не имѣлъ счастья встрѣтиться съ Болтономъ, купцемъ богатымъ, живымъ, веселымъ, который ободрилъ смиреннаго художника, давъ ему средства обратить въ дѣятельность его изобрѣтательный умъ; онъ сдѣлалъ его инженеромъ при своихъ Корнвалійскихъ рудникахъ, а потомъ взялъ его въ товарищи компаніи, подъ фирмою: Ваттъ и Болтонъ. Они сдѣлались лучшими соорудителями паровыхъ машинъ для всей Англіи.

Взглядъ на чертежъ:

C D C' D' Котель мѣдный или чугунный.

P Поплавокъ (flotteur) или какая нибудь гиря.

(*). Я видѣлъ однакожь недавно присланную Польскому Банку модель паровой машины новаго изобрѣтенія молодаго Поляка Натребскаго, находящагося въ Парижѣ и ученика бывшей Польской Политехнической школы. Англичанинъ Едвардъ, заплатилъ ему 200 т. франковъ за патентъ на это изобрѣтеніе. Оно состоитъ въ томъ, что не поршень, а самъ цилиндръ двигается, на примѣръ гайки двигающейся около неподвижнаго винта. Сею переменою болѣе 20 частей прежней машины сдѣлываются ненужными. К. К.

Когда воды въ котлѣ недостаточно, поплавокъ дѣлается тяжелѣе (*), помѣръ спаденія съ него воды, и подымаетъ маленькій рычагъ b' , d' : чѣмъ открываетъ клапанъ въ колодцѣ u , соединенномъ трубою f , съ колодцемъ h , въ который получается чрезъ помпу z вода, сдавливаемая прутомъ Т N.

Вода вливается въ котель чрезъ открытый клапанъ трубою u v , доколѣ поплавокъ не погрузится совершенно. Тогда онъ дѣлается легче; плечо рычага b' d' приходитъ въ прежнее положеніе и тѣмъ закрываетъ клапанъ.

X—охранитель, или клапанъ, на которомъ лежатъ тяжести (**). Когда упругость пара умножается до такой степени, что можетъ сдѣлаться опасною, напряженіе, или сила пара, подымаетъ открывающійся изнутри охранительный клапанъ, который выпускаетъ излишній паръ, и даетъ съ тѣмъ вмѣстѣ знакъ, что нужно уменьшить огонь подъ котломъ.

Дабы ничего не упустить достойнаго вниманія моихъ читателей, и дабы они могли однимъ взглядомъ обозрѣть, какъ могущественно умножается сила пара при увеличеніи теплоты, я прилагаю при семъ таблицу.

(*) Примѣненіе истолкованнаго мною вначалѣ статьи закона Архимеда.

(**) Примѣненіе изложенныхъ теоремъ Торичелли и Мариота.

ТАБЛИЦА СИЛЫ ПАРА.

При 52°	силы пара	4½	унц. на квадрат. дюймъ (*)	
— 50	—	2¾	—	—
— 100	—	13	—	—
— 150	—	4	фунта	—
— 180	—	7½	—	—
— 212	—	15	—	—
— 250	—	30	—	—
(=давленію одной атмосф.)				
— 272	—	45	—	—
— 290	—	60	—	(**).
(=четыремъ атмосферамъ.)				

С Е труба проводящая паръ попеременно то на верхъ поршня посредствомъ впускательнаго клапана или заслонки *a*, то на низъ, посредствомъ таковаго же *c*. По выполненіи своего дѣйствія, паръ выходитъ, въ первомъ случаѣ, чрезъ испускательный клапанъ *d*, во второмъ чрезъ *b*, а въ томъ и другомъ переходитъ въ холодильникъ *i*, гдѣ онъ превращается въ воду посредствомъ впрыскиванія холодною водою. Вода, такимъ образомъ соединенная тамъ съ воздухомъ, переходитъ въ теплый колодезь *h*, чрезъ воздушную помпу *e*, гдѣ она сдавливается поршнемъ Т М. Холодная вода, дополняющая промежуточный колодезь *e*, служитъ также къ преобра-

(*) Градусы по термометру Фаренгейта.

(**) Но при 212° жаръ поглощается въ паръ и степень его не оказывается на термометръ свыше 212, т. е. остается сокровеннымъ. Всякій кубическій футъ горячей воды превращается почти въ 1800 такихъ же футовъ пара.

зованію пара въ холодильникъ i ; она доставляется изъ помпы G .

Клапаны или заслонки a и d , c и b , поднимаются и закрываются прутиками $a M$ и $d M$ с N и $d N$, попарно соединенными. Эти рукоятки подвижутся попеременно зацѣпками 1 и 2, находящимися на пруть $T M$. Сія часть машины называется *работающею*, и такъ сооружена, что клапаны или заслонки вбирающіе, или испускательные, могутъ быть задвинуты или отперты не токмо зацѣпками прута но, въ случаѣ надобности, и рукою машиниста.

Шестъ R . поршня q соединяется съ коромысломъ $A B$, изобрѣтенными Ваттомъ желѣзными параллелограмми $T V$. Сіе остроумное изобрѣтеніе имѣеть цѣлю, что бы шестъ R , при своемъ повышеніи, не описывалъ части круга, т. е. не уклонялся бы отъ перпендикулярнаго направленія. Подвижные параллелограммы, къ которымъ онъ примыкаетъ при своемъ возвышеніи и пониженіи, переменяютъ свои углы безъ нарушенія параллелизма боковъ.

И такъ употребляемая въ Невкоменовой машинѣ цѣпь, замѣнена здѣсь легчайшимъ и мудрейшимъ механизмомъ. Я долженъ однакоже присовокупить, что въ машинахъ много-атмосфернаго давленія (*de haute pression*), которыя употребляются въ особенности тамъ, гдѣ мало мѣста, нѣтъ ни коромысла A, B , ни желѣзныхъ параллелограммовъ; они замѣняются рукояткою, наподобіе той, каковую читатели ковеч-

но видали въ самопрялкахъ. Въ таковыхъ машинахъ сильнѣйшаго давленія нѣтъ—также *холодильника* и парь выпускается просто клапаномъ на днѣ цилиндра. Читатель пойметъ, что сѣе измѣненіе происходитъ отъ того, что въ иныхъ случаяхъ главная потребность состоитъ въ сокращеніи объема машины, а не въ сбереженіи топлива.

Дабы производить посредствомъ коромысла АВ коловратное движеніе, Ваттъ употребилъ неподвижный шестъ АС, на концѣ коего находится привязанное ремнемъ колесо С, которое не двигается на своей оси; оно соединено съ другимъ колесомъ В, около коего С обращается, оставаясь въ непрерывномъ съ нимъ соединеніи. Сіи неразлучныя колеса называются *солнечнымъ* и *планетнымъ* по ихъ астрономическому сходству въ бѣгѣ. Ось колеса В сообщаетъ движеніе по всей фабрикѣ, мѣльницѣ, пароходамъ и всѣмъ тѣмъ неисчислимымъ механизмамъ, на подвиженіе которыхъ паровая машина употребляется. На той же оси находится огромное колесо F называемое по Англійски F у; по Французски *le volant*, а по Русски *маховое*, коего высокое назначеніе есть сохранять стройность въ цѣлой машинѣ. Оно скопляетъ силы для передачи оныхъ, когда дѣйствіе машины слишкомъ слабѣетъ или даже прерывается; оно же, своею полновѣсностію, уменьшаетъ излишнюю быстроту, и еслибы можно было сравнивать произведеніе рукъ человѣческихъ съ душевными свойствами, то можно бы сказать, что маховое колесо имѣетъ тоже назначеніе въ

машинахъ, каковое благоразуміе получило въ организмъ человѣческомъ.

Для постояннѣйшаго сохраненія умеренности въ бѣгѣ, Ваттъ присоединилъ къ маховому колесу F механизмъ, который Англичане называли коническимъ маятникомъ, (conical pendulum) и который представленъ здѣсь подъ лит: *m n*. Никто кромѣ человѣка, озареннаго полнымъ свѣтомъ высокой математики, не могъ бы извлечь изъ отвлеченныхъ истинъ такое прекрасное приспособленіе науки. Въ семъ явно оказывается, что человѣкъ непросвѣщенный можетъ иногда случайно наткнуться на полезное открытіе, но что для усовершенствованія издѣлій рукъ человѣческихъ, глубокія познанія необходимы. Механизмъ подъ лит. *m n* основанъ на теоріи центральныхъ силъ (forces centrales). Такъ называются въ круговомъ бѣгѣ двѣ силы: одна притягивающая бѣгущее тѣло къ центру, другая ей противная, влекущая тѣло по прямой касательной линіи (tangente) всякой точкѣ круга. Чтобы объяснить сіе какъ можно простѣе, посмотримъ на берейтора, гонящаго на веревкѣ дикую лошадь. Онъ веревкою притягиваетъ ее къ себѣ, а она, по естественному направленію прямолинейнаго бѣга, старается, при всякомъ поворотѣ, освободиться отъ веревки и бѣжать прямо. Усилія берейтора мы назовемъ силою средоточною (force centripète); порывъ лошади силою—средобѣжною (force centrifuge); борьба между сими двумя силами [возрастаетъ съ быстротою коловратнаго бѣга. Возьмемъ^т еще другой примѣръ: каждый изъ

читателей имѣлъ случай замѣтить на дрожкахъ, что онъ болѣе забрызгивался при умноженіи быстроты ѣзды. Сіе происходило отъ умноженія средобѣжной силы, коей направленіе есть прямая линія, примыкающая ко всякому пункту вертящагося колеса, и называющагося въ математикѣ тангентомъ, или касательною. На сей теоріи Ваттъ соорудилъ свой механизмъ, названный потомъ Французами *le gouverneur* или правительнымъ. Когда отъ сильнѣйшаго дѣйствія пара быстрота обращенія колеса увеличивается, желѣзные шары *m n* расходятся между собою, по мѣрѣ умноженія ихъ средобѣжной силы. Симъ расхожденіемъ конецъ *p* рычага *pS* понижается, и закрывая нѣсколько отверстіе заслонки *a* возбраняетъ вѣдшему вхожденію пара. Когда же быстрота машины приходитъ опять въ желаемую мѣру, шары сами собою сближаются.

Описавъ по частямъ совершеннѣйшую изъ паровыхъ Ваттовыхъ машинъ, которыя мнѣ удалось видѣть, я скажу нѣсколько словъ о ея движеніи.

Положимъ, что поршень, такъ какъ онъ здѣсь изображенъ, находится на верху цилиндра, и что испускательная заслонка *d*, подвинута прутикомъ *M*, а между тѣмъ заслонки *c* и *b* заперты; паръ входитъ изъ трубы *C. E.* и своею упругостію понижаетъ цилиндръ на дно; но пока поршень *q*, сошелъ внизъ и плечо коромысла *B*, слѣдуя измѣненію угловъ желѣзнаго параллелограмма *T V*, понизилось а плечо *A*, поднялось. Колесо *U*, обошло половину окру-

жности колеса S и маховое колесо F , со всѣмъ механизмомъ, отъ него зависящимъ, произвело полный оборотъ. Теперь пруть T N давленіемъ зацѣпки нумера 1 на прутикъ N закрылъ заслонки a и d , а зацѣпка нумеръ 2 между-тѣмъ открыла испускательную заслонку b и впускательную заслонку c : слѣдственно парь, находящійся на верху поршня, стремится чрезъ b въ холодильникъ i , а новое количество онаго, проходя чрезъ c , внизъ цилиндра подымаетъ поршень, и съ нимъ пониженное плечо коромысла V . Тогда противу - положный конецъ A побуждаетъ колесо U описать другую половину окружности колеса S , и съ нимъ вмѣстѣ маховое колесо и все что зависитъ отъ его оси, сдѣлають еще полный оборотъ. Такимъ образомъ, попеременное движеніе поршня, можетъ продолжаться дни, недѣли и годы, почти безъ надзора, или помощи человѣческой.

Если мы сравнимъ двѣ обозрѣнныя нами машины Невкомаена и Ватта, то найдемъ, что наиважнѣйшія усовершенствованія Ватта суть: 1) желѣзные параллелограммы въ машинахъ одного атмосферическаго давленія, и самопрялочная рукоятка въ машинахъ сильнѣйшаго давленія, т. е. когда парь въ котлѣ можетъ дѣйствовать съ упругостію равною силѣ нѣсколькихъ атмосферъ. 2) глубокомысленное примѣненіе теоріи центральныхъ силъ въ механизмъ кружащихся шаровъ, названныхъ Французами *le gouverneur*, и наконецъ 3) самое важнѣйшее, подвиженіе поршня, силою пара, не только снизу

но и сверху. Едвали покажется вѣроятнымъ для многихъ читателей, что сіе усовершенствованіе уменьшило издержки двумя третями; ибо охлажденіе цилиндра въ Невкоменовой машинѣ, при превращеніи пара въ воду, дабы поршень могъ сойти однимъ атмосферическимъ давленіемъ, уничтожало почти три четверти дѣйствующей силы.

Благодарный Англійскій народъ, въ общемъ собраніи, составленномъ изъ людей всякаго состоянія: перовъ, ученыхъ, мастеровыхъ и работниковъ, положилъ поставить памятникъ Якову Ватту. Никогда, конечно, мудрое соединеніе механической, физической и химической теорій не оказало еще человечеству такой блистательной услуги. Гдѣ только течетъ въ Европѣ судоходная рѣка, на ней дымятся паровыя машины, умножая своимъ посредствомъ дружелюбныя сношенія между людей, удовлетворяя потребностямъ и прихотямъ частной жизни и похвальному любопытству, которое, безъ такого легкаго, дешеваго, быстраго и пріятнаго перелета изъ одного края земли въ другой, оставалось бы навсегда однимъ лишь любимымъ и мучительнымъ желаніемъ. Въ Сѣверной Америкѣ въ особенности, цѣлые города возникли на путяхъ, паровыми машинами пробѣгаемыхъ, а въ Англійи ихъ быстрота доставляетъ жителямъ столицы во всей свѣжести и изобиліи тѣ сельскія растенія, столь необходимыя для здоровья, которыя, до изобрѣтенія земныхъ и водяныхъ пароходовъ, украшали, какъ рѣдкость, одну трапезу богатыхъ; гдѣ прежде употреблялись тыся-

чи ногъ животныхъ, милліоны рукъ человѣческихъ, а иногда и съ явною потерею здоровья, съ пожертвованіемъ половины жизни, явилась паровая машина, и замѣнила своею неизмѣняемою силою ихъ неравный, убійственный трудъ.

Да не подумаютъ однако, мои читатели, что я сею, ни мало не увеличенною похвалою, хотѣлъ возродить въ нихъ мысль, что симъ изобрѣтеніемъ человѣческій родъ достигъ уже вождельной цѣли своихъ умственныхъ и опытныхъ усилій. Въ самое то время, которое я для пользы моихъ просвѣщенныхъ читателей посвящалъ сему труду, механикъ Давенпортъ (Davenport) выставялъ въ Нью-Йоркѣ электро-магнетическую машину, которая, говорятъ, съ малымъ запасомъ цинковыхъ и мѣдныхъ листовъ, будетъ замѣнять силы ста лошадей и двигать корабли по океану, безъ помощи парусовъ, весель и водянаго пара.

Благодѣтельное Провидѣніе, не въ одномъ только физическомъ, но и въ умственномъ смыслѣ, сказало роду человѣческомъ: *рости!*

Кн. Козловскій.

ПЕРЕЪЗДЪ ЧЕРЕЗЪ ЯЙЛУ НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГЪ ТАВРИДЫ.

У подошвы горнаго хребта Яйлы, до половины закрытаго облаками, утреннее солнце освѣщаетъ Кокозскую долину и деревню. Два путника, на Татарскихъ коняхъ, поднимаются въ горы.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Упрямое животное твой конь,
Не сладишь съ нимъ ни ласкою, ни плетью.
Терпѣнья нѣтъ!

Проводникъ (*старый Татаринъ*).

Напрасно! не во гнѣвъ,
Конь хоть-куда; а самъ ты виноватъ
Что пятится . . . Умѣй за дѣло взяться
И дѣло вдругъ пойдетъ само собой, —
Пословица не даромъ же ведется!
Вотъ видишь, ты поводья затянулъ,
А горецъ мой привыкъ идти по волѣ,
.
Попробуй, брось поводья—будетъ миръ! . . .
Что правда-ль?

Путешественникъ.

Да, теперь я имъ доволенъ:
Поѣдемъ рядомъ...

Проводникъ.

Онъ доволенъ тоже,
Онъ весело, онъ бодро встрепенулся,
Онъ дружески косится на тебя, ...
И у тебя лицо повеселѣло:
За радость радость воздаетъ Алма,
Который всѣ свои созданья любитъ.
Теперь сиди спокойно, добрый конь,
Я голову отдамъ, не спотыкнется,
На ногу вѣрнень, чутокъ на опасность,
Для сѣдока надежный онъ слуга.
Случалось мнѣ, въ глухую ночь не разъ,
Въ Бахчисарай проѣздомъ изъ Урсуфа,
Спускались мы по этой же тропинкѣ —
Я сплю себѣ, качаюся какъ въ люлькѣ,
А онъ идетъ усердно подо-мною,
На скалы съ скалъ ступаетъ осторожно
И бережетъ и жизнь мою и сонъ ...

Путешественникъ.

Но этотъ путь одинъ изъ самыхъ трудныхъ,
И, говорятъ опасень; какъ же ты
Случайностямъ ввѣряешься такъ слѣпо?

П Р О В О Д Н И К Ъ .

Алла ведетъ надъ бездною слѣща,
 А зрячаго грѣхи ввергають въ бездну!
 Сочтеть пески, сочтеть на небѣ звѣзды,
 Своей звѣзды мудрецъ не разочтеть.
 За чѣмъ же мнѣ опасности бояться?
 Съ моей судьбой бороться не могу
 И смѣло я судьбѣ моей ввѣряюсь
 Къ тому-жь, въ горахъ, вездѣ дороги трудны,
 А для меня чѣмъ кратче путь тѣмъ лучше;
 Боюсь теперь пускаться далекò,
 Чтобъ смерть со мной не встрѣлась на распутьи,
 Чтобы моимъ концомъ безъ покаянья
 Потомъ дѣтей не упрекнули люди

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

Но ты еще, мнѣ кажется, не старъ
 Ты свѣжъ и бодръ

П Р О В О Д Н И К Ъ .

Нѣтъ, старъ я, слишкомъ старъ!

Я пережилъ моей отчизны славу!

 Госиодъ еще не вовсе насъ покинулъ
 И даръ одинъ затѣмъ, быть можетъ, отнялъ,
 Чтобъ лучше мы другому знали цѣну.
 Мы за чужимъ гонялися добромъ,
 А между-тѣмъ свое пренебрегали.
 Чѣмъ бы считать Стамбульскіе червонцы,

Да пировать въ Украинѣ набѣги,
 Не лучше-ль здѣсь, подѣ нашимъ теплымъ небомъ,
 Дышать въ горахъ безпечною свободой,
 Въ своей семьѣ, подѣ виноградной кровлей,
 Какъ птицы, жить на Божьемъ подаяньи,
 Что каждый день на солнечныхъ лучахъ
 Въ сады и горь и доловъ нашихъ сходить!
 Взгляни вокругъ, скажи: такое утро
 Когда и гдѣ ты видѣлъ? Воздухъ
 Свободно такъ и сладко льется въ грудь,
 Что просится невольная молитва,
 За каждый вздохъ изъ благодарной груди;
 Съ деревъ, съ цвѣтовъ душистый паръ струится
 А на листахъ, очамъ твоимъ въ отраду,
 Роса горитъ алмазными звѣздами,
 Какихъ въ вѣнцѣ у Падишаха нѣтъ!

Путешественникъ.

Но что за шумъ я слышу въ высотѣ?
 Не горный ли несется водопадъ
 На встрѣчу намъ? Не сбились ли съ дороги?

Проводникъ.

Здѣсь мудрено съ дороги сбиться, путникъ!
 Съ трудомъ одну тропинку проложили,
 И то, смотри, направо пни да камни
 И пропасти бездонныя налѣво.
 Онѣ влекутъ неодолимой силой,

Все хочется во глубь ихъ заглянуть,
 А голова какъ въ омутъ кружится —
 Скатился-бъ вдругъ, когда-бъ не эти сосны,
 Что широко разросшись по краямъ
 Спасаютъ насъ, какъ добрые совѣты,
 Надъ бездной зла, неопытную младость

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

А этотъ гуль?

П р о в о д н и к ъ .

Вонъ видишь, повилсѣя

Чалмою тучь надъ нами темный боръ,
 Тамъ хлынули потоки дождевые,
 И говоръ свой къ намъ выслали гонцомъ,
 Чтобъ тѣсную имъ уступить дорогу.
 Но мы пойдемъ на-встрѣчу по-неволю,
 Теперь назадъ, хоть бы хотѣлъ, нельзя.
 Нѣтъ, не легко пробиться черезъ горы,
 Какъ перейти отъ колыбели къ гробу;
 Здѣсь точно такъ какъ въ нашей жизни, часто
 Свѣтло и мрачно, хорошо и худо

П у т е ш е с т в е н н и к ъ .

Ага! вдали уже бѣлѣтъ пѣна
 И прыгаетъ гремучимъ серебромъ
 На камень съ камня

П Р О В О Д Н И К Ъ .

Это ничего

Но въ грудь тебѣ холодный вѣтеръ дунуль,
А онъ съ-тепла не всякому въ привычку ;
Побереги-жь здоровье молодое,
Такимъ добромъ грѣшно пренебрегать,
Постой, возьми, вотъ бурка, всбрось на плечи.

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

Спасибо , другъ а самъ ты?

П Р О В О Д Н И К Ъ .

Мнѣ не надо!

Вотъ посмотри на этаго орла,
Летитъ себѣ, промокнетъ, отряхнется —
А мы живемъ сосѣдами съ орлами

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

Вотъ прыснулъ дождь. Не будетъ-ли грозы?
Хоть холодець, а душень что-то вѣтеръ

П Р О В О Д Н И К Ъ .

Желалъ бы я, чтобъ ты грозу увидѣлъ
Лицемъ къ лицу какимъ-то гордымъ чувствомъ
Забьется грудь Ты самъ въ себѣ почувшь
Присутствіе величія Творца,
Какой-то блескъ нечеловѣчьей мысли
Но, кажется, грозъ не быть; намъ только
Съ дождемъ скорѣй не худо бь разминуться,

А тѣсно въ рядъ идти конямъ. Не лучше-ль
Отъѣхать мнѣ

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

Стушай, я не отстану.

Они молча поднимаются на горы и въ некоторомъ разстояніи другъ
отъ друга проѣзжаютъ самую вершину Яйлы; дождь перестаетъ; сол-
печные лучи пробиваются на горныя поляны и освѣщаютъ пасущіяся
стада—внезапно проводникъ теряется изъ виду

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

Изчезъ какъ духъ! Разсѣялся какъ дымъ!
Завелъ меня на край земли и бросилъ!
Надъ головой и подъ ногами всюду
Воздушное, безцвѣтное пространство
Эй проводникъ!

П р о в о д н и к ъ (возвращаясь).

Я здѣсь

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

Скажи мнѣ, гдѣ мы?

П р о в о д н и к ъ .

На спускъ съ горъ, но облако прильнуло
На самый край туманною завѣсой,
И въ уровень съ вершиною повисло.

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

Что жь тамъ внизу? Какой-то пламень вспыхнулъ?
Сперва блеснулъ звѣздою голубой
И вотъ горитъ лазурнымъ, яркимъ солнцемъ?

Проводникъ.

Сквозь облако сверкнуло море

Путешественникъ.

А!

(Сходятъ съ коней: продолжительное молчаніе).

Проводникъ.

Вотъ облако снялось и полетѣло,

Богатый видъ открылся, полюбуйся,

А я пока на солнышкѣ погрѣюсь

Ну что же ты не молвишь ни словечка?

Аль видывалъ ты краше этихъ виды? . . .

Путешественникъ.

Нѣтъ, никогда.

Проводникъ.

И равнодушно смотришь!

И грудь твоя восторгомъ не взыграетъ!

А между тѣмъ передъ тобою море

Кипящiе бросаетъ поцѣлуи

На грудь земли, и дышетъ грудь земли

Къ нему взаимной, нѣжной, жаркой страстью,

И внутреннимъ волненіемъ своимъ,

Садовъ и нивъ и виноградныхъ лозъ,

Зеленое колеблетъ покрывало

Но если ты изсохнулъ рано сердцемъ,

И сладкій даръ сочувствiя утратилъ,

Ты здѣсь найдешь для мысли новой пищу,

Разсѣялъ Богъ во всей природѣ мудрость
 Что бы вести бесѣду съ человѣкомъ!
 Куда ни глянь—вездѣ благой урокъ,
 И примѣнить его не трудно къ жизни:
 Вонъ-тамъ стоитъ полуистлѣвшій пенъ,
 А на вѣтвяхъ такъ пышно вьется зелень,—
 То плющъ густой и дикій виноградъ;
 Былъ этотъ пенъ когда-то крѣпокъ жизнью,
 Къ себѣ на грудь онъ ихъ сиротокъ прищипъ
 И вотъ они, признательные нынѣ,
 Даютъ его сѣдинѣ вѣковой
 Отъ зноя тѣнь, отъ холода защиту.
 Но ты меня не слушаешь; ты грустно
 Задумался о чемъ-то

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

Да, старикъ,

Я сравнивалъ себя съ тобою: свѣжимъ,
 Восторженнымъ еще кипишь ты чувствомъ
 И говоришь какъ думаешь, по чувству.
 А я —

П Р О В О Д Н И К Ъ .

Зачѣмъ съ своимъ таиться сердцемъ?
 Зачѣмъ не дать свободоюдохнуть
 Роскошному, душистому цвѣтку,
 Что самъ Господь въ груди твоей посѣялъ?
 Я не пойму въ невѣжествѣ моемъ

Путешественникъ.

О не вини безъ оправданья; сердце
Во мнѣ еще не вовсе очерствѣло, —
Но лишь молчать оно привыкло—ты
Заговорилъ съ нимъ языкомъ роднымъ
И говорить его заставилъ. Слушай:
Мы въ жизнь вошли различною дорогой:
Ты—въ этотъ міръ свободный, безграничный,
Я—въ тѣсный міръ придуманный людьми,
.
Но у меня, какъ у тебя, сначала
Любовью громкой говорило сердце,
И полное восторгомъ безыменнымъ,
Лилось оно, какъ чаша, черезъ край,
И я хотѣлъ кипящей этой чашей
Съ людьми, въ пиру у жизни, подѣлиться: —
Но опьянѣвъ холоднымъ, тяжкимъ хмѣлемъ
Суеть, страстей, расчетовъ, предразсудковъ,
Немногіе замѣтили мой даръ,
Его тепломъ двѣ-три забилося груди,
А прочіе съ язвительной улыбкой
Сосудъ къ устамъ нечистымъ поднесли . . .
Ахъ! опоздалъ меня наставить опытъ,
Полупуста моя осталась чаша,
Я расточилъ безумно влагу жизни,
За то ношу остатокъ драгоценный

Въ моей груди невидимо, глубоко,
И съ рѣдкою, съ испытанной душой
Дѣлюся имъ по капль, осторожно...

П р о в о д н и к ъ.

Зачѣмъ же здѣсь, передъ лицомъ природы,
Безмолвень ты и недовѣрчивъ сердцемъ?
Хоть опрокинь его до дна—не бойся,
Налъется вновь полнѣй, чѣмъ было прежде!

П у т е ш е с т в е н н и к ъ.

Я ужь сказалъ: коварныя уста
Коснулись завѣтнаго сосуда,
И ядомъ злой насмѣшки отравили.
Признаюсь-ли? Я самъ себѣ лукавлю,
Чтобъ поддѣлать смѣшное людямъ чувство,
Ребачествомъ я назвалъ думу сердца!
Восторгомъ я боюсь увлечься вновь,
Чтобъ надъ собой не посмѣяться послѣ,
Холоднымъ, горькимъ, одинокимъ смѣхомъ...

П р о в о д н и к ъ.

Что слышу я! О горе, горе сердцу,
Когда оно надъ собственной святыней,
Бездушною насмѣшкою смѣется!
Ужель у васъ такъ низко люди пали!
Не вѣрю я, нѣтъ, не могу я вѣрить!..
Не много мнѣ твоихъ единокровныхъ
Случалось знать въ судьбѣ моей убогой,
Но одного еще я живо помню:

Онъ жилъ тогда въ Урсуфѣ и меня
 Онъ жаловалъ и бралъ проводникомъ;
 Бывало съ нимъ въ такую глушь заѣдемъ,
 Что мудрено и птицъ залетѣть,
 За то тебѣ и не приснятся виды:
 Какіе намъ встрѣчались порой...
 И какъ тогда онъ былъ доволенъ, веселъ,
 Онъ тѣшился, отъ сердца какъ дитя,
 То погруженъ глубоко, долго въ думу
 Терялся весь въ забвеньи, въ созерцаньи,
 То звалъ меня и заводилъ со мной
 Душевную и умную бесѣду...

П у т е ш е с т в е н н и к ъ .

А какъ давно все это было?

П р о в о д н и к ъ .

Не солгать-бы,

Лѣтъ около пятнадцати, не больше,
 Мой первый внукъ женился въ этотъ годъ...

П у т е ш е с т в е н н и к ъ .

И молодъ былъ твой спутникъ?

П р о в о д н и к ъ .

Какъ сказать?

Какъ ты—или моложе. Трудно
 Определить его лѣта мнѣ было,
 Съ улыбкою не соглашалось свѣжей
 Чело его наморщенное мыслью.

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ.

Такъ это онъ! Я узнаю поэта*!
Вездѣ любовь онъ по себѣ оставилъ...

П р о в о д н и к ъ.

Онъ другъ тебѣ или родной? Съ участьемъ
Особеннымъ ты говоришь объ немъ!

П у т е ш е с т в е н н и к ъ.

Онъ мнѣ родной—онъ Русской какъ и я!
А другомъ онъ былъ каждому, чья грудь
Сочувствовать душѣ его умѣла....
Когда бъ ты зналъ какого человѣка
Ты дружбою гордиться можешь?...

П р о в о д н и к ъ:

Кто-жъ онъ?

П у т е ш е с т в е н н и к ъ.

.
Въ его груди билъ пѣсень мощный ключъ,
Онъ, чувствомъ простъ и мыслию могучъ;
Все что влечеть, что радуеть въ природѣ,
Въ своей душѣ глубоко заключилъ,
И звукомъ мысль волшебнымъ облачилъ!..

П р о в о д н и к ъ:

Такъ вотъ за чѣмъ, бывало по часамъ,
Онъ одинокъ стоитъ подъ Аю-Дагомъ,

* Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ жилъ въ некоторое время въ Урсуфѣ или Юрзуфѣ, гдѣ и писалъ поэму свою: *Бахчисарайскій Фонтанъ*.

И я не смѣлъ приблизиться къ нему:
 Сдавалось мнѣ лице его горѣло,
 А въ зеркалѣ очей недвижныхъ, яркихъ
 И отблескъ волнъ и блескъ небесныхъ звѣздъ
 Сіяніемъ сливались мимолетнымъ.
 Порой изъ устъ какой-то стройный говоръ
 Ласкалъ мой слухъ—и долго слушалъ я!
 Глубоко въ грудь мнѣ падали тѣ звуки,
 Хотя понять ихъ смысла я не могъ...

П у т е ш е с т в е н н и к ъ .

И ты любилъ не даромъ звуки эти,
 Твой Крымъ онъ пѣлъ, быть-можетъ, въ эту пору..

П р о в о д н и к ъ .

Такъ родину почтилъ мою пѣвецъ!
 О какъ бы я хотѣлъ его услышать!
 О какъ бы я хотѣлъ его увидѣть!
 Онъ не былъ гордъ, онъ ласковой улыбкой
 По старинѣ-бъ меня навѣрно встрѣтилъ.
 Но гдѣ же онъ? Ужели не захочетъ
 Когда нибудь взглянуть на этотъ край?
 Вѣдь онъ любилъ и скалы здѣсь и море...

П у т е ш е с т в е н н и к ъ .

Жаль мнѣ тебя, мой старецъ, опечалить,
 Но общая печаль еще свѣжа,
 И ею грудь невольно говоритъ.
 Угаснуло блестящее свѣтило,—

Порв́алася могучая струна!

Недавночо на сѣверѣ могилой...

П р о в о д н и к ъ.

Не продолжай! Мнѣ сердце досказало!

И вотъ кого оплакивать досталось!

.

П у т е ш е с т в е н н и к ъ.

О замолчи! Довольно ради неба...

П р о в о д н и к ъ.

Что это? слезы, слезы на глазахъ,

А ты спѣшишь отворотить лице!

Не этихъ слезъ стыдиться человѣку!

Прости меня: суровой, тайной мыслью

Я, можетъ-быть, твою обидѣлъ душу—

О нѣтъ, она любить еще способна,

Мнѣ за нее порукой эти слезы

И я съ тобой мирюся отъ души!

П у т е ш е с т в е н н и к ъ.

Пора, старикъ, поѣдемъ, скоро полдень...

 (*Бросается на коня и скачетъ впередъ.*)

А. Подолинскій.

Одесса.

ЮНОСТЬ ДУШИ.

Прекрасно небо голубое
И утра пурпурный восходъ;
Прекрасно солнце въ яркомъ зноѣ
И звѣздъ блестящій хороводъ;

Прекрасны молненныя тучи,
И грохотъ ихъ, и вѣтровъ вой;
Прекрасенъ бури гнѣвъ могучій
И волны съ пѣною сѣдой;

Въ прохладѣ тихой, вешней ночи
Прекрасенъ блѣдный лунный свѣтъ;
Прекрасны дѣвственныя очи;
Прекрасенъ нѣжный Майскій цвѣтъ;

Прекрасна пѣсня круговая
Друзей за чашею ночной;
Прекрасна сабля удалая
Когда труба трубить на бой;

Прекрасно матери объятье;
Прекрасенъ кровь семьи своей;
Прекрасно друга рукожатъ
Въ часы заботъ, въ часы скорбей.

Но въ мѣрѣ что всего прекраснѣй,
То чувство юное въ груди!
Пройдешь свѣтлѣе, безопаснѣй
Съ нимъ по житейскому пути.

Блаженъ кто жизнию играетъ,
Въ комъ думы рвутся изъ чела,
Кто крику черни не внимаетъ,
Чья младость бурна и свѣтла!

Но тотъ кто рано отъ мечтаній
Отсталъ, и окомъ все проникъ,
И цѣпь житейскихъ испытаній
И скудность сущности постигъ;

Чья безъ цвѣтовъ завяла младость,
Душа уныніемъ полна;
Чье сердце не дельветъ радость
Какъ тихозвучная волна.

Тому—о плачь! тому—о горе!
Не для него краса ночей,
Ни дружбы гласъ, ни пѣснь, ни море,
Ни Божій свѣтъ, ни блескъ очей

Все что высоко, что прекрасно
Въ немъ мертвый духъ не оживить,
И жизнь безрадостно, напрасно
Онъ до могилы провлачить.

А. ЛАГЛОВЪ.

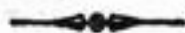

I.

У Л Е Й.

Пчелиный храмикъ обветшалый ,
Умолкла пѣснь въ твоёмъ дуплѣ ;
Какъ старецъ въ мѣрѣ запоздалый
Ты тихо клонишься къ землѣ.
Такъ иногда—вѣковъ кладбище ,
Звѣрей пустынное жилище—
Порабощенная страна
Въ могильный сонъ погружена ;
И лира вѣщаго Баяна
Вблизи родимаго кургана
Осиротѣлая висить,
И струны вѣтеръ пепелить.
Такъ смолкнетъ дружеская тризна ,
И тлѣетъ черепъ мертвеца,
Какъ думъ опальная отчизна,
Какъ храмъ пустынный, безъ жреца.

Д. Струйскій.

НАДЕЖДА-АНГЕЛЬ.

Надежда-Ангель! пѣсня муки
Осталась отъ тебя одна?
Въ ней вздохи вытѣсняють звуки
И грусть дыханья лишена.
То счастье, какъ была ты съ нами,
Вотъ мѣра нашимъ здѣсь слезамъ!
Ты возлетѣла надъ звѣздами,
Но все близка хотя и тамъ.

Я вижу мать: всю сердца муку
Надежды пепломъ погребя,
Она твою хватаетъ руку
И молитъ звука отъ тебя.
Простая съ четой единокровной,
Страдала ты за нихъ въ тиши:
Последній взглядъ твой былъ любовной,
Последній подвигъ—миръ души.

Надъ голубыми небесами,
 Въ святой, глубокой ихъ дали,
 И выше звѣздъ стремясь очами,
 Еще найдутьъ тебя твои;
 Звѣздой вечерней и сіаньемъ
 Небесной вѣры ты блеснешь,
 И имъ отраду съ упованьемъ
 На раны сердца проліешь.

О, укроти же ихъ томленье!
 Блаженна тамъ, родная тутъ,
 Пролей о нихъ молитвы пѣнье
 Въ тотъ хоръ, гдѣ Ангелы поютъ!
 Ты поняла родимыхъ муки,
 Въ листахъ судьбы прочель твой взоръ
 Всю тайну раннія разлуки:
 Смирить молитвой приговоръ!

Лучемъ небесъ у насъ блистая,
 Ты нашихъ душъ душой была:
 Еще и здѣсь мила земная,
 Какъ ты небесная мила!
 Чтожь намъ осталось? упованье.
 Придемъ и мы во твой покой,
 И неразлучное свиданье
 Въ немъ будемъ праздновать съ тобой.

СЕЛДАТСКИЙ ПОРТРЕТЪ*.

Былъ себѣ когда-то какой-то маляръ. Таки вотъ на умѣ мотается какъ его звали, да не припомню! Ну, даромъ; маляръ, да и только. И что за дѣла былъ! Лшій его знаетъ, какъ ладно писалъ! Можетъ статья вы, братцы, читая, либо слушая сказку эту, подумаете, что онъ такъ себѣ малеваль, просто, какъ ни попало, что только разбалтаетъ краску, алую, малиновую, либо желтую, да такъ просто и мажетъ столъ, либо сундукъ, что ли? О, нѣтъ, погодите! таки что не увидить, такъ съ него портретъ и удереть; хоть бы тебѣ ведро, либо свинья, чтоли, таки точнѣхонько оно и есть! А еще, бывало, какъ намажетъ

* Одна изъ повѣстей Грицька Основьяненка. Повѣсти эти со временемъ безъ сомнѣнiя будутъ оцѣнены по достоинству: понынѣ, кажется, Украинское нарѣчiе, на которомъ они написаны, пугало нашихъ читателей и читательницъ. А жаль; очень не много такихъ вещей написано у насъ и по Русски. Переводъ—всегда только тѣнь подлинника; переводъ народной Украинской повѣсти на Русскiй языкъ—мелъе полутѣни. Я желаю только возбудить, хотя въ немногихъ, охоту—прочестъ подлинникъ—вотъ почему рѣшился я на переводъ. Я увѣрился по опыту, что всякiй, кто потрудится прочесть двѣ страницы повѣстей Основьяненка, съ помощiю челоуѣка знающаго Украинское нарѣчiе, третiю страницу будетъ уже понимать самъ.

В. Луганскiй.

что нибудь, да и подпишетъ, — а былъ онъ и письменный — что это-де не арбузь, а слива, такъ уже живёхонька она и есть. Разъ — о, да смѣхужь было! ребята смѣючись животы надсадили — списалъ онъ таки вотъ нашего пономаря Никиты кобылу: да какъ же живо удралъ, такъ это дѣло диковинное! ну, намалевавши, да и говоритъ намъ: глядите-ка ребята что за проказы будутъ! а мы говоримъ: а ну, ну, что тамъ будетъ? А онъ говоритъ: идите - тка за мною, да несите портретъ понамаревоѣ кобылы*. Вотъ мы и взяли его, да и понесли, да по приказанію маляра нашего и поставили супротивъ понамареваго двора, на подпоркахъ. Таки вотъ точнѣхонько она и есть! и на одинъ глазъ крива, и хвостъ оборванъ, и ребра наружу выѣзли, да еще и голову повѣсила, словно пасется! Вотъ, поставивши ее, сами и присѣли подъ тыномъ, въ бурьянахъ, и ждемъ пономаря, а сами жмемъ, да силимся, чтобы только не хохотать. Глядь—идетъ нашъ Никита, да еще, никакъ, и въ головѣ маленько было: идетъ, да себѣ подъ носъ бормочетъ, да распѣваетъ. А тамъ и увидалъ кобылу, да и говоритъ: «что за ледащій этотъ Ефремъ—а его батрака звали Ефремомъ—кобыла, говоритъ, сошла ночью со двора, а ему и нужды мало! когда бы хоть мнѣ ее поймать!» а самъ распоясаясь, взялъ кушакъ, завязалъ петлю, да и сталъ подкрадываться, а самъ знай чмокаетъ, да приговариваетъ: *птрусё, ряба, птрусё!* да подошедши

* Небольшія отступленія отъ подлинника я вынужденъ былъ допустить, по причинамъ, отъ переводчика и писателя независящимъ.

вплоть, какъ закинетъ ей на шею петлю, какъ закричитъ: *птру!* какъ потянетъ ее къ себѣ, а кобыла и повалилась, а мы такъ и покатались со смѣху, да давай Богъ ноги! А понамарь Никита и остался; стоитъ, какъ укопанный, руки и ноги одеревенѣли, самъ ни съ мѣста; а кобыла лежитъ передъ нимъ вверхъ ногами; подпорки, видите, не удержали, какъ потянулъ онъ ее къ себѣ, чтобы не ушла; да уже послѣ самъ сказывалъ, что и долгобъ стоялъ, да понамариха увидала, да и та не знала, что съ нимъ дѣлать; и водою spryskivala, и отдувала, да на силу на силу съ мѣста свела, да въ избу спроводила; такъ, говоритъ, всю ночь трясушка была его, да кобыла все въ очи лѣзла; анъ-да поколѣ не напилея шалфею!

Такъ вотъ какой у насъ былъ непутный маляръ; да, да, да! теперь вотъ только вспомнилъ какъ его звали: Кузьмою, а по батюшкѣ Трофимовичемъ. Какъ теперь на него гляжу: въ синемъ камзолѣ, въ крашеинныхъ широкихъ шароварахъ, палатянковымъ поясомъ брюхо подпоясано, а сверху китайчатый кафтанчикъ; на шеѣ, по бѣлому вороту, бумажный красный платокъ, конѣвьи сапоги, съ подковами; волосы черные, подъ чубъ подстриженные, а усы рыжеватые, густые, да длинные; не больно часто брилѣя, видите, такъ борода всегда какъ щетка была; вина—не употреблялъ, такъ чтобы черезъ край; а коли съ пріятелями, въ компаніи гдѣ трафилося, такъ таки не проливалъ его; ладно бывало поеть на крылосѣ и *гласы* зналъ; частенько, бывало, объ него спо-

тыкался таки вотъ и *панъ Афанасій*, дьякъ нашъ; только ужь окаянный табакъ этотъ, такъ нюхаль, что не то что! хлѣба святаго ѣсть не станеть, а безъ погани этой жить не можетъ! былъ себѣ и дородень, и пузатъ порядкомъ; а родомъ, коли кто слышалъ, изъ Борисовки, Курской губерніи. Въ той-то слободѣ, живутъ наилучшіе богомазы, иконописцы, и всякіе живописцы и маляры, такъ и онъ-то, Кузьма Трофимовичъ нашъ, былъ родомъ оттолъ; а у насъ на селѣ, красилъ новую звонницу, колокольную. И таки некуда правды дѣвать, ужь никто лучше ни намажетъ, ни размажетъ, какъ богомазъ изъ Борисовки; ужь не жалко и денегъ. Коли жь *Москаль*, Русской, возьметъ за это дѣло—ну, тогда только почешись, да и отойди. И торгуется, и запрашиваетъ, и корми его еще; и хлѣба ему дай и денегъ вволю—а ужь какъ свахляетъ—такъ ну, ну, ну! ты ему толкуй: *блакитна*, голубая, а онъ знай свое: «синя-ста», ты ему: *негодится*; а онъ почесывается, да опять таки свое несетъ: «*ничаво-ста, для хохловъ и это бряде!*» тьфу, на ихъ голову!

Такъ про того-то Кузьму Трофимовича слышалъ какой-то баринъ, смертный охотникъ до огородовъ. Такъ, вишь, бѣда; воробьи каждое лѣто выключаютъ всё, что ни посеять. Вотъ онъ и позвалъ Кузьму Трофимовича, да и подрядилъ его, списать ему солдата, да чтобы такой былъ какъ живой, чтобы и воробьи боялись; а коли какая фальшь будетъ, такъ прикину, говоритъ, тебѣ. Вотъ и сторговались за десять рублей деньгами, да за осьмуху вина. И

намалеваль же онъ ему солдата—да еще и какъ! что яжь вамъ говорю, и живой не будетъ такой поганый, какъ этотъ писанный! ширококорожій, мордастый, да еще и съ преогромными усами, такъ, что не только воробью, да и человѣку взглянуть страшно. Мундиръ на немъ лихой, на всѣ пуговицы застегнуть, такъ и горить; а ружье? такъ погибель его знаетъ, какъ живо написано! Вотъ таки того и гляди что выстрѣлитъ! даже приступиться страшно! А только заглядишь на него, такъ вотъ, кажется, ужь и шевелится—и усомъ моргаетъ, и глазами водить и руками дергаетъ и ногами дрягаетъ—такъ и думается: вотъ побѣжалъ за тобою, вотъ бить станетъ, бить! такъ-то живо былъ онъ написанъ!

Ну, намалевавши солдата, Кузьма Трофимовичъ и думаетъ: можетъ-статься не угожу еще на барича своего—тогда пропали и деньги и работа; повезу-ка я солдата своего куда нибудь на ярмарку, поставлю на базаръ, да и буду слушать, что стануть говорить люди; пока будутъ бояться да пугаться его—такъ ступай смѣло Кузьма, бери деньги; колижь это кому не покажется, скажутъ не ладно, такъ стану еще подправлять, поколя не покончу.

Собрался нашъ Кузьма Трофимовичъ, да и повезъ своего солдата, коли кто слышалъ, анъ-да въ Лишцы. Вотъ, въ самую глухую полночь когда еще всѣ спали по телѣгамъ своимъ, а хозяева по избамъ и въ шинкахъ народъ уже разошелся и огонь погасили, Трофимовичъ и поставилъ портретъ свой на самой

ярмаркѣ, и подперъ его стойками, еще лучше по-намарской кобылы, чтобы вѣтеръ не свалилъ, либо какой пьяный подшатнувшись, или свинья, какъ слоняясь по базару придетъ поскрестись да почесаться, чтобъ не свалили; а самъ, раскинувъ да растянувъ рядно, присѣлъ подъ нимъ, чтобъ прислушиваться, что народъ говорить станетъ про его солдата; да тутъ-же наклалъ и красокъ на палитру; коли, говорить, что не ладно, такъ и подправлю. Снарядившись со всѣмъ, присѣлъ, повѣсилъ голову, да и задремалъ малевько, покуда еще тамъ до чего дойдетъ.

Анъ вотъ и заря зардѣлась. Еще не всѣ и звѣздочки потухли, а Кузьма Трофимовичъ уже и вскочилъ; понюхалъ табаку, прочихался, протеръ очи полою — а ужъ тутъ некогда было еще по воду итти, чтобъ умыться — подпоясался снова, притянулъ кушакъ и оправился хорошенько, насунулъ шапку на самый носъ, да и рукавицы досталъ, потому, что это, знаете, было *о первыхъ пятинкахъ* (*), такъ зори были холодныя, да и сѣлъ себѣ подъ рядномъ своимъ, чтобъ прислушиваться.

Напередъ всего огонекъ блеснулъ въ кабакъ. Ай, ай! да уже и въ Липцахъ завелись кабаки какъ — помилуй Богъ — въ Россіи! отколь же это взялось? Община насъ такъ прикрутила, чтобы, видѣте, откупщикъ за насъ, коли сами не сможемъ, вносилъ подушное. И взялся таки — да не изъ настоящихъ от-

(*) Около половины октября.

купщиковъ, а—нечего грѣха таить—нашелся одинъ изъ нашихъ, крещеныхъ людей, что вступилъ въ ихъ Московское повѣрье и обычай, да взялся, какъ предатель Іуда, держать на откупѣ и Липцы и другія слободы, на Московскій ладъ! И уже у нихъ пенинокъ называется, а кабакъ; и тамъ уже вся *Московская* натура и тамъ же все *москаль* на голо. Да все, слышь, народъ проворный: не доѣсть, не доспить, все только и думаетъ и гадаетъ, чтобы заработать копѣйку. Такая, вишь, у нихъ уже *Московская поведенція!* А ужь какъ нашего брата, хотъ бы и въ кабакъ, надуваютъ — такъ ну, ну! ты, на примѣръ, пришелъ вотъ съ посудинкою, чтобъ купить себѣ, для хозяйства, на сколько надо вина; да хотъ мало мальски заслушайся только, либо зазѣвайся, такъ уже и не дольеть полной мѣры, да проворнѣй и выльетъ въ твою посуду; тутъ ты, хотъ споръ съ нимъ, хотъ бранись, а ужь онъ выпроводитъ тебя—пошелъ, да и только! Колижъ тутъ хочешь выпить, то, будто и добрый, зачерпнетъ тебѣ за гривну таки полнехонькую—тутъ станешь усы разглаживать, да утираться, да почмокаешь и собираешься какъ бы хорошенько на тощакъ выпить; да только что руку поднялъ, не успѣлъ еще и до рту донести, какъ—врагъ его знаетъ отколѣ москаленокъ этотъ у діавола возьметъ, таки будто тотъ что.... крестная съ нами сила!..... подбѣжить, подтолкнетъ — плюсь! больше половины чарки назадъ, такъ и выплеснетъ: бѣда, да и только; пьешь скорѣе, а то цѣловальникъ станетъ еще и чарку отымать! Выпилъ, такъ чтоже? какъ говоритъся: по

бородѣ текло, а въ ротъ не попало; а и не говори уже, чтобы по животу пошло; нечего тутъ было и проглотнуть. Вотъ, таковъ-то ихъ Московской обычай, чтобы со всякаго сорвать; такъ куда уже имъ и спать долго? Да таки тутъ спитъ, а тутъ думаетъ: какъ бы то и гдѣбъ то поживиться!

Такъ вотъ, какъ засвѣтили въ кабакъ, такъ и выслали *пидтовкачку*, того, что подъ правый локоть толкаетъ, не увидитъ ли кого на улицѣ, да не заманитъ ли его въ кабакъ. Выбѣжалъ чертёнокъ да и оглядывается.... поглядите-тка на него, на чтожь онъ таки похожь? чтобъ ему голову подъ чубъ подстричь, какъ люди дѣлають, а то—махровый да мохнатый! Спереди волоса ему въ глаза лѣзутъ, уши закрываютъ, по затылку мотаются—только, знай, сердечный головой потряхиваетъ, чтобы космы эти не мотались! И сорочка на немъ, вмѣсто бѣлой, какъ законъ велитъ, либо красная, либо синяя, да еще и безъ воротника, а на застежкѣ—да на плечъ тутъ и застегнетъ; такъ, что коли кто впереди москаля увидитъ, такъ и не угадаегъ, что это такое!

Ну, вотъ эдакой - то выскочилъ, да и сталъ у дверей—поглядѣлъ, поглядѣлъ—увидѣлъ, что стоитъ солдатъ на *каловуртѣ* съ ружьемъ, да и сталъ ему кричать: «*Служба! поди сюда! стань-ка этъ - то, вотъ здѣсь, чтобъ подъ часъ, коли будетъ драка, такъ не дай насъ въ обиду; а порція отъ насъ будетъ!*» Стоитъ солдатъ, не ворохнется; москалёнокъ крикнулъ и въ другой разъ, и въ третій—солдатъ

ни съ мѣста. Москалёнокъ и струсилъ, чтобы солдатъ не осерчалъ, да не надраль бы ему еще вихоръ; замолкъ, да проворнѣй въ кабакъ, да и заперся на крючекъ. А Кузьма Трофимовичъ слышалъ это все—усмѣхнулся, моргнулъ усомъ, да и подумалъ про себя: поглядимъ, что-то дальше будетъ; не велика еще штука москаля одурачить!

Затѣмъ, высунулось и еолнышко; тутъ засуетились и наши, что съ мукою наѣхали изъ Дергачей, изъ Ольшаной, а были иные анъ-да изъ Колѣмака! Да изъ какихъ мѣсть, отцы мои, на ярмарокъ этотъ не навезли всякаго хлѣба! таки видимо—невидимо! коли такъ сказать, что подводъ съ двадцать тутъ было—такъ ей же Богу моему что больше! Туча тучей. Тутъ и рожь, и овесъ, и ячмень, и пшеница, и гречиха—все, все было. Пришло, знаете, время, сносить подушное, такъ всякому деньги нужны. Нашъ братъ не бородачь, ждетъ поры да времени. Онъ, слава тебѣ Господи и оборони насъ, не *москаль*, чтобъ ему, покинувъ жену, дѣтей и животинку, таскаться вездѣ и повсюду, да забиваться на край свѣта, за этою нищенскою копѣйкою, да кровавымъ потомъ ее зарабатывать! Да чего тутъ и толковать? коли Богъ уродилъ хлѣбца, да даль сго собрать, такъ жди поры, поколѣ придетъ нужда; да какъ десятскіе потянуть тебя въ волостное за подушное, да земскіе сборы, да тутъ еще и хозяйкѣ льну надо, чтобы прлсть его на рубахи, да новый *огипокъ* нуженъ на голову, да дочерямъ надо *плахть*, либо *свить*, одѣться не вочто, и уже всякая напасть нападетъ,

что уже хогь роди да подай деньги—ну, тогда уже некуды дваться; вези, хогь версть за двадцать—да есть ли, нѣтъ ли цѣны, а ты, скорѣе, за что продашь, за то продашь, только бы долго не стоять, да и удирай домой, и рассчитывай себѣ, чтобы стало и сюда и туда; а коли удовольствоваль всѣхъ—ну, тогда уже исправный казакъ; лежи себѣ на печи, въ просѣ, до новой нужды, тогда уже будемъ думать о томъ, гдѣ что взять.

Такъ вотъ такіе-то тамъ съѣхались, и ихъ уже и сонъ не бралъ. Солнышко взошло, они и повскакивали, чтобы, знаете, купца не прогулять. Вотъ, порядкомъ вставши, да помолившись противъ церкви Богу, и послали одного изъ табора по воду— а ужъ было время и кашу варить. Поплелся Ефремъ, съ двумя баклагами, вонъ туда, подъ гору. Идетъ базаромъ— лупъ очами— стоитъ солдатъ. Ефремъ былъ себѣ паренёкъ *угливый*, снялъ шапку, поклонился, да и говорить: «день добрый, господа служивой!» А солдатъ молчитъ. Вотъ, Ефремъ и пошелъ себѣ своимъ путемъ, а Кузьма Трофимовичъ и усмѣхнулся, да и подумаль: «одурачилъ и своихъ; что-то дальше будетъ!» Ну, набравши воды, да идучи назадъ къ табору, Ефремъ и думаетъ себѣ: «Вотъ же тутъ есть и постоя! а что, какъ спрошу я, не надоль имъ для коней овса, либо какой мучицы?» Да поравнявшись супротивъ того портрета и говорить: «Господа москаль! а скажите, коли милость ваша будетъ, вашему командирству, коли надо овса, либо какой муки, такъ пусть придутъ къ обозу, да

спросить Ефрема Супоно; а у меня овесецъ важный, дешево отдамъ и мѣра людская: восемь съ верхомъ и трижды рукой по мѣркѣ ударить! пожалустажь не забудьте; а *могорыкъ* отъ насъ будетъ. А на починь, нуте, понюхаемъ табаку!» Да за словомъ, досталь изъ-за галенища рожокъ, постучалъ имъ о коблукъ, и высыпаль на ладонь; самъ понюхаль, фрякнуль, поднесъ солдату, да еще и приговариваетъ: «табачокъ-этъ ладный; терла женка Анца, старушка мать учила ее переминать, а дочери растирали, да въ рожки насыпали! пожалуйте!» солдатъ ни гу-гу; и усомъ не моргнетъ. Бѣднякъ Ефремъ и взялъ себя на разумъ: «ну его—подумаль про себя — чтобъ еще по рожъ не ударилъ; вѣдь онъ на то солдатъ!» поднялъ боклаги свои, да не оглядаючись къ возамъ... А Кузьма Трофимовичъ слышалъ это все.... хи хи, хи хи, анъ-да подъ бока держаль, да заливался!

Поколь-жь все это дѣлалось, стали собираться на базарь, и *бублейницы* и *паланичницы*, и тѣ, что кружками пшено, да ложками масло продають. А за ними гуськомъ частили съ пирожками, съ варенымъ мясомъ, съ гусаками, съ гороховиками и со всякими лакомствами, чего только душа пожелаетъ на полуднованье. А старшою у нихъ была, вожакомъ, *Евдоха Колупайчиха*; молодница дадная, не взялъ ее катъ, черновал, губатая, маленько курносая, да румяная словно макъ; да таки и разодѣта: *ошпокъ* на головѣ, правда, уже вытертъ весь, одиѣ нитки остались, а былъ, видно, когда-то парчевый; тулупъ бѣлыхъ смушекъ, подъ крашениною и сур-

комъ оторочень; только, правда, уже весь въ дырахъ, и подь рукавами, и на бокахъ, такъ, что все платье сквозится—да еще и не простое, а мѣщанское; она, вишь, взята была въ Липцы изъ самага Харькова и роду не простаго, а мѣщанскаго; *шушунъ* на ней набойчатый, *исподница* коламянковая; только уже трудно было згадать, какого цвѣту, потому, что все это больно замарано было постнымъ масломъ; она вишь пекла бублики и пыжки—а за этимъ дѣломъ, извѣстно, нельзя чистоплотно ухаживать; какъ разъ выпачкаешься, какъ чортъ эготъ, что къ вѣдьмѣ въ трубу лазить.

Вотъ, молодицы и кричатъ Евдохѣ: «а ну, *пань-матко*, выбирай мѣсто на счастливую продажу; ты у насъ голова; гдѣ ты сядешь, тамъ и мы подлѣ тебя». Евдоха и взяла изъ чужаго короба *пальяницу*, сайку, стала, оборотившись на Востокъ, да и покатила ее противъ солнца. Катилась *пальяница* эта, катилась, не запнулась ни гдѣ, а прямехонько ушла подлѣ солдатскаго портрета. «Ой, бѣда моя,» закричала Евдоха, поднявъ сайку, да сунувъ ее промежь свое добро, «какже намъ подлѣ *москаля* садиться! Да онъ намъ тутъ такого грѣха надѣлаетъ, что не то что! тутъ ухватить, тамъ ущипнетъ да тутъ—того и гляди, что и коробовъ не соберешь!»—Выбирай же другое мѣсто—закричали молодицы—можетъ-статься и не такъ счастливое, да все таки лучше, чѣмъ дать *москалю* волю надъ товаромъ своимъ! —

Перевела Евдоха свой *цехъ* черезъ дорогу, поворожила опять другою, тожь чужою, булкою, и по-

ложила ее въ свой кузовокъ; а гдѣ булка упала, тамъ сама съѣла съ товаромъ своимъ, а молодиць разсажала, куда которой по очереди досталось; а чередъ вела самажъ Евдоха; которыя были по богаче, такъ по ближе къ себѣ, а бѣдную товаромъ, такъ на самый хвостъ, въ уголокъ, гдѣ и школьникъ, который на малыя деньги самый дешевый товаръ покупаетъ ее не найдетъ, — да за чередъ, каждый базаръ и лупитъ съ нихъ что сможетъ: о, то была козырь-баба! Ужь одно то, что Харьковская родомъ; а щебетуха да и щебетуха! Взялась она надъ всеми торговками атамановать, и отъ десятскихъ, отъ головы, да и отъ самаго писаря оборонять да отстаивать; только чтобы всѣ ее слушали, и что скажетъ, чтобы дѣлали, и что спросить съ нихъ, чтобы подавали. Да нусть бы кто ее и не послушалъ! такъ разомъ и *нашлетъ*: либо свинья бублики похвафаетъ, либо собака масло вылакаетъ, либо пьяный подшатнется, да коробъ опрокинетъ, а ужь даромъ не пройдетъ.

Только что молодицы наши чинно разсѣлись и каждая съ товаромъ своимъ управилась, какъ... *тю!* москаля нечистый и уродилъ съ грешневиками! Какъ напустятся они на него всѣ: «Зачѣмъ ты тутъ сталъ? ступай себѣ, ну, въ другое мѣсто, не мѣшай православный товаръ продавать! а самъ поди, хоть къ чертямъ, опричь хлѣба святаго!» Вотъ, какъ подняли на него крикъ —, а ужь известно, молодицы наши, сколько ихъ ни будь, какъ забормочать всѣ въ одинъ голосъ, такъ никакого и толку не дашь,

словно на *лоткахъ* вода шумить! А москалю и нужды мало, знай себѣ кричить: «грѣшники горячи!» Что тутъ на свѣтѣ дѣлать? молодицы видятъ—плоха шутка; пристали къ Евдохѣ: «дѣлай что знаешь, да гадай, а москаля сбудь!»

Некуды Евдохѣ дѣваться, взяла — да все таки не изъ своей коробки—три вязанки *бубликовъ*, пошла къ писаному солдату, да и ей же Богу, правда! и поклонилась ему словно живому, да и просить: «Ваше благородіе, господа *салдатство*, будьте ласковы, сдѣлайте милость, сведите съ нашего мѣста, вотъ того шальнаго, католицкаго, бусурманскаго москаля, что сталъ подлѣ бублейницъ съ гречишниками своими!» Да зѣ словомъ, смотритъ—и не глядитъ на нее москаль—и стала ему совать бублики въ руку, да сама еще и приговариваетъ: «На-те, возьмите, ваше благородіе, пожалуйста, дома пригодится!» А солдатъ ни дохнетъ. . . какъ же вдругъ разглядѣла Евдоха наша, что это обманъ, что то не настоящій солдатъ, а только его поличіе, *парсуна*—застыдилась, покраснѣла словно ракъ, да скорѣе, безъ оглядки отъ него, да бублики въ свой коробокъ, да и сѣла. Сколько ни спрашивали ее молодицы, что ей тамъ случилось отъ москаля, такъ молчить да молчить себѣ, да и говорить: «спровадилажь я вамъ москаля, чегоже вамъ больше?» А онъ и вправду, какъ увидѣлъ, что Евдоха пошла на него просить, струсиль, да и пропалъ съ гречишниками своими. А Кузьма Трофимовичъ глядя на всѣ проказы эти, насмѣялся себѣ въ тихомолку, да и говорить: «Вотъ такъ,

молчи знай! Уже къ намъ, словно къ живому, съ поклонами ходять, какъ къ Засѣдателю!

А тѣмъ часомъ собралось народу пропасть! таки куда глазомъ ни поведешь, все люди, все люди, какъ сарона въ полѣ! и чего-то туда не навезли, да не нанесли! таки такая ярмарка, будто въ самомъ Харьковѣ, на Пречистой: всякій товаръ и чего бы ты не вздумалъ, все есть! груши-ли? такъ и возами груши, и въ мѣшкахъ груши, и кучами груши, приди, торгуй, сколько кому надо, да съ которой кучки хочешь и сколько тебѣ угодно бери и пробуй; никто тебѣ не закажетъ. А тамъ, вонъ, *Москва*, съ лаптями, да съ лыками; были у нихъ и чашки, лоточки, писанья деревянныя тарелки; были и рѣшета, лотки, кадки, пересѣвки, лопаты, сѣялки; башмаки, сапоги съ подковами, и Нѣмецкіе, только одними гвоздочками подбитые; тутъ и Суздальцы, съ картинами, да съ книжками завалящими; а рядомъ съ ними сидитъ *сластѣница*, что пыжки печеть, съ печкою; только спроси, на сколько тебѣ тамъ надо *сластѣныхъ*, такъ она живо подыметъ пелену, да сыметь старую онучу, что горшокъ съ тѣстомъ накрытъ, чтобы, знаете, тѣсто на холодѣ не стыло, (за тѣмъ она и держитъ его у себя подъ пеленкою:) вотъ, пальцы послюнить маленько, чтобы не приставало тѣсто, да и ущипнетъ его, да на сковороду, въ масло, такъ и шишитъ!! а поджаривъ, тотчасъ и подаетъ; а ужъ масломъ постнымъ не скупится; такъ и течетъ по пальцамъ, только знай обеасываетъ! Тутъ же, рядомъ, продавался и табакъ тер-

тый, нюхальный и такой, въ попушахъ; а тамъ, желѣзный товаръ: подковы, гвозди, топоры, поддоски, *ухналицы*—и все чего нужно. А тутъ уже пойдутъ лавки съ краснымъ товаромъ для господъ: стручковатый перецъ на ниткахъ, изюмъ, винныя ягоды, лукъ, всякія сливы, орѣхи, мыло, свѣчи, тарань-рыба, еще весною съ Дону привезенная, и провѣсная и соленая; икра, сельди, опойки, выростки, ножи, булавки, иголки, крючки, застѣжки, и для нашего брата свинина. Дѣготъ и въ *шеритвасахъ* и въ мазницахъ—да продавались тутъ и помазки. А рядкомъ, подлѣ, стояли *бублики*, *буханцы*, гороховики, гречаники, а въ лоткахъ разносили печенку на ломти порѣзанную; на сколько тебѣ надо, на столько и бери. А тамъ, пучками кануста, свекла, морковь огородныя—а домашней бабы наши не продаютъ, берегутъ про нужду, на нашу голову, ну ее! . . . Тутъ же былъ и хрѣнь, и рѣпа и *гартохли*, которые-чай, скоро хлѣбъ святой со свѣту Божьяго сгонять. А тутъ изъ *Водолаги* горшки, цразцы, миски, крышки, кринки, кувшинчики. . . . да яжь говорю, нѣтъ того на свѣтѣ, чегобы не было на этой ярмаркѣ; и кабы только денегъ въ волю, такъ накупилъ бы всего, да и ѣлъ бы себѣ круглый годъ! А что еще ободьсвѣ, колесъ, оглобель—*лющенъ*, а тамъ еще и *свиты*, простаго *Уразовскаго* и мыльнаго сукна; были и тулупы, всякіе поясы, шапки и казачьи треухи; былъ и дѣвичій товаръ: *стрижки*, *скиндяжки*, по нашему ленты, широкія, что голову повязываютъ и узенькія, что заплетаютъ въ косы; серьги, байковья юбки, *платьи*, шитые рукава и платки; *оципки* бабы, сер-

пянка, *запаски*, *кораблики*, утиральники, шитые и съ городками; *щитки*, гребни, *днуща*, веретена, соль толченая, глина желтая, запанки оловянные, перстни, башмаки. Ухъ, анъ-да уморился расчитывающая да рассказывающая все это; чего-то тамъ не было!

А промежду такой пропасти товару, что тутъ народу было! и Боже сохрани! Еще чуть ли не больше, чѣмъ на Свѣтлое Христово Воскресеніе, на заутренѣ, какъ Христа *догитываються*: либо на Иорданѣ: таки протолпиться не дѣзя! Тотъ покупаетъ, тотъ божится, тотъ прицѣняется, тогъ спорить, этотъ товарищей скликаетъ, тотъ кричитъ бабу свою, эги ссорятся, тѣ бранятся, тѣ, покончивъ дѣло, идутъ *могорыча запивать*; бабы бормочать, всѣ разомъ въ одинъ голосъ говорятъ, а ни одна не слушаетъ; нищіе поютъ Лазаря, кобылы ржутъ, колеса скрипятъ; тотъ кричитъ съ телѣги: *по глину, по глину!* А на встрѣчу ему расцѣваетъ: *по горшки, по горшки!* Дѣти, растерявъ матерей, ревуть; тамъ завываетъ собака — тутъ *придушили* поросенка, визжитъ на весь базаръ, а свинья, хрюкаючи, пробирается промежь народомъ; тамъ торговки хватаютъ за полы ребятъ, да школьниковъ: «поди сюда, дядюшка; возьми у меня, барченокъ; вотъ бублики горяченькіе съ мачкомъ; вотъ сайка легонькая, только-что изъ печи.» та, та, та, та,—да и не разберешь ихъ тамъ что и о чемъ они толкуютъ; вездѣ и всюду шумятъ, стучатъ, кричатъ, точнехонько какъ въ мѣльницѣ, коли на всѣ поставы и мѣлетъ и толчетъ!

А тамъ, слышь, скрипка съ цымбалами: *Матвѣй Шпонь* разпродаль соль, расчелся, чистыя денежки взялъ, нанялъ *тройсту*, трехъ музыкантовъ, да и возится съ ними по базару! Уже и шапки на немъ какъ не бывало; гдѣ-то кинулъ ее въ кого-то, да самъ и удральный. Идетъ и поетъ; а гдѣ лужа, тамъ и ударитъ трепака. Забрызгался, вымарался — эге! да не мѣшай ему, онъ *гуляетъ!* Въ одной рукѣ стекляница, въ другой чарка; кого ни встрѣтитъ: «Пей, батькинъ сынъ, дядюшка любезный! пей; *Матвѣй Шпонь* гуляетъ; пей въ его голову, чтобъ ты подавился! Будь здоровъ на многія лѣта!» Самъ выпьетъ, и того потчуетъ; колижь этотъ не захочетъ, то такъ водку и выплеснетъ на земь, а его ругаетъ, ругаетъ — да и поидетъ потчивать другаго! Вотъ не совсѣмъ еще и допилъ флягу, тряхъ ее, обь землю, да и кричитъ: «Шинкаръ! подавай *Шпону* снова! музыка, играй!» да и пошолъ дальше. Идетъ, да и увидѣлъ дегтярей: ухъ, туда, въ *шеритвасъ*, въ дѣготъ, влѣзь весь, съ сапогами, совсѣмъ, да и кричитъ: «дегтярь! не бось ничего; *Шпонь* деньгами отвѣчаетъ!» да и выкинетъ ему изъ кошеля полную горсть, а самъ и кричитъ: «не обидно? не мѣшай же! музыка, играй!» а самъ и пошелъ плескаться да полоскаться въ дегтю, какъ мальчишка въ лужѣ. Что это, коли человекъ въ счастья, да въ радости? Чего-то онъ не выдумаетъ? Ничего не жалѣетъ и ни обь чемъ не тужить!

А тамъ, слышь, медвѣдь реветъ да пляшетъ, а цыганъ кричитъ: *А ну, Гаерылку, якъ старьи ба-*

бы пьли валяются... Цыганка ворожить, да приговариваетъ: «И счастливый и уродливый: черновал молодица по тебѣ горюетъ, положижь пятакъ на рученьку, всю правду скажу...» Цыганенки выплывають *халлндру*, да кричатъ не своимъ голосомъ, будто съ нихъ чортъ лыка дереть.... А старый Цыганъ тудаже, съ клячею своею: знай божится, женою и дѣтьми, да проклинаетъ душу свою и отца и мать — а все за тѣмъ, чтобы старую, слѣпую, сапатую, хромую кобылу, продать на мѣсто молодой, здоровой! Да какъ обступитъ нашего брата Цыганское навожденіе, такъ уже не знаешь какъ быть и что дѣлать! Какъ подпустить тебѣ *тумана*, такъ и самъ видишь, что кляченка трехъ денежскъ не стоитъ, да только глядишь, да глазами хлопаешь и не знаешь куда туть отъ нихъ и дѣваться. Тотъ божится, другой заклиняется, тотъ суетъ тебѣ въ руку обротъ съ клячею, третій тянетъ изъ кармана платокъ, гдѣ кошель съ деньгами, а тотъ уже и сдачи тебѣ даетъ; да всѣ гурьбою, и тащутъ тебя на выставку, запивать *могорыги*. Ну такъ, что якъ говорю, поколѣ спохватишься, глядишь, хотѣлъ свое ледащее продать — а проклятые цыганы всучили тебѣ въ руки такую погань, что и щепки не стоитъ; да такую цѣну взяли, что можно, ину пору, вола купить, да за мои-жь деньги и вино покупали и пили; а тамъ вмѣсто спасибо, мнѣ же въ глаза и насмѣялись. — «Кляча твоя де-скать маленько плоха глазами; такъ купи-тка ей очки, да и посади на глаза, знаешь какъ баричи молодые въ городѣ носятъ, такъ она, можетъ статья, еще потянетъ...»

Такъ вотъ такіе-то тамъ были проказы, что всего и рассказать нельзя. И кто бы не шелъ подлѣ солдатскаго портрета, всякій, снявши шапку, скажетъ, либо: «*добрыдень,*» либо «здравствуйте господа служба!» А служба ни гу-гу. Стоитъ себѣ чиннехонько и пальцемъ не кивнетъ, и глазами не поведетъ и усомъ не моргнетъ. Таки никто, никто не угадалъ, что это солдатъ написанный. А Кузьма Трофимовичъ, сидя въ балаганѣ своемъ, видѣлъ все это, да и думаетъ: «ладно, коли такъ; посмотримъ что-то впередъ будетъ!»

Тутъ вдругъ, отколѣ ни взялся, солдатъ, да настоящій, живой солдатъ, вотъ какъ мы съ вами. Ходитъ онъ по базару да поглядываетъ, и уже одинъ утиральничекъ у *молодицы* стянулъ и въ карманъ запряталъ; стащилъ у Чугуевской торговки бумажный платокъ, такой, что гривень шесть стоитъ; отрѣзалъ съ возу плетенку луку, да тутъ же за польщны и продалъ; да все это такъ хитро и мудро что никто и не спохватился. Наконецъ приходитъ туда, гдѣ продають груши; видитъ: у возовъ остались одни ребятишки, да и тѣ рты разинули на медвѣдей. Онъ таки и положилъ руку на мѣшокъ — никто не видитъ; потянулъ его къ себѣ — никто не видитъ; положилъ его чинно на плечо — никто не видитъ; да не оглядаючись и махнулъ куда ему тамъ надо было. Тутъ хозяева наши спохватились; глядь, *москаль* взялъ безъ спросу полнехонькій мѣшокъ грушъ, да и претъ его словно свое добро; крикнули всѣ разомъ на него, да и побѣжали за нимъ въ погоню.

Не хитеръ же и москаль; чтобъ ему бѣжать безъ оглядки? а онъ, идетъ себѣ шажкомъ, мѣшокъ съ грушами несетъ, да еще и пѣсенки про себѣ распѣваетъ! Тутъ его хватъ за мѣшокъ: «на что ты, такой-сякой, груши взялъ?» пристали всѣ къ нему въ одинъ голосъ. Стоитъ сердечный, выкатилъ глаза на лобъ, какъ баранъ, поглядить на нихъ да и говорить: «ништо это ваши груши-тѣ?»—«Да не чьижь, какъ не наши!»— А онъ, какъ закричитъ на нихъ: «Ахъ вы хохлы безмозглые!» А тотчасъ и браниться; нѣтъ, что бы сперва разспросить, да тогда бы уже и бранился сколько хотѣлъ — «а зачѣмъ вы» говорить, «мнѣ тогда не сказали, какъ я съ воза мѣшокъ взялъ?» да и привязался къ нимъ: «Вы, говорить, зѣваете по сторонамъ, а я вотъ несъ, несъ, да вотъ какъ уморился, да амуницію потеръ; вотъ вишь, и мундиръ запачкалъ; давай сюда деньги на вычистку!» Наши кинулись было сюда, туда—такъ гдѣ! и пристуну нѣтъ! да еще и ругается; а тамъ, поймалъ одного за воротъ, да и тянетъ, а самъ кричить свое: «давай на вычистку, да за проходку; я казенный мундиръ потеръ и сапоги потопталъ, давай, да и только!» наши ни открестятся, ни отмолятся; «ну, тебя, говорить, дядюшка, сдѣлай милость, господа служба, возьми себѣ груши и мѣшокъ, только отвяжись!» Такъ куда, такъ репьемъ и вяжется, да и говорить: «мнѣ, говорить, чужаго не нада; не хочу я вашихъ грушъ, а мнѣ подай мое!» Что тутъ на свѣтъ дѣлать! Таки еще подумали было, чтобъ такъ да сакъ вывернуться, хотѣли итти въ волостное правленіе, такъ москаль не

то поеть: «Вотъ моя команда» говоритъ, да и показываетъ на писанаго солдата, «пойдемъ къ нему!» Наши видятъ, плоха шутка; страшно, кинули ему пятиалтынный — такъ ибтъ; «веди,» говоритъ, «на выставку, да поставь еще за проходку кварту вина!» Нечего дѣлать; поставили, толькобъ отвязался, да не тащилъ къ солдату, что стоитъ съ ружьемъ; когдажь послѣ слышали, да разглядѣли, да узнали что это солдатъ писанный, а не живой, такъ анъ - да обь-полы руками ударили, да *фитъ, фитъ* — посвистали, да и разошлись по возамъ.

А Кузьма Трофимовичъ, подь рядомъ своимъ сидя, смѣялся, смѣялся, такъ, что по землѣ валяется; да и говоритъ: «охъ!» да и сѣлъ опять, сложивъ руки, смотрѣтъ, что еще будутъ за проказы.

А тѣмъ часомъ уже стало не рано. Вотъ и дѣвки собрались итти по ярмаркѣ, а все, вишь, поджидали, что бы по меньше народу стало; а то, въ толпѣ, въ тѣснотѣ, думали, что и не такъ ихъ видно будетъ. Вотъ и потянулася низка ихъ, да все на подборъ; одна одной лучше, одна одной чернобровѣй! Разодѣлись, такъ что Господи! Солнышко, среди дня, пригрѣло, такъ оно и тепленько стало; вотъ они и выскочили безъ *свитокъ*, въ однѣхъ байковыхъ, алыхъ юпкахъ, словно макъ цвѣтегъ! ленты на головахъ по Харьковски повязаны, косы въ плетушки заплетены и желтыми *гвоздиками* да *барвинкомъ* разубраны; у сорочекъ и рукава и *пидтежки* шитые, да городками разукрашены; на шеяхъ *намы-*

ста, пронизей нитокъ съ десять у каждой, коли не больше, только голову гнетъ; золотые *дукаты*, да серебряные кресты такъ и горятъ; плахты *картацкїя*, *запаски* шелковыя и *колесчатыя*, пояса коламянковые: да все одна въ одну, въ красныхъ башмачкахъ, да въ синихъ либо въ бѣлыхъ чулочкахъ. А за дѣломъ же они и вышли? А какже? За позѣвками, за поглядками, да не побалуютъ ли съ ними молодые ребята. Ужь извѣстна дѣвичья натура, хотъ въ барствѣ, хотъ въ мужицствѣ!

Вотъ онѣ и пошли по ярмаркѣ, и то и сѣ выдумываютъ, и хохочутъ себѣ... какъ одна, вдругъ, глядь! да и говоритъ тишкомъ: «дѣвки! смотрите, у насъ постой, солдаты!» — Врешь, гдѣ ты ихъ увидѣла? — стали тѣ допрашивать, да сами оглядываются. «Да вонъ, вонъ около дегтярной лавки, стоитъ съ ружьемъ *калавурный*!» — Такъ и есть! — закричали тѣ въ голосъ, да начали щебетать, да смѣяться, да переходить съ мѣста на мѣсто, да одна одну толкаетъ, будто спотыкаются, а сами знай оглядываются, да какъ павочки выгибаются, да охорашиваются, чтобъ солдатъ глянулъ на нихъ, да затронулъ бы которуюнибудь — вотъ этобъ имъ и на руку; тутъ бы и стали они спрашивать его, проходомъ ли тутъ, или постоемъ? вотъ тутъ-бы и сказали ему, чтобъ съ товарищами приходилъ къ нимъ на вечерницы; онѣ, вишь, давно уже ничего путнаго не видали, а свои ребята надоѣли имъ давно и опостыли.

Вотъ и вызвалась изъ нихъ одна, *Домаха*, да и говоритъ: «постойте-тка, пройду я подѣль него; да

уже не я буду, коли онъ меня не затронетъ! Да глядите-жь, не зъвайте, а откликайтесь мнѣ, коли такъ придется!» Вотъ и пошла; будто и не она, то, туда, то сюда оглянется, то пѣсенку себѣ затянетъ, то платочкомъ помахиваетъ, то нагнется подвязку подвязывать.... вотъ уже и къ солдату подходитъ, да будто съ кѣмъ разговариваетъ: «гдѣ-то тутъ шпалеры да *шулиха* продается, кабы мнѣ кто сказалъ!» Да и запоетъ себѣ опять тишкомъ.... О, что это за дѣвка была! Чтобъ ей не знать, отколѣ къ кому подойти, и какъ кого и разуть и обуть? Все знала! и проворна и шутлива была, да и свѣту повидала: два года въ Харьковѣ въ *мойкахъ* служила, гдѣ шерсть промываютъ, такъ уже ее не учить стать!

Какъ увидали подруги, что она уже близко солдата, а онъ ее и не затрогиваетъ — можетъ не видеть еще — да и стали кричать на нее: «а куда ты Домаха, пошла?» а она стоитъ подлѣ солдата, да во, весь голосъ откликается: «Вотъ куплю *шулихи* на цвѣтки, коли какой чортъ не перейметъ!» а солдатъ нашъ стоитъ—не затрогиваетъ ее, и не глядитъ. «Что за нелегкая! думаетъ Домаха, таки вплоть подлѣ него прошла, а онъ и не думаетъ затронуть! развѣ не смѣетъ, что-ли? да ворочусь еще!»—Вотъ и воротилась, да вплоть подлѣ него идетъ, и обронила платокъ, будто, вишь, потеряла, думаячи, что солдатъ закричитъ на нее, чтобъ воротилась, да подняла; вотъ она бы съ нимъ и заговорила, и пошутила, а тамъ бы и поладили. Не промахъ - дѣвка была и Домаха! такъ что же? платокъ лежитъ, а солдатъ и

волосомъ не ворохнеть! Стала Домаха наша, да и оглядывается, да и кричитъ: «охъ, я бѣдокурная! платокъ обронила! колибъ кто поднялъ его, да отдалъ мнѣ!»

Оглядывается, сердечная, да поглядываетъ изподлобья — да ба! стойтъ солдатъ и на платокъ не глядитъ! нечего дѣлать Домахъ; надо воротиться! Вотъ и крадется и выжидаетъ, да и говоритъ: «Вотъ бѣда! лежитъ платочекъ мой подлѣ самаго солдата — какъ тутъ быть? — Я боюсь, чтобъ онъ не поймалъ меня, либо изъ ружья не застрѣлилъ!» подошла — и нагинается и не нагинается, и беретъ и не беретъ — а все, вишь, поджидаетъ солдата — такъ чтоже? не на того, зная, наскочила; нагнулась и протянула руку, словно не ѣвши, а сама все глядитъ на него; да какъ разглядѣла, какъ захохочетъ на всю улицу! а дѣвки и обозвались: «а что онъ тамъ тебѣ говоритъ? Домаха! сказывай, что-ли, что онъ говоритъ?» — Не до разговору тутъ, кричитъ Домаха, да во всѣ ноги назадъ, да за смѣхомъ и слова не вымолвить.

«Что, что такое, что онъ говоритъ?» Стали дѣвки, обступивъ Домаху, спрашивать. «Эге, что говоритъ» — отвѣчаетъ Домаха, «да это-жь не живой солдатъ, это писаный!» — «Ю!» закричали дѣвки, да и побѣжали разглядывать: и то писаный! хохотали, смѣялись, выдумывали тутъ всякую всячину, да и пошли себѣ по ярмаркѣ. А послышавъ это, уже и много кое-кто стали подходить смѣло, безъ страху

посмотрятъ, поглядятъ, да и скажутъ: «Такъ и есть что писаный!» Да и пойдутъ себѣ.

Натѣшившись и насмѣявшись со всего этого, Кузьма Трофимовичъ и подумалъ: пора уже и сымать солдата, да укладывать его, да собираться въ путь; какъ вдругъ послышалъ крикъ, шумъ, топотъ, ревъ, пѣсни, *сопѣлку*. . . . да и присѣлъ проворный подъ рядно свое.

То подходило *парубоцтво*, холостежь; сапожники, портные, кузнецы, гончары и разныхъ званій и ремесль молодежь удалые, наемные у хозяевъ работники, *батьковы дѣти*, собравшіеся на ярмарку погулять. Кто съ утра еще, продавъ свой товаръ, либо купивши что кому надо было, да запивши *могорыги*, подбрились порядочно, и приодѣлись—кто въ новую свиту, кто въ китайчатую *юбку*, кто въ отцевскій—хоть и старый—да *жупанъ*; подпоясались хорошенько, кто каламянковымъ, а кто и шерстянымъ кушакомъ: въ *тяжминовыхъ* шараварахъ, надѣли на подбритыя головы казачьи шапки изъ Рѣшетилловскихъ смушекъ, съ алыми, зелеными, либо синими верхами; въ смазныхъ, юфтовыхъ сапогахъ, съ подборами, а кто и въ конѣвскихъ, да такъ вымазанныхъ, что дѣготъ съ нихъ такъ и течетъ; а подковы, чуть ли не въ четверть; да закрутивши усы, идутъ себѣ *лавою*, съ боку на бокъ переваливаются, руками машутъ, трубки тянутъ, да во всю глотку, анъ-да жмурятся, да корчатся, орутъ *Московскія* пѣсни: *пры дольнусици стояла*. И гдѣ идутъ

то такъ передъ ними народъ и разступается; и уже не попадайся имъ на дорогѣ никто; хотъ торговка съ коробами, хотъ москаль съ квасомъ, хотъ слѣпцы, нищѣ съ вожатымъ, хотъ старуха, хотъ молодца имъ на встрѣчу, не разбирають никого; такъ на всякаго прямо лавою и напираютъ, и пруть и мнутъ и съ ногъ валяютъ; а сами—и нужды мало; будто и не видятъ никого и ничего, будто это и не они!

Вотъ, увидавъ дѣвокъ, повалили слѣдомъ за ними, чтобы такъ на нихъ и налетѣть стѣною; а какъ только тѣ разбѣгутся, такъ тутъ и ловить ихъ, и *пожартовать*, и побаловаться, да пошалить. Известно уже, дѣло холостое! А чтобы кто посмѣлъ ихъ унять? Какъ бы не такъ! Они всей гурьбою, не разъ уже и самого Писаря, бывало, такъ употчуютъ да угомонятъ, что тотъ насилу встряхнется послѣ, да прочхается! А десятскіе, такъ отъ нихъ просто прячутся подъ тынь, да въ *бурьяны*, такъ уже тутъ нечего толковать! Всякъ, махнувъ рукой, говоритъ: пусть нагуляются ребята; больше чѣмъ на полтину грѣха да бѣды отъ нихъ не будетъ!

небедъ! въ хатахъ и на крыльцахъ —

Вотъ и идутъ; и какъ накинули глазомъ дѣвокъ, такъ и пошли мимо писанаго солдата, за ними слѣдомъ. А вожакъ-атаманъ ихъ, чеботарь Терѣшка, снялъ шерсть нимъ, передъ солдатомъ тѣмъ, шапку, да и говоритъ: «здравствуйте господа служба!» Тутъ какъ захохочетъ народъ, и торговки, и прасолы, и тѣ что съ возами приѣхали, всѣ въ голосъ

такъ и заливаются; да и ну кричать на него: «Чуръ дурня! Да развѣ это живой! Это писанный солдатъ! Нешто бѣльмы-те повывѣзли у тебя, что-ли? Вотъ-то оглашенный не разбереть!» Прикусилъ же нашъ Терёшка языкъ, какъ и самъ разглядѣлъ, что это и вправду писанный солдатъ, и что весь базаръ на него зубы скалить! «Теперь — думаетъ сердечный, мнѣ и проходу не будетъ; будутъ зубоскальничать, да горло драть, да на смѣхъ подымать и Богъ знаетъ чего еще не придумаютъ! бѣда да и только; что тутъ станешь дѣлать!» Стоитъ, носъ повѣсивъ да и думаетъ. Да вдругъ и спохватился, захохоталъ и самъ, да и говорить: «А будто я и не вижу, что это солдатъ малеванный! — да я поклонился ему за тѣмъ, чтобы одурачить маляра; нешто такъ-то и малюютъ? чтобъ его нелегкая малевала! Да это и слѣпой разглядить, что это не живой человекъ, а писанный! нешто тутъ были дурни такіе, что считали его живымъ? Не знаю! *тыфу*, чортъ знаетъ что намазано! глядите, люди добрые, развѣ эдакъ шьется сапогъ? Я чеботарь первый на селѣ; такъ я уже знаю, что голенищу вотъ какъ надо быть» да самъ и сталъ ногтемъ по картинѣ царапать «вотъ, и въ подборахъ вранье; да и подъемъ не такой; да таки и все не такъ. Ну, его, братцы, пойдемъ дальше; намазалъ тамъ какой-то дурень!» Вотъ и пошли себѣ своею дорогою, и Терёшка радъ себѣ радѣшенекъ, что свалилъ бѣду эту съ плечъ.

Да и закрутилъ же носомъ нашъ Кузьма Трофимовичъ, будто тертаго хрѣну понюхалъ! Больно ему

досадно стало, что вся ярмарка, и сколько тутъ ни было народу, таки можетъ-статься душъ съ пятьдесятъ, коли еще не больше, да всѣ таки до одинаго, всѣ не узнали, что солдатъ этотъ писаный, думали что живой; а тутъ, чортъ его знаетъ отколѣ взялся чеботарь, да и распушилъ работу его на пропалую! «Это уже, говоритъ самъ себѣ Трофимовичъ, курамъ смѣхъ будетъ! Я таки, правда, о сапогахъ не больно и заботился; можетъ статься оно тамъ чтонибудь и не такъ; я только и старался, чтобъ у него лице и самъ онъ весь, и мундиръ и ружье, чтобы такъ были, какъ у живаго, а до сапоговъ мнѣ было и нужды мало: не думалъ, чтобы кто сталъ зорко больно приглядываться, туда, куда и не всякій смотреть. Пусть же такъ будетъ, какъ чеботарь сказалъ: перемалую, чтобы и его удовольствовать и чтобы фальши никакой не было въ моей работѣ».

И выльзъ онъ изъ - подъ шатра своего, досталъ палитру съ красками и кисть, подмалевалъ, какъ тамъ сапожникъ нацарапалъ, да ошять и ползъ назадъ, и говорить: «Погожу еще маленько, покуда краска подсохнетъ; а тамъ и соберусь домой. Теперь и чеботарь не скажетъ, что не такъ сапогъ намалевалъ!»

Анъ, глядь! Терёшка съ ребятами, не догнавши дѣвокъ, воротились, чтобъ перенять ихъ впоперегъ, да и идутъ ошять подлѣ портрета. Вотъ, одинъ на-рень, глянувши на него и говорить: «гляди-тка Терёшка, маляръ тебя послушалъ; вишь, перемалевалъ

сапогъ, по твоему! «Эге,» сказала Терёшка, передвинувъ шапку на самое темя, да подбоченясь «а еще бы онъ меня не послушалъ! Я всю силу знаю, и какъ разъ вижу, гдѣ чего не хватаетъ!» А какъ ему, Терёшкѣ, все еще было досадно, и на маляра, и на картину эту, изъ-за которой люди подняли было его на смѣхъ, такъ онъ себѣ и подумалъ: «дай, еще таки разругаю да обракую, чтобъ маляра вовсе съ толку сбить, и чтобы народъ думалъ, будто Терёшка великую силу въ малярствѣ знаетъ;» самъ, постоявши, да посвиставши и говорить: «Вотъ, и опять таки не утерплю, скажу, за тѣмъ что вижу самъ, что не такъ! Сапоги теперь таки похожи на сапоги, какъ я научилъ, такъ мундиръ не туда глядитъ; надо чтобъ рукава вотъ такъ.....»

«А *засѣ* не знаешь?» обозвался Кузьма Трофимовичъ подъ рядомъ своимъ: «*чеботарь! знай свое кривое голенище, а въ закройщики не суйся!*»

Какъ залился хохотомъ весь базарь, слушая проказы эти, и что Кузьма Трофимовичъ такъ отбрилъ Терёшку чеботаря! Какъ подняли его на зубы! Смѣялись надъ нимъ, смѣялись, да такъ же, ей Богу, что не то что, что анъ-да за рѣчкою слышно было!

А Терёшка остался какъ облизанный, — да какъ кинется, безъ оглядки, куда глаза глядятъ, да и забѣжалъ Богъ знаетъ куда! А Кузьма Трофимовичъ въ тихомолку себѣ посмѣялся, собрался съ пор-

третомъ своимъ и со всѣмъ приборомъ, приѣхалъ къ барину своему, да по уговору денежки и *горь-ложку* съ него сбрилъ, да и правъ.

Ярмарка разошлась; только уже Терёшкѣ нашему полно молодцевать, да горло драть; не далось ему впередъ молодчество это, хоть на улицахъ тамъ, либо на вечерницахъ, или хоть бы и въ шинкѣ; только что замясничаетъ, а тутъ его ктонибудь и отбръетъ: *знай, чеботарь, свое кривое голенище, а въ закройщики не суйся!* То онъ себѣ такъ языкъ и прикусить и уже ни гу, гу!

Вотъ и вся.

Съ Украинскаго: *В. Луганскій.*

ЭЛЕГИЯ.

«Туда, туда гдѣ нѣтъ снѣговъ
Гдѣ роши вѣчно зеленѣютъ,
Гдѣ вѣтры теплые благоуханно вѣютъ,
Гдѣ хороводы облаковъ
Какъ въ праздникъ радостныя дѣвы —
Все въ златѣ, лентахъ и цвѣтахъ —
Играютъ и блестятъ на синихъ небесахъ;
Гдѣ безконечныя напѣвы —
Народа цѣлаго согласный разговоръ —
Звучать на лонѣ водъ, звучать по скату горъ,
Туда пожить хотѣ мигъ единый
Умчите на крылахъ меня,
О Духи! стражи бытія,
Земнаго счастья властелины!.....»

* * *

*

Такъ сжатый холодомъ всегда
Подъ небомъ сѣверной столицы,
Я бредилъ и молилъ, и все глядѣлъ туда
Куда въ годину бурь летятъ пролѣтныя птицы.

Ужь дни мои, тускнѣя въ смутной мглѣ
Казалось, близились къ закату;
И вживѣ думалъ я оплакать на землѣ
Моихъ надеждъ, послѣднихъ благъ утрату.
Но вдругъ мой темный небосклонъ
Чудеснымъ свѣтомъ озарился,
Какъ будто горній Духъ крыломъ ко мнѣ склонился
И свѣялъ съ чувствъ предсмертнѣй сонъ.
Какъ будто силою волшебной
Онъ въ край моей мечты увлекъ, унесъ меня,
И напоилъ струей цѣлебной
И искрой оживилъ небеснаго огня.
Всѣ измѣнилось: открылась предо мною
Страна роскошная, сокровище земли
И я затрепеталъ душою
Какъ лира юноши отъ нѣги и любви.
И сталъ я бодръ и свѣжъ, и ужь не мигъ единый
Молю у стражей бытія;
Нѣтъ! я бѣ отвѣтствовалъ теперь на зовъ Судьбины:
Прочь! я въ Италиі, и смерть не для меня!

В. Тумацскій.

ЭЛЕГІЯ.

Въ груди не разцвѣтете вновь,
Мечты, веселость и любовь!
И все чѣмъ утро жизни мило.
Васъ сердце грустное забыло ;
Погасъ души веселый свѣтъ ;
Моей звѣзды на небѣ нѣтъ !
Я съ вами рано распростился
И преждевременно склонился
Цвѣтъ яркій юности моей.
Такъ въ блескъ утреннихъ лучей
Съ улыбкой ясной солнце всходитъ,
Но вдругъ за облако заходитъ
И гаснетъ въ мглѣ холодныхъ тучъ
Его едва всплывшій лучъ.

А. Лаголовъ.

ОРГАНЪ.

(ИЗЪ ГЕРДЕРА *).

Кто изобрѣлъ то дивное строенье,
Гдѣ въ голосахъ все слышится творенье?
Одушевленный храмъ дыханьемъ Бога
Въ себѣ одномъ ты смѣло заключилъ
Источники непостижимыхъ силъ,
Высокихъ чувствъ святаго умиленья:
Вотъ звуки тихіе поющей флейты,
Вотъ клики радости, цимбаловъ звонъ,
Они слились съ свистящею свирелью
Вотъ барабанъ... (его призывный рокотъ...)
Съ побѣдною трубою загремѣли
И звукъ ростеть... заглушена свирель, —
Ударъ въ литавры... громъ трубы послѣдней:
На Судъ зовутъ!—Вскрываются могилы
И мертвецы проснулись и встаютъ.

* * *

*

(*) Намъ пріятно извѣстить нашихъ читателей, что всѣ 19 легенды знаменитаго Гердера переведены и издѣляются къ изданію А. П. Глинкою, которой одолжены мы отличнымъ переводомъ Шиллеровой пѣсни о колоколѣ. *Ред.*

Какіе звуки носятся? И міръ
 Созданія пернатыхъ ожидаетъ
 И зашумѣль эфиръ. Грядетъ. . . . внимайте
 Грядетъ Иегова! То громъ Его
 И звуками живыми вѣетъ свѣше
 И, гласомъ смертнаго вѣщаль Безсмертный
 И, трепеща, откликнулося сердце.
 И души всѣхъ и голоса согласно
 Поднявшись вверхъ, на облакахъ почили. . . .
 Молитесь! Аллилуія! Молитесь!

* * *

Самъ Аполлонъ — изобрѣтатель цитры,
 Сынъ Маи изобрѣлъ златую лиру,
 Устроилъ флейгу Панъ. Кто-жъ былъ тотъ дивный
 Кто съединилъ созданій всѣхъ дыханье?

* * *

Цецилія, Римлянкѣ знаменитой
 Не нравился струнъ шелковистый звукъ.
 Она душой молилась: еслибъ можно
 Услышать мнѣ хвалебную ту пѣснь
 Что отроки средь пламени воспѣли
 Творенья пѣснь!

До уха вдругъ ея

Коснулся Ангелъ, часто ей въ молитвѣ
 Являлся онъ. Восторженная слышитъ
 Творенья пѣснь. Луна и звѣзды, солнце

И тьма и свѣтъ и день и ночь и вихри
И года времена и мразъ и буря
Роса и дождь, снѣгъ, иней, ледъ и горы
Долины въ ихъ весенней красотѣ,
Ключи, потоки, море, лѣсъ, скалы
Въ эфирѣ хоръ пѣвцевъ, и на землѣ,
Что только дышетъ все Творца хвалило
Могущаго, благаго. Ницъ упала
Она молясь. О, Ангель! Миѣ оставь
Сей пѣсни отголосокъ. Онъ пошелъ
Къ художнику что полонъ былъ внушеній
Святаго Висаила. Ангель самъ
Даль мѣру и число. И вотъ строенье
Гармоніи возникло. Раздалась
Пѣснь Ангеловъ, хвала и слава Богу.
И въ Богъ всѣ въ одну сливались душу
И Христіанъ гремятъ высокій *Кредо*.
Когдажъ при совершеньи тайнъ взнеслось:
«Благословенъ грядъ ѿво имя Бога!»
Блаженные отъ умиленья пали
И приняли благоговѣнья жертву.
Въ единый хоръ слились земля и небо;
Злодѣй сраженъ вступя въ преддвѣрье Храма:
Онъ узнаетъ трубу Суда и гнѣва.....
И, радуясь съ народомъ Христіанъ,
Цецилія *тѣмъ* въ звукахъ наслаждалась

Чего молящихся сердца желаютъ
Желаютъ вѣрные и ждутъ что будетъ:
Единство душъ — въ Христѣ союзъ святой....
«Какъ назову, она рекла, ту бурю
Что въ море вѣчности влечетъ такъ мощно?»
И Ангелъ ей: «ты видишь въ семь орудьи
Желанное тобой. — То органъ духа:
Сей духъ теперь сердца народовъ движетъ,
И онъ-же пѣснь творенія настроитъ
Когда, въ путяхъ запутанныхъ столбтій,
Настанетъ часъ вещей соединенья:
О будь же онъ органъ благоговѣнья!»

Авдотья Глинка

АНГЕЛЪ.

Судь мірамъ уготовляется,
Ходить Богъ по небесамъ;
Звѣздъ громада разступается
На просторъ его вѣсамъ.....

И, послушавъ Бога, дальнія
Тучи Ангеловъ взвились;
Протѣснясь въ врата кристалныя
Хоры, съ пѣньемъ понеслись.....

И мой Ангелъ охранительный,
Ужъ терявшій на землѣ
Блескъ небесный, блескъ пѣвнительный,
Распустилъ свои крылѣ...

У судьбы земной подъ молотомъ
Въ сторонѣ страстей и бурь
Яркихъ крылѣ потускло золото
Полиняла въ нихъ лазурь....

Но какъ все перемѣнилось!
Онъ на Бога посмотрѣлъ —
И лице его свѣтилося
И хитонъ его свѣтлѣлъ!....

Ахъ! когдажь жильцамъ - юдольникамъ
Возвратятъ полётъ и намъ —
И дадутъ земнымъ невольникамъ
Вольный доступъ къ небесамъ!...

Федоръ Глинка.

СВѢТСКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ, ДИ- ПЛОМАТЪ, ЛИТЕРАТОРЪ, ВОИНЪ.

Войдите въ любую столичную гостиную, когда въ ней много народу — и вы непременно остановитесь на которомъ нибудь изъ трехъ характерныхъ отпечатковъ современной общественной жизни, литераторъ, дипломатъ или свѣтскомъ человѣкѣ. Благодаря чудесной многосторонности нашего вѣка, они даже бывають слиты въ одной особѣ, на которой иногда найдете въ дополненіе четвертый отличительный признакъ — боевой нарядъ и вооруженіе воина. Любопытна ихъ физіогномія. Угодники, любимцы женщинъ и вельможъ, присяжные судьи публичныхъ зрѣлищъ, живые телеграфы новостей всякаго разбора — они какъ будто рождены оправдывать на дѣлѣ истину эпиграфа: «*Sic vos non vobis,*» жить чужимъ потомъ. Они — настоящіе актеры на сценѣ жизни. Имъ принадлежатъ и громкія роли, и блестящія, часто мишурныя одежды, и рукоплесканія толпы. За то и ненавидятъ ихъ такъ называемые дѣльные люди. Но эта ненависть неискренняя, она смѣшана съ завистью. Да какъ и не завидовать

счастливымъ? передъ ними ученый, судья, знатокъ финансовъ, то же что предъ актеромъ темная сволочь театральныхъ служителей. — Вотъ вамъ скудная плата; метите соръ, зажигайте люстры, двигайте кулисы; но Боже васъ избави показываться на сцену! васъ освищутъ: на ней стоитъ актеръ и за всѣхъ васъ торжествуетъ. — Больше всѣхъ неблаговолятъ къ нашимъ баловнямъ ученый; онъ безъ пощады изливаетъ на нихъ желчь, которая, какъ извѣстно, накапливается въ изобиліи отъ сидячей жизни. Къ чести ихъ надо замѣтить, что они никому не воздаютъ равною враждою; напротивъ, готовы раскланиваться съ каждымъ, слушать каждаго даже не понимая, удивляться всему чему другіе дивятся, но за то и кощунствовать коль скоро другіе насмѣхаются. Истинно практическіе мудрецы, они чуждаются бурныхъ ощущеній, не сердиты ни на кого въ мірѣ и ненавидятъ одно скучное, то есть, принуждающее ихъ къ какому бы то ни было напряженію.

Не станемъ осуждать безусловно этихъ трехъ представителей нашего времени. Благоговѣніе къ фактамъ! они существуютъ, слѣдственно необходимы, слѣдственно полезны; иначе мы дошли бы до богохульства. Бытіе этихъ характеровъ строго опредѣляется ходомъ новѣйшей образованности. Скажу болѣе: изъ послѣдствій они становятся причиною, и въ свой чередъ имѣютъ рѣшительное вліяніе на ея развитіе; такъ маховое колесо, движимое первоначальною силою машины въ свой чередъ усугубляетъ и уравниваетъ быстроту ея движенія. Свѣтъ,

среди котораго они существуютъ, въ отношеніи къ обществу то самое что биржа въ отношеніи къ торговлѣ. Какое дѣло если маклера не имѣютъ собственныхъ капиталовъ? они облегчаютъ ихъ оборотъ между другими. Нѣтъ сомнѣнія, оборотъ мыслей многимъ обязанъ вліянію свѣтской жизни: она пріучила науку выражаться языкомъ понятнымъ. Ученый въ глуши письменной комнаты, безъ сознанія, часто нехотя, повинуется требованіямъ свѣтскости. Мыслитель, гордый мнимою независимостію ума! положи руку на сердце и сознайся: не билось ли оно сильнѣе когда до тебя доходилъ слухъ, что твое имя съ похвалою произносили тѣ, кого ты честишь прозваніемъ трутней безполезныхъ въ общественномъ ульѣ.

Есть одинъ умный человекъ, который долго путешествовалъ и много насмотрѣлся чуднаго въ природѣ; онъ сознается что во все продолженіе своихъ странствій, не встрѣчалъ ни разу одной любопытной рѣдкости: пошлаго дурака. Богъ вѣсть, существовало ли когда нибудь это племя; журналы-ль, пароходы или желѣзныя дороги довершили его истребленіе; но то достовѣрно что оно исчезло съ лица земли; вѣсть о немъ живетъ лишь въ дѣдовскихъ преданіяхъ, и нуженъ новый Кювье, что бы дать намъ полюбоваться на него хоть въ окаменѣлости.

Есть другая рѣдкость, которая также существуетъ въ однѣхъ легендахъ: это человекъ злой. Я знаю

людей съ вредными предразсудками, вредными страстями, но не зналъ ни одного злаго. Слѣдуетъ-ли изъ этаго, что нѣтъ злости въ человѣческой природѣ? къ сожалѣнію, не думаю. Взгляните на невиннаго ребенка, съ какимъ онъ удовольствіемъ ломаетъ свою куклу и мучитъ животное попавшее ему подъ руку. Откуда въ немъ жадность къ истребленію? Да и мы возмужалые, не рады ли посмотрѣть на смертную казнь, на звѣриную травлю? Сколько зла мы творимъ въ мірѣ безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, когда оно позволено обычаемъ. Не говоря уже объ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, кто далъ намъ право убивать животныхъ и питаться ими? кто позволилъ давить равнодушно насѣкомое случайно ужалившее щеку? Всякій согласится что въ силу теоріи добродѣтели, не слѣдуетъ уничтожать бытіе, которое не мы создали, и которое воскресить не въ нашей власти. Однако мы не пойдемъ же, подражая добродушному дядѣ Тоби въ Тристрамѣ Шанди, вставать изъ-за стола и выносить комара за окно, съ чувствительнымъ замѣчаніемъ, что обоимъ просторно на свѣтѣ.

Вы спросите, къ чему это пошлое примѣненіе? Къ тому чтобъ доказать не менѣе пошлую истину, что чистый умъ и чистая добродѣтель не существуютъ.

Не смотря на то, въ прежнія времена жили люди, которыхъ разсужденія походили на образъ мыслей 20-ти лѣтняго студента, только лишь окончив-

шаго курсъ академическій. Въ его юной головѣ заранѣе разрѣшены всѣ задачи, и весь родъ человѣческой распрѣдѣленъ на сыновъ тьмы и сыновъ свѣта, ангеловъ и демоновъ, геніевъ и глупцовъ. — Но это были времена фанатизма и гоненій.

Вольтеръ не любилъ математики утверждая, что она обыкновенно оставляетъ умъ на той самой высотѣ гдѣ застала его. Не углублявшись въ науку, онъ не могъ оцѣнить ея высшіе результаты. Но то справедливо, что нынѣшній способъ судить о вещахъ посредствомъ цифръ, и примѣнять такъ называемую политическую ариметику къ философскимъ и нравственнымъ наукамъ, кажется намъ счастливымъ изобрѣтеніемъ, и между тѣмъ только повторствуетъ лѣни, врожденной уму человѣческому. Число на первый взглядъ кажется простѣе вещи: предметъ требуетъ осмотра со многихъ сторонъ, а цифра безъ хлопотъ остается въ головѣ и не мѣшаетъ переходить далѣе. При нынѣшнемъ удобствѣ быть начитанцымъ, мнѣ случалось видѣть людей одаренныхъ счастливою памятью; благодаря статистическимъ таблицамъ, они наизусть перескажутъ вамъ народонаселеніе государствъ, ихъ долги и доходы, квадратъ почвы, длину рѣкъ, площадь морей, — и при всемъ этомъ не имѣютъ ни о чемъ зрѣлаго понятія, — а какъ примутся судить о политикѣ, хоть вонъ бѣги. Нѣтъ ничего обманчивѣе ариметическихъ выводовъ. Одна, сначала незамѣтная, погрѣшность въ основаніи — даетъ всѣмъ заключеніямъ ошибочную постройку. Примѣръ тому Дюпеневы сравни-

тельные таблицы образованности разныхъ департаментовъ Франціи; вы ищете въ нихъ, гдѣ люди образованнѣе, а находите гдѣ больше мальчиковъ и дѣвочекъ ходять читать и писать въ школу. Средство принято за цѣль.

Съ такою же лѣнію большая часть людей слышущихъ зоркими, привыкли судить о степени ума другихъ. Способъ для этаго не трудень. Стоитъ вообразить что умъ есть нѣчто постороннее, влитое въ голову какъ жидкость въ сосудъ; подайте лишь мѣрку, которую бы можно опустить въ мозговую глубину каждаго, и мы опредѣлимъ тотчасъ, на сколько градусовъ у него ума, сколькими линіями онъ умнѣе М, глупѣе N, и такъ далѣе. Это напоминаетъ о заблужденіи медика, который разсѣкши голову трупа, увѣрялъ что можетъ положить палецъ на сѣдалище души человѣческой.

Къ счастью до сихъ поръ не найдено еще такого умственного градусника, да еслибъ и нашли, то онъ не могъ бы повести ни къ какому точному открытію. Умы различаются не столько *величиною* сколько *качествомъ*; и еслибы съ этой точки зрѣнія, былъ досугъ заняться пристальнымъ разборомъ людей населяющихъ землю, мы вѣроятно отыскали бы столько видовъ ума, сколько есть людей на планетѣ; не нашлось бы можетъ быть даже ни одного смертнаго, сколь бы онъ ни слылъ посредственнымъ, котораго умъ, при данныхъ обстоятельствахъ и въ данномъ отношеніи, не могъ бы выдержать

борьбу съ умомъ всякаго другаго. И обратно, земной шаръ не производилъ еще такого генія, которому подѣ часъ, бѣднѣйшій духомъ изъ его ближнихъ не имѣлъ бы права шепнуть на ухо: другъ, ты дѣлаешь глупость.

Кто знаетъ, сколько примѣчательныхъ умовъ жили и умерли неузнаанные, потому что имъ не случилось встрѣтить въ этой жизни сродныхъ себѣ отношеній, и можно ли предвидѣть до какой степени развитія способенъ дойти умъ, на взглядъ самый обыкновенный, когда обстоятельства укажутъ ему именно то направленіе, для котораго онъ созданъ. Мало-ли примѣровъ находимъ въ Исторіи, что человекъ жилъ, жилъ не обращая ни чьего вниманія, когда возникли неожиданныя событія, и онъ вдругъ выросъ великаномъ, къ удивленію современниковъ и потомства. Смиренные, успокойтесь; славные, будьте скромны!

Въ духѣ человѣческомъ двѣ стихіи: умъ и характеръ. Это все знаютъ. Скажу болѣе. Умъ и характеръ связаны цѣпью неразрывною. Одинъ безъ другаго не существуетъ; это одинъ и тотъ же лучъ, который мы аналитическою призмою искусственно разлагаемъ на двѣ краски. Здоровый характеръ объясняется умомъ здравымъ; недостатки ума указываютъ на недостатки въ характерѣ; судить о нихъ отдѣльно — нѣтъ возможности.

Характеръ начинается съ душевнаго чувства и доходить до воли. Но умъ, взятый въ обширномъ

значеніи, не есть ли тоже что сочувствіе, помощію котораго мы переносимся во внѣшніе предметы и усвоаемъ ихъ? Мы ошибаемся говоря: умъ *судитъ*, онъ *угадываетъ*, и сужденіе, силлогизмъ, ничто иное какъ формула для повѣрки приговора, заранѣе нами произнесеннаго. Есть множество людей, которые быстро проникаютъ мысли другихъ, но лишь гораздо позже отдають себѣ отчетъ о томъ въ видѣ сужденія. Самымъ умнымъ человекомъ я назвалъ бы того, кто одаренъ самымъ обширнымъ сочувствіемъ, кто способенъ переноситься и усвоить себѣ наибольшее число душъ, отношеній и предметовъ. Такіе умы рѣдки; блаженные внутреннимъ равновѣсіемъ способностей, они мало оцѣняются толпою; какъ воздухъ, они не замѣтны для глаза, именно по своей прозрачности.

Для толпы осязательнѣе тѣ умы, которые можно назвать *узкими*; слѣпые со многихъ сторонъ, они одарены яснымъ сочувствіемъ къ одному роду предметовъ или къ одному извѣстному порядку отношеній. Особливо важна ихъ роль въ мірѣ практическомъ, ибо они удобнѣе могутъ служить орудіемъ; а мы по врожденному чувству эгоизма, любимъ принимать людей не за цѣль, но за средство къ достиженію данныхъ видовъ. Для умовъ этаго разряда впрочемъ необходимо, чтобы случай опредѣлилъ имъ дѣйствовать въ кругу соотвѣтственномъ роду ихъ дарованій; тогда они счастливы, и снискиваютъ славу. — Игла и долото одинаково полезны; одно вышиваетъ узоры, другое пробиваетъ камень;

но пускай отличное долото попадетъ въ руки швеи; она уступитъ его за безцѣнокъ, и охотнѣе купитъ плохую иглу.

Есть умы движенія, есть умы созерцанія. Первые преобладаютъ въ нашъ вѣкъ: ибо отличительныя его черты суть хлопотливость, почти совершенное отсутствіе созерцательной способности, страсть переходитъ отъ одного мелкаго впечатлѣнія къ другому, ни на чемъ не останавливаясь. Умамъ движенія суждено гремѣть въ міръ, когда воля у нихъ развита въ сильной степени, и когда обстоятельства даютъ ей просторъ. Но умы созерцанія блаженнѣе внутри себя, независимѣе отъ внѣшнихъ обстоятельствъ; сочувствіе и любовь ихъ обширнѣе и глубже. Они и для міра живутъ не даромъ: потомки не произносятъ ихъ имени; но слово въ тишинѣ ими зароненное не умираетъ; оно зрѣетъ переходя изъ одной души въ другую, и потомство, наслаждаясь иногда поздною жатвой, почитаетъ другихъ виновниками блага. Какое дѣло святелю? онъ былъ и безъ того счастливъ.

Хотите видѣть олицетворенное изображеніе того, что я называлъ умомъ движенія? разверните у Лафатера портретъ Юлія Цезаря, впрочемъ идеальный. Взгляните на его орлиный взглядъ, на гордую шею, на черты изрытыя мышцами и страстями.— Хотите-ль видѣть выплощенный духъ созерцанія? поѣзжайте въ Дрезденъ, остановитесь предъ картиною Сикстовой Мадоны, сдружитесь съ чертами од-

ного изъ Херувимовъ, который внизу, облокотясь, глядитъ на Богоматерь и Младенца. Лице его безстрастно и спокойно; но взоры утонули въ созерцаніи красоты и величія; онъ вѣкъ будетъ смотрѣть и вѣкъ не насмотрится, непрерывно находя въ нихъ новые источники наслажденій.

Юноша, чье сердце томится жаждою славы, и желало бы купить ее хоть мученіями! ты ихъ не испыталъ и потому цѣна тебѣ кажется дешевою. Но когдабъ ты лишь подумалъ, какъ часто извѣстность достается въ удѣлъ умственной неправильности!—люди скорѣе удивляются уродливому нежели прекрасному; умы привлекающіе рукоплесканія толпы, обыкновенно богаты по одной части, страдающая нищетою по многимъ другимъ, и тѣмъ тяжель чувствуя свою неполноту, чѣмъ болѣе близки къ истинному превосходству. Тебя плѣняетъ гора, высотой изумляющая путника за нѣсколько сотъ верстъ. Но подойди ближе: едва проходимыя болота отдѣлили ея подошву отъ земли обитаемой, грудь изрыта нагими развалинами скалъ, чело подернуто тучами, и вѣчные снѣга легли на темя, за то что лучъ денницы озаряетъ его ранѣе дольнихъ равнинъ, богатыхъ плодородіемъ.

Мнѣ особенно нравится у Омсепатовъ то, что они рѣшились уничтожить отвлеченныя названія болѣзней и хотятъ имѣть дѣло съ одними *симптомами*, признаками. Какая нужда ломать голову надъ тѣмъ, чахотка ли у моего знакомаго, или ане-

вризмъ, или желчное разстройство. Спросите чѣмъ онъ жалуется: одышкою, колотьемъ въ правомъ боку, или онѣмѣніемъ въ лѣвомъ ухѣ; по этому пропишуть билліонную долю порошка № 3, 4 или 10, и кончено. Я не вхожу въ медицинскія распри, но полагаю, что судя о недостаткахъ умственныхъ, благоразумно было бы поступать омеопатически. Я не понимаю, когда вы говорите: такой-то глупъ или уменъ, добръ или золъ; скажите просто: онъ сего дня поступилъ умно, нелѣпо, благородно или низко. Это для меня ясно. Кто знаетъ, можетъ бытъ самый тотъ человѣкъ поступить завтра совсѣмъ иначе. Не даромъ Испанцы, говоря о личномъ мужествѣ, употребляютъ выраженіе: я былъ храбръ *въ такой-то день*.

Таковы обыкновенно сужденія свѣтскихъ людей, такова сушая практическая мудрость. Отрекшись произносить общее мнѣніе о достоинствахъ, они сего дня рады дружитья съ тѣмъ, для кого вчера смирительный или желтый домъ казался имъ приличною квартирою. Въ этомъ еще нѣтъ ничего противнаго; я первый готовъ идти въ свѣтскіе люди на такомъ условіи. Противна неискренность, когда съ видомъ величайшаго простодушія выдаютъ недостойный, либо весьма обыкновенный поступокъ, за подвигъ добродѣтели — или пожимая плечами, будто мимоходомъ, издѣваются надъ чертою заслуживающей уваженія. Но и въ этомъ случаѣ, рѣже виновато сердце, нежели разсудокъ, гдѣ *приличіе* заглушило понятіе о долгѣ. Вотъ корен-

ной, неизцѣлимый порокъ свѣтской жизни; будемъ снисходительны; даже изъ него могло бы происходить хорошее.

Люди дѣловыя, т. е. посвятившіе себя какой нибудь особой отрасли умственныхъ занятій, показываются въ свѣтъ лишь ненарокомъ, для отдохновенія; но вообще они не уважаютъ свѣта и питаютъ глубокое презрѣніе къ его записнымъ гражданамъ, называя ихъ просто тунеядцами. Посмотримъ же на чемъ основано это обвиненіе? отвѣчаютъ: свѣтскій человекъ не способенъ ни глубоко мыслить, ни глубоко чувствовать; для него главная наука—чужія отношенія, главный законъ нравственный — приличія, главная цѣль жизни — нравиться. Но скажите по совѣсти, эти три задачи въ самомъ ли дѣлѣ такъ пусты какъ вамъ кажется? Начиная съ науки, о чемъ думалъ Пифагоръ, когда называлъ науку наукою, любомудріе — познаніемъ числъ? что же есть число, какъ не самое общее выраженіе отношенія? Умъ, который бы могъ объять взаимныя отношенія всѣхъ существующихъ предметовъ, былъ бы умъ не только универсальный, но божественный. Обратимся къ частнымъ вѣтвямъ познанія; наприкладъ: къ чему клонятся вычисленія астронома? къ тому чтобы найти отношенія земли къ солнцу, солнца къ планетамъ, планетъ къ неподвижнымъ звѣздамъ, и такъ до безконечности. Изслѣдованія математика не имѣютъ ли цѣлю найти общій способъ открывать отношенія между всѣми возможными величинами, во всѣхъ возможныхъ видахъ? Въ

чемъ заключается вся наука права, если не въ точномъ опредѣленіи правъ и обязанностей, или другими словами отношеній, какіе должны бы существовать между людьми? Далѣе, человекъ не есть ли для насъ самое занимательное явленіе въ природѣ? слѣдственно познаніе отношеній, не въ теоріи, и на самомъ дѣлѣ существующихъ между нашими ближними, достойно быть однимъ изъ важнѣйшихъ занятій ума истинно мыслящаго.

Вы негодуете на *приличія*. Но скажите, гдѣ первый источникъ добродѣтели? не въ томъ-ли внутреннемъ чувствѣ, помощію котораго мы различаемъ то, что должно, прилично дѣлать, отъ того что не прилично. Не даромъ одинъ изъ семи мудрецовъ, на вопросъ: что есть доброе? отвѣчалъ: *пристойное*. Въ этомъ значеніи понятіе о приличіи выше понятія о пользѣ, выше и общѣе какого бы то ни было теоретическаго опредѣленія добра. — Когда люди приносятъ святую обязанность въ жертву пустому приличію, они виноваты единственно въ томъ, что принимаютъ муху за слона, и разучились постигать истинную важность пристойнаго.

Далѣе, вы не хотите простить людямъ, за чѣмъ они желаютъ нравиться, и въ исполненіи этой цѣли ставятъ свое главное благополучіе. Но назовите мнѣ для земнаго бытія цѣль выше, чище и полнѣе той, что бы оставлять по себѣ пріятное впечатлѣніе при жизни, добрую память по смерти? Желаніе доброй славы, откуда происходятъ всѣ благіе

подвиги, въ обширномъ смыслѣ не тождественно ли желанію нравиться? Это самый простой ключъ къ достиженію счастья и для отдѣльнаго человѣка, и для всего челоѳчества. Къ этому счастью, согласитесь, должны клониться окончательно всѣ ваши изысканія и открытія въ наукахъ, художествахъ, устройствѣ гражданскомъ. Слѣдственно васъ мудрѣе, кто избралъ къ нему практическій путь, не проходя сквозь трупы и мытарства, какими вы гордитесь и считаете себя превосходяще его.

Да! свѣтская жизнь, жизнь утѣхъ и любезности общественной — вотъ окончательная цѣль челоѳчества. Она необходимо образуется во всякомъ государствѣ, гдѣ порядокъ, просвѣщеніе и народное богатство создали сословіе, которое можетъ жить исключительно для того чтобъ жить, не преслѣдуя никакой побочной цѣли.

Тоже было въ древнихъ государствахъ, тоже сбывается и нынѣ, только съ тою разницею, что на развитіе нашей свѣтской жизни имѣли сильное вліяніе женщины. Ихъ облагородила Христіанская вѣра. Онѣ въ среднихъ вѣкахъ создали рыцарство, вѣжливость, бытъ семейный, три явленія, о которыхъ древніе почти не имѣли понятія; не во гнѣвъ господамъ политикамъ, онѣ продолжаютъ и доннынѣ дѣйствовать сильно на насъ и на ходъ нашего образованія. По этой причинѣ, характеръ его женоподобенъ во многихъ отношеніяхъ. Это не похвала, и не порицаніе, но суцая истина. Возьмите съ одной

стороны современную вѣтренность, словоохотливость, любовь къ переменамъ, господство моды, мелочное любопытство, мелкую, но замысловатую наблюдательность — съ другой, отсутствіе фанатизма, упорныхъ страстей и крайностей какъ въ убѣжденіяхъ, такъ и во внѣшнихъ условіяхъ житейскаго быта, нѣжность, здравый смыслъ повсюду преобладающій, не смотря на раздоръ нелѣпыхъ мнѣній и криковъ: — все это не есть ли плодъ женскаго владычества и примѣра? Женщина по своей природѣ, существо ^{нѣ}умѣренное, врагъ фанатизму и всякой крайности. Всмотритесь въ нее — вы удивитесь, какимъ чуткимъ наблюденіемъ одарила ее природа, какъ будто въ оборону безсилію и зависимости ея пола; какъ легко она способна предаваться сильнымъ ощущеніямъ и мгновенно покидать ихъ, возстановляя гармонію души самимъ непостоянствомъ ея движеній. Мужчина или чуждъ страстей, или становится ихъ игралищемъ. Женщина предается страстямъ и *или шутитъ*. Ея удѣлъ — счастливая середина. Можно сказать почти утвердительно, что если только женщина не испорчена воспитаніемъ, она способна предаваться вихрю веселій, волненіямъ самолюбія, тщеславія, даже любви, и между тѣмъ не забывать священныхъ обязанностей очага семейнаго. Мы возражать примѣромъ женщинъ, которыя въ пылу страсти или фанатизма, забывали все на свѣтѣ, и становились неистовѣе всякаго мужчины. Но для этаго нужно стеченіе обстоятельствъ, которыя въ книгахъ встрѣчаются несравненно чаще нежели въ жизни; и въ такомъ случаѣ, страсть неистовствуетъ

въ женщинѣ по тому же закону противорѣчія, по которому я никому въ мірѣ не совѣтую раздражать человека тихаго отъ природы: его бѣшенство во сто разъ опаснѣе, неумолимѣе гнѣва души пылкой. Не скоро нагрѣешь металлъ; но растопи его въ горнилѣ, и попробуй дотронуться.

Ужели же обвиненія дѣловыхъ людей противъ свѣтскихъ совсѣмъ неосновательны? нѣтъ; но этому вина не свѣтъ, а общество и время, среди котораго онъ существуетъ. Жизнь, заключенная въ кругу любезности, развлеченій, приличій и домашнихъ отрадъ была бы верхомъ счастья и мудрости, въ ея мирной непорочности и всеобщаго благоденствія. Теперь она видитъ себя потерянною въ толпѣ людей трудящихся, недовольныхъ, презирающихъ настоящее въ слѣпомъ ожиданіи чѣго-то грядущаго. Притомъ, свѣтскіе люди рѣдко бываютъ тверды въ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Они же на бѣду живутъ послѣ эпохи шума, великихъ злодѣяній и громкой славы. Все это, я согласенъ, болѣе относится до западной Европы; но у насъ на Руси своя бѣда. Наши щеголи съ молодыхъ лѣтъ читались всякихъ книгъ и записокъ объ ужасахъ и громѣ Французской революціи; голова ихъ разгорячилась какъ восбращеніе ребенка, который боится привидѣній, потому что няня настраивала его сказками и былями. Этого мало; воздвоенные на полу-иностранномъ языкѣ, они не умѣютъ, но хотѣли бы сродниться съ величавою жизнью и спокойнымъ развитіемъ Русскаго народа, который ото-всюду

вкругъ нихъ растеть и процвѣтаетъ.—Въ виду такихъ странностей, они сами не вѣрятъ ненарушимости своего бездѣйствія, дивятся своему ничтожеству. Имъ хотѣлось бы доказать: что и мы-де не праздны, и у насъ-де есть свои хлопоты; прославиться какимъ нибудь дѣломъ, или хотъ пошалить бурною страстью. Женщины съ своимъ живымъ воображенемъ и безотчетною охотою къ новизнѣ, ободряютъ это стремленіе. Отъ того въ стаканѣ воды поднимаются бури. Свѣтскій человѣкъ перестаетъ быть истинно безпечнымъ; онъ видитъ въ свѣтской жизни не цѣль, а средства; гоняется за почестями, идолопоклонствуетъ сильнымъ, мечтаетъ о власти и величіи. Разсудокъ его принимаетъ лживый оборотъ; умъ замѣняется смѣшнымъ подражаніемъ или еще болѣе смѣшною страстію оригинальничать. За недостаткомъ сильныхъ движеній, онъ надѣваетъ маску ироніи, записывается въ брюзги, и радъ бы издѣваться изъ-подъ тишка надо всѣмъ, что самъ невольно признаетъ святымъ и ненарушимымъ. Онъ чувствуетъ себя какъ бы не на мѣстѣ, ищетъ и не умѣетъ пристроиться.

Или, другое средство сдѣлаться примѣчательнымъ: притязанія на ученость. Теперь уже прошелъ золотой вѣкъ отцевъ нашихъ, когда свѣтскій юноша безпечно доживалъ до 40 лѣтъ, не зная и не думая ни о чемъ, кромѣ баловъ, гуляній и поздравленій по праздникамъ. Есть еще такіе, но они по ошибкѣ запоздали родиться пол-столѣтіемъ. Въ наше время, благодаря журналамъ, ученымъ словарямъ и сбор-

никамъ, свѣтскій юноша отчаянно начитанъ. Онъ въ начитанности уступаетъ развѣ только литератору, о которомъ будетъ рѣчь послѣ. А ученому куда съ нимъ тягаться? Этотъ несчастный потѣль десяти лѣтъ, издавъ книгу о какомъ нибудь важномъ открытіи въ наукахъ, и воображаетъ удивить вселенную. Жалкое заблужденіе. Свѣтскій юноша получаетъ не только Библіотеку для чтенія, но Французскія, даже Англійскія Обозрѣнія; не прошло мѣсяца, онъ знаетъ содержаніе книги лучше сочинителя; мало;—можетъ вычислить какія въ ней недостатки, кто прежде занимался уже этимъ предметомъ, какихъ еще открытій должно ожидать по этой части. Ученый въ карманъ за справкою. Куда ему? Свѣтскій юноша наизусть помнитъ всѣ цитаты, часто даже на тѣхъ языкахъ, которымъ никогда не учился. Особенно забавное впечатлѣніе оставила подобная встрѣча въ умѣ одного добродушнаго, добросовѣтнаго профессора въ Германіи. Онъ сперва безмолствовалъ, благоговѣя въ изумленіи предъ необъятной воспримчивостію Русскаго народа, и лишь долго потомъ, подводя справки, говорилъ съ видомъ трогательнаго недовѣрія къ самому себѣ: «мнѣ кажется, между нами, молодой вашъ соотечественникъ *немножко поверхностенъ.*»

Неодолимымъ побужденіемъ играть во что бы ни стало дѣятельную роль, и занимать степень въ общественной іерархіи, объясняется еще одно любопытное явленіе: страсть свѣтскихъ людей идти въ дипломаты. Избравъ это поприще службы, удобно,

по Французской пословицѣ, «соединять выгоду порока съ заслугою доблести». Посвящая ему себя, они не покидаютъ ни прежней безнечности, ни кочевой жизни; напротивъ могутъ предаваться той и другой свободно, съ благороднымъ самосознаніемъ, что жертвуютъ собою для блага согражданъ.

Начиная говорить о дипломатахъ, надо подробнѣе сказать о примѣчательной чертѣ, отличающей отъ нихъ свѣтскаго человѣка; впрочемъ онъ недавно вздумалъ ее себѣ присвоить; я разумѣю—манію народности. Признаюсь, я всегда плохо понималъ: что такое—*стремиться* къ народности? стремиться мы можемъ лишь къ тому, чего не имѣемъ. Ты ищешь—слѣдственно утратилъ. —У свѣтскихъ людей, народность недавно стала на ряду съ непреложными требованіями моды: они почитаютъ ее почти столь же необходимою какъ башмаки для того, кто ѣдетъ на званый вечеръ. Изъ этого не слѣдуетъ, что-бы они болѣе прежняго читали по Русски, меньше употребляли въ разговорѣ галлицизмовъ, меньше любили Англійскій сплинъ и заморское шарлатанство всякаго рода. За то ужь непременно у нихъ предюжій кучеръ съ огромною рыжею бородою; они отъявленные заступники зимнихъ катаній на горахъ; хоть лопни — подавай имъ лотерейный билетъ общества поощренія художествъ, и подписку на акціи для застрахованія жизни. Дипломатъ свободенъ всѣхъ этихъ слабостей; онъ по ремеслу и по душѣ—гражданинъ міра; притязанія на народность ему безпокойны, и онъ на вѣкъ съ ними простился.

За симъ исключеніемъ, дипломатъ и свѣтскій человекъ, какъ близнецы походятъ другъ на друга. Въ самомъ дѣлѣ, если они не близнецы, то по крайней мѣрѣ современники. Правда, опытные дипломаты выводятъ свое родоначаліе отъ первыхъ вѣковъ міра, увѣряя будто праотець Авраамъ имѣлъ уже политическія сношенія съ Мельхиседекомъ, а Дидона очень искусно вела негоціацію, когда подъ будущій Карфагенъ выговарила пространство земли съ воловью кожу. Но дипломаты, имѣющіе право на такую родословную, принадлежатъ къ скучному разряду людей *дѣловыхъ*: а мы занимаемся свѣтскими людьми, превращенными въ дипломатовъ; сіи послѣдніе рѣшительно возникли въ новѣйшія времена, когда свѣтская жизнь нашла столько приверженцевъ, что принуждены были записать ее въ государственную службу. Дипломатъ въ этомъ смыслѣ, и свѣтскій человекъ—близнецы. Однако между ними существуютъ многія тонкія различія.

Во-первыхъ дипломатъ гораздо добродѣтельнѣе и чистосердечнѣе; не смѣйтесь, говорю безъ всякихъ шутокъ; именцо: добродѣтельнѣе и чистосердечнѣе.

Свѣтскій человекъ, мы уже сказали, стыдится своей праздности; чувствуетъ ничтожность своихъ занятій; совѣсть его неспокойна. А совѣсть дипломата чиста какъ хрусталь. Свѣтскія приличія, отношенія и праздники, все это для него имѣетъ официальную важность; все приведено въ систему а ргіогі, которой онъ слѣдуетъ съ благоговѣнною точностію.

Надо-ли на балъ? свѣтскій человѣкъ сердится и зѣваетъ; дипломатъ по часовой стрѣлкѣ садится въ карету, и ѣдетъ въ пріятномъ убѣжденіи, что его присутствіе будетъ новая заслуга предъ отечествомъ, исполненіе священнаго долга. Попалъ ли вельможа въ явную немилость? — свѣтскій человѣкъ не знаетъ какъ бы отвертѣться благовидно; дипломатъ у вельможи былъ весьма коротокъ; онъ спокойно шлетъ ему визитную карточку, и за тѣмъ, по долгу службы, забываетъ о его существованіи.

Свѣтскій человѣкъ страхъ какъ желалъ бы прослыть дѣловымъ; дипломатъ напротивъ, ищетъ казаться вертопрахомъ; онъ до того привыкъ порхать отъ дѣла къ бездѣлю, путать то и другое, что уже и самъ сбился между ними въ расчетъ. Вы полагаете онъ влюбленъ въ красавицу у которой сидитъ всякій вечеръ въ театральной ложѣ? ни чуть: она родственница дипломата другой державы, находящейся именно теперь въ тѣсной связи съ его дворомъ; надѣвая шаль на плеча красавицы, онъ оказываетъ важнѣйшую государственную услугу; а влюбиться? унаси Боже! это моглобъ нарушить политическое равновѣсіе.

Онъ начитанъ какъ и все наше просвѣщенное поколѣніе; однако не въ такой степени какъ свѣтскій человѣкъ; за недосугомъ и важными дѣлами, онъ позволяетъ себѣ не читать ни новыхъ книгъ, ни даже рецензій; а отвлеченныхъ сочиненій рѣшительно не терпитъ; за то газетныя новости извѣстны ему

первому по долгу службы; онъ особенно щеголяетъ точностію своихъ свѣдѣній въ географіи; по пальцамъ вычислить во сколько часовъ курьеръ можетъ прискакать изъ одной Европейской столицы въ другую, гдѣ лучшія почтовыя дороги, и особенно гдѣ самыя покойныя гостиницы. Сверхъ того Готскій календарь у него почти цѣликомъ въ головѣ, и денежный курсъ на главныхъ биржахъ извѣстенъ ему до подноготной. Онъ изрѣдка любитъ сорить деньгами, но вообще нельзя упрекнуть его въ презрѣніи къ благороднымъ металламъ. Дипломатъ питаетъ сердечную нѣжность къ торговымъ людямъ и ему все кажется, будто они ему съ родни. Слова: богатый и почтенный, у него едва ли не синонимы. Деньги—власть: шутить ими не только грѣхъ, важная ошибка.

Ни горькая иронія, ни сплинъ не въ его духѣ. Онъ долговѣченъ на землѣ: ибо ничто не возмущаетъ его тишины внутренней. Довольный своей участью и мѣстомъ, которое заранѣе принадлежитъ ему во всемірной исторіи, онъ одаренъ счастливымъ благоразуміемъ: *il est toujours si raisonnable*; приятно подшучиваетъ, но почти никогда не критикуетъ; ни за что не сердится; спорить развѣ лишь для того, чтобъ имѣть удовольствіе согласиться. Онъ въ душѣ оптимистъ, и вѣритъ фатализму, не въ томъ отвлеченномъ смыслѣ, чтобы міръ шель по какимъ-то вѣчнымъ уставамъ Провидѣнія, которымъ воля человѣческая безъ сознанія покорствуется; нѣтъ—фатализму случая: да и какъ не вѣрить? онъ насмотрѣлся перемѣнъ вдоволь, видѣлъ какъ отъ ма-

лыхъ причинъ родятся великія событія, отъ нелѣпыхъ дѣйствій благоразумныя послѣдствія. Онъ — опытный философъ.

Люблю дипломата за то, что онъ не жертвуетъ несносной въ наше подражательное время страсти оригинальничать. Онъ хотѣлъ бы походить на всѣхъ какъ Голландскіе червонцы похожи между собою. Увѣрьте его, что пригожая женщина, имѣющая въ столицѣ всѣ ума и любезности, выдавала его при какомъ нибудь важномъ посѣтителѣ за челоуѣка съ мнѣніями самостоятельными, или, Боже сохрани, странными. Съ нимъ сдѣлается дурно; онъ почтетъ ее врагомъ своимъ, подумаетъ что она просто желаетъ его гибели; онъ готовъ требовать суда для оправданія въ клеветѣ, и божиться что ни одно изъ его мнѣній не ново, что оно гораздо прежде сказано было такимъ-то, именно при томъ случаѣ, и т. д.

Теперь же попросите ту же самую женщину молвить при большомъ кругѣ гостей сидящему близко ея молодому, свѣтскому литератору: *vos idées sont toujours si excentriques*. Эти слова произведутъ волшебное дѣйствіе; рука его безопасно заблудится въ густые локоны; онъ томно начнетъ оправдываться. «Ни сколько, мои сужденія могутъ казаться странными; я привыкъ выражать ихъ рѣзко, но честное слово, я убѣжденъ въ ихъ истинѣ; я нахожу ихъ совсѣмъ обыкновенными» Между тѣмъ румянецъ самодовольствія измѣнилъ ему; онъ счастливъ на цѣлый день.

Свѣтскій юноша — волонтеръ по части оригинальности, для моднаго литератора она — хлѣбъ насущный. Не думайте чтобъ онъ бросалъ ее на встрѣчу всякому, это дюжинно, старо; она у него только для избранныхъ. И фракъ его и походка — на послѣдній ладъ; только онъ или всегда носить черное платье, или три жабы на пуговицахъ рубашки, или перстень съ мистическою буквою, или налку съ мертвою головою вмѣсто набалдашника: словомъ, что нибудь да необыкновенное.

Литераторъ начитанъ горше свѣтскаго юноши. Лишь политическія газеты рѣдко достойны его вниманія; развѣ помѣщена въ нихъ рѣчь какого нибудь оратора, съ которымъ онъ исповѣдуетъ духовную симпатію. Онъ имѣетъ сильныя притязанія на ученость и знакомъ съ учеными, хотя самъ про себя почитаетъ ихъ жалкими, прозаическими труженниками. Впрочемъ его познанія ограничены свѣтскимъ обиходомъ; но кромѣ литературной прозы и поэзіи, гдѣ онъ присвоилъ себѣ право рѣшать безъ апелляціи, онъ изъ оригинальности занимается еще какою нибудь любимою отраслю свѣденій. Такъ молодой купецъ, кромѣ главнаго торга, изъ охоты любитъ промышлять собаками, картинами или другою мелочною статьею. Эта отрасль свѣденій, какъ любимый пудель, остается въ милости у литератора годъ, много уже два, — и потомъ уступаетъ мѣсто другой; геральдику замѣняютъ химія и сельское хозяйство, далѣе приходитъ чередъ исторіи художествъ, потомъ кабалистика, наконецъ металлургія. Течерь

онъ обрабатываетъ въ одно время двѣ части: черепословіе и науку о насѣкомыхъ. На его письменномъ налоѣ скалится зубы черепъ расчерченный по Галлевой системѣ; а на стѣнахъ кабинета прищиплены жуки, бабочки и другіе мученики неутомимаго любознанія.

Въ нашемъ отечественномъ литераторѣ похвально по крайней мѣрѣ то, что онъ вовсе не пишетъ. Въ первой молодости онъ сдѣлался извѣстенъ двумя, тремя журнальными статьями; ихъ довольно для потомства; на этомъ капиталѣ онъ бережливо живетъ нѣсколько лѣтъ; спросить, для чего онъ пересталъ писать, осмѣлится развѣ лишь новичекъ, невѣжа: ибо всѣ пріятели нашего литератора знаютъ положительно, что у него подъ спудомъ готовится огромное сочиненіе, долженствующее упрочить его безсмертіе.

Похвально, повторяю, что нашъ литераторъ вовсе не пишетъ. Взгляните на его собратій во Франціи, которая со всякою почтою даритъ насъ фабричными произведеніями словесности. Тамъ одинъ подслушаетъ анекдотъ или прочтетъ отрывокъ въ старинной лѣтописи, и бухъ посредственною повѣстью или романомъ. Двое другихъ изъ этой повѣсти скроютъ посредственную драму; четвертый на эту драму напишетъ плохую статейку; иногда, чего добраго, пятый и на эту статейку напишетъ замѣчанія. Читающая публика находитъ, что все это умно, все занимательно; я вижу только разливъ словъ, и

засуху мыслей. — Помилуйте, отвѣчаютъ, за что же вы сердитесь? вѣдь это разговоръ перешелъ въ литературу подъ видомъ газетъ и журналовъ: о чемъ прежде говорили, то нынѣ пишутъ и печатаютъ. — Тѣмъ хуже: разговоръ слово живое, печатная страница — мертвое. Въ разговоръ человекъ говоритъ мнѣ не однимъ языкомъ, но чертами лица, тѣлодвиженіями. Ему труднѣе обмануть меня, нежели сочинителю журнальной страницы, которую я едва имѣю время просмотрѣть, ибо замѣтьте—отъ чрезмѣрнаго чтенія мы почти разучились читать; мы только *просматриваемъ*.

Замѣтьте еще другое досадное послѣдованіе: По мѣрѣ того какъ журналистика и мелкая литература живятся на счетъ разговора, самъ разговоръ становится тощѣе и безцвѣтнѣе. Мы почти утратили способность *бесѣдовать*, т. е. говорить изъ одного удовольствія мѣняться другъ съ другомъ минутными впечатлѣніями, чувствованіями, мыслями. Эта первобытная поэзія разговора можетъ быть еще сохранилась только въ обращеніи съ женщинами: но и тутъ, куда какъ рѣдко она свободна отъ жеманства. Между мужчинами обмѣнъ словъ обходится простѣе; за то въ немъ есть что-то купеческое. Они либо толкуютъ о какомъ нибудь частномъ дѣлѣ, и выпытавъ взаимныя мысли сколько нужно, молчатъ—или болтаютъ о такихъ пустякахъ, которые забыты едва сказаны. У обоихъ душа остается праздною—отъ того и скука на которую повсемѣстно жалуется въ нашихъ обществахъ. Я не

знаю на нихъ лучшей карикатуры какъ *раутъ* въ новомъ Англійскомъ вкусѣ. — Что такое раутъ? это не пляска, гдѣ мы любимся стройными тѣлодвиженіями; не драматическое зрѣлище, гдѣ поэтъ намъ открываетъ тайны судьбы или сердца; не дружеская бесѣда; это даже не праздникъ, а хлопотливое биржевое сборище; туда толпа людей сбѣгается развѣдать текущія новости, посмотрѣть чей курсъ поднялся или понизился въ общественномъ балансѣ, и всѣ уходятъ столь же мало знакомые другъ съ другомъ, какъ вошли. Раутъ въ наше время необходимъ; на него часъ отъ часу болѣе сбиваются всѣ многолюдныя собранія; онъ вмѣстѣ и зеркало и плодъ современной свѣтскости.

Мы во многомъ опередили древнихъ Грековъ и Римлянъ. Но у нихъ было одно важное преимущество: они меньше насъ читали, и болѣе учились отъ изустнаго сообщенія. Не въ этомъ ли одна изъ главныхъ причинъ, почему древніе писатели дивятъ насъ той первородною силою, той дѣвственной простотою и прелестью выраженія, которыя навѣкъ останутся образцовыми?

Положимъ, посреди насъ явился бы новый Анахарсисъ, всемірный путешественникъ, умный сынъ природы. Начни мы увѣрять его, что по нашему, мудрѣйшій изъ смертныхъ, кто на своемъ вѣку перелисталъ наиболѣе лоскутьевъ стараго тряпья, называемаго бумагою, измаранныхъ чернилами. Онъ подумаетъ что это насмѣшка, и вспомнить объ Ин-

дѣйскомъ браминѣ, который просидѣлъ всю жизнь, не спуская глазъ съ своего мизинца, и прослылъ за то мудрецомъ, богоугодникомъ.

Менѣе всѣхъ загромождена чтеніемъ голова военнаго; онъ въ свѣтѣ залетный гость, и не ищетъ блистать умомъ. Женщины почитаютъ его необразованнымъ, но съ природною вѣрностію чувства, которою правильность разсудка у нихъ замѣняется, невольно его любятъ. И какъ не любить? онъ веселъ, онъ красивъ, ему въ государствѣ необходимо предназначена роль замѣтная. Онъ всѣхъ радушнѣе наслаждается свѣтскою жизнью: ибо видитъ въ ней то, чѣмъ она должна быть — средство провести время, и пользоваться юностію, безъ всякой побочной цѣли.

Между извѣстнымъ классомъ людей нашего поколѣнія существуетъ предразсудокъ, что военное ремесло убиваетъ умъ, отучаетъ мыслить. Они увѣрили самихъ себя, будто главный предметъ жизни военнаго—тѣлесныя упражненія. Положимъ на минуту, что это справедливо. Вспомните, господа мыслители, не вашъ ли праотецъ Платонъ утверждалъ, что благое воспитаніе не полно безъ *музыки* и *гимнастики*, взятыхъ въ обширномъ смыслѣ? Въ здоровомъ тѣлѣ здоровая душа—вотъ золотая истина. Многихъ душевныхъ недуговъ не зналъ бы нашъ вѣкъ, когда бы меньше нерадѣли о воспитаніи тѣла.

Благоговѣніе къ фактамъ, сказали мы сначала; а въ наше время несомнѣнный фактъ — вліяніе ис-

куствъ дипломатическаго и военнаго въ быту гражданскомъ. Я не знаю болѣе общаго опредѣленія для Европы, какъ назвать ее военно-дипломатическою частию свѣта. Она только и дѣлаетъ, что воюетъ да торгуется. Между сими двумя господствующими стихіями, перевѣсъ на сторонѣ дипломатической, Богъ вѣсть ко благу-ли человечества. Мы Русскіе видимъ ее лишь издалека, въ сношеніяхъ внѣшнихъ и частию въ торговль. Но въ западной Европѣ она впилаь во всѣ дѣла и отношенія внутреннія. Тамъ госуларства перестали быть дружными семействами. Управленіе въ рукахъ партій, которыя безъ отдыха борются, торгуются, ведутъ между собою негоціаціи. Всѣ лавируютъ, никто нейдетъ прямо къ добру и правдѣ. Прислушайтесь къ словамъ депутата, когда онъ горько нападаетъ на распоряженія министровъ. Вы думаете, онъ вѣритъ своимъ возраженіямъ? Ни сколько; да и слушатели это хорошо знаютъ. Будь завтра въ министерствѣ онъ или его пріятели, они распорядятся точно также, и тотъ самый ораторъ еще съ большимъ краснорѣчіемъ станетъ защищать то, противъ чего вчера вооружался.

Всѣ знаютъ, какой одинъ изъ главныхъ признаковъ дипломатическаго способа дѣйствія. Онъ занимаетъ средину между торговлею и обыкновеннымъ свѣтскимъ обращеніемъ. На заданный вопросъ никогда не отвѣчаютъ безусловно, а съ извѣстными ограниченіями, уступками, оговорками, въ пользу противной стороны. Чрезъ это и умъ, разсуждая съ

самимъ собой, отвѣкаетъ смотрѣть смѣло въ глаза истинѣ. *Да и нѣтъ* теряютъ мѣсто въ его словарѣ. *Если бы, кажется, можетъ быть, нѣкоторымъ образомъ, до известной степени*—тъма глубокомысленныхъ словъ такого рода встрѣчаются на каждомъ шагу, и часто стоятъ рядомъ съ выраженіями совсѣмъ противной силы. Напримѣръ: «замѣчаніе вашего пріятеля *нѣкоторымъ образомъ* вполне основательно; — *нѣтъ сомнѣнія*, вашъ братецъ *кажется* поступилъ очень благородно;—*я твердо увѣренъ* что онъ *можетъ быть* выиграетъ свою тяжбу;— — вы назвали эту краску бѣлою? я рѣшительно съ вами согласенъ, *особливо если* она не сѣрая и не подходитъ къ черной» и проч. и проч. Хотите ли учиться строгости, отчетливости сужденія? найдите въ эту школу. За то вы переймете въ ней три безцѣнныхъ урока: наблюдательность, безпристрастіе и терпимость. Вы увидите какъ разсудокъ, это существо, по вашему мнѣнію непреклонное, гнется и рабоблѣпствуетъ въ виду страстей и выгодъ; какъ онъ ловко и простодушно подбираетъ неоспоримые доводы въ ихъ пользу; наконецъ какъ мало истинъ, безусловно истинныхъ, не допускающихъ никакаго возраженія. Вы на опытѣ ознакомитесь съ умомъ и сердцемъ человѣческимъ, и убѣдитесь что они всегда неразлучно дѣйствуютъ.

Странно: военный бытъ, съ перваго взгляда противоположенный совершенно дипломатическому, ведетъ къ сходнымъ результатамъ, преподаетъ почти тѣ же уроки. Дипломатъ намекаетъ, внушаетъ

уговариваетъ, крадется на цыпочкахъ какъ будто по стекламъ. Военный умѣетъ лишь повиноваться, и приказывать: онъ не въ правѣ даже судить о препятствіяхъ. Что же сходнаго въ сихъ двухъ рѣзко-противныхъ способахъ дѣйствія? То, что оба совершаются гораздо менѣе доказательствами разсудка, нежели вліяніемъ нравственнымъ. Завладѣйте лишь сердцемъ челоуѣка, и его голова принадлежитъ вамъ. Офицеръ не достоинъ эполетъ своихъ, если не имѣетъ нравственнаго вліянія надъ рядовыми. Уважайте его, хоть бы онъ и не учился книжной діалектикѣ.

Въ нашемъ отечествѣ военное поприще представляетъ еще одну огромную, доселѣ не довольно цѣнимую выгоду. Оно дополняетъ полу-русское наше воспитаніе. Оно ставитъ юношу, получившаго школьную образованность, въ прямое, личное соприкосновеніе съ коренною массою народа, на которой зиждется сила и величіе Россіи, съ тою массою народа, которой иноземное вліяніе доселѣ коснулось лишь въ матеріальномъ отношеніи. Среди ея свято уцѣлѣли еще старинная вѣра, простой Русскій умъ, можетъ быть еще не развитый до степени *образа мыслей*, но искренно, почти слѣпо исповѣдующій *родное чувство*. Военный изъ опыта знакомится съ чувствами, побужденіями, нуждами обширнаго семейства соотчичей. Такъ объясняется почему многіе люди, отъ воинскихъ занятій вдругъ призываемые къ гражданскимъ, обнаруживаютъ практическую сноровку и смѣтливость, иногда превосходную бумажнаго навыка.

Не пеняйте же на юношей, зачѣмъ они любятъ начинать службу по военной и дипломатической части. Человѣкъ всегда рабъ своего ремесла. Эти два рода занятій, подобно какъ и всѣ другіе, кладутъ свое клеймо на людей посвятившихъ имъ лучшія лѣта жизни, слѣдственно порождаютъ и недостатки неизбѣжныя; но драгоценны какъ средство воспитанія: ибо знакомятъ коротко съ людьми и людскимъ бытомъ.

Еще недавно Русскій юноша, одаренный способностями, могъ въ столицѣ пройти курсъ академической, въ той же столицѣ записаться въ канцелярскую службу, сочинялъ бумаги, отличался между сверстниками, достигалъ степеней важныхъ, и умиралъ, зная людей и дѣла лишь на письмѣ и по наслышкѣ отъ знакомыхъ, большею частію заключенныхъ въ томъ же ошибочномъ кругу.

Это было великое зло. Есть превосходные умы, удачно развившіеся не смотря на такой образъ жизни; но ихъ не много. Подумаемъ о большинствѣ: оно состоитъ изъ умовъ посредственныхъ, и къ числу ихъ сочинитель этой статьи охотно себя относитъ.

Т. КОСМОКРАТОВЪ.

Май 1837.

САМОУБИЙЦА

Онъ смертию смерть предупредилъ,
Земля добычу приютила,
Но не въ семьѣ родныхъ могилъ
Его чернѣется могила.
Я видѣлъ блѣдный трупъ въ углу,
Оцѣпенѣла длань съ кинжаломъ,
И кровь багровымъ покрываломъ
Запечатлѣлась на полу.
Самоубійцы ликъ кровавый
Какъ Божій гнѣвъ былъ страшенъ мнѣ,
Такъ воинъ сдавшійся безъ славы
Презрѣнъ въ родимой сторонѣ.
Не отпѣвали трупъ опальный,
Но робко въ полночь унесли,
И съ укоризной крестъ печальный
Стоитъ надъ насыпью земли.

Д. Струйскій.

СЦЕНЫ ИЗЪ ТРАГЕДІИ:
«**КНЯЗЬЯ ШУЙСКІЕ**»*».

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Палата въ Кремлевскомъ дворцѣ.)

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Постельничій (старикъ). Прокопій Петровичъ Ляпуновъ въ дорожномъ платьѣ, входитъ.

У т р о.

Л я п у н о в ъ.

Изволиль-ли проснуться Государь?

П о с т е л ь н и ч і й.

Давнымъ давно. Всталъ нынѣ до заутренъ,

Затеплилъ самъ лампаду, безъ меня.

Предъ образомъ Николы Чудотворца

Молился цѣлый часъ, колѣна преклоня,

Позвалъ меня: «врача!» — я кликнулъ Нѣмца.

* Эта трагедія уже кончена и скоро поступить въ печать.

О здравьи долго съ нимъ державный совѣщаль.
 Съ нимъ перелистываль тѣ кожаныя книги,
 Что я видалъ въ рукахъ мошенника Разстриги,
 Какъ онъ съ Басмановымъ надъ ними колдовалъ.
 Вотъ Нѣмецъ началъ съ нимъ ученую бесѣду.
 И Царь возвысилъ гласъ, руками разводилъ;
 Какъ вкопанный стоялъ я у поставца,
 Дыханія не смѣлъ въ груди перевести,
 Заслушался Царя, какъ пѣнья райской птицы,
 Куда какъ онъ рѣчь и судить мудрено!
 Хоть Русскимъ языкомъ бесѣдовалъ онъ съ Нѣмцемъ,
 Ни слова я, вотъ Богъ, не разумѣлъ;
 Не диво, Государь туманъ бросаетъ въ очи,
 Не даромъ, колдуномъ въ народѣ онъ слыветъ.

Л я п у н о в ъ .

Стыдись старикъ, ты мелешь сущій бредъ. —
 Нашъ Государь смышленѣ насъ грѣшныхъ,
 Рѣчь свѣтлая темна, для темнаго ума. —
 Не доросли съ тобой мы до его науки.
 Чѣмъ разглашать въ народѣ пустяки
 Совѣтоваль бы взять Евангеліе въ руки,
 Примѣръ должны давать народу старики,
 Какъ нѣкогда святыя Патріархи.
 Въ Законѣ Божіемъ они растили чадъ,
 Не затемняли умъ нелѣпымъ суевѣрьемъ.

Насъ опытъ убѣдилъ сколь гибельно оно:
 Вѣдь суевѣръ блуждаетъ вѣчно въ мракъ,
 Какъ ощупью слѣпецъ, а пламенный и ножъ
 Въ рукахъ его вреднѣй чѣмъ у слѣпаго...

Постельничій.

Какъ рѣчь его, кажись, ни безтолкова,
 А все таки она меня бросаетъ въ дрожь.

(Уходя)

Пойду и доложу—прямой Оома невѣрный.

Ляпуновъ (одинъ.)

Не трудно колдуномъ прослыть между невѣждъ.
 Вотъ, Государь, тебѣ неправая награда
 За всѣ твои тяжелые труды.
 Въ тѣ ночи долгія, когда бывало ты
 За книгой бодрствовалъ за тусклою лампадой,
 Очей своихъ державныхъ не жалѣлъ,
 Законы Русскіе прилежно изучая,
 Прозванія волхва ты ждалъ ли отъ невѣждъ?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Царь Василій Іоан. Шуйскій и Ляпуновъ.

Ляпуновъ.

Не прогнѣвись, Державный, что тревожу
 Твой краткій сонъ.

Ц А Р Ъ.

Не л л вельль моимъ гонцамъ
 Не знать ко мнѣ ни на-волосъ пощады?
 Гдѣ бь ни былъ я, среди-ль семьи родной,
 Иль на пиру, иль на одрѣ болѣзни,
 Зови, хотя бы я стоялъ у алтаря. —
 Могу-ль безпечнымъ быть и нѣжиться въ покоѣ,
 Когда взываетъ къ намъ отечество святое.

(Садится)

Охъ, ноша тяжела на плечахъ у Царя.
 Не зависти достоинъ Царь—участья.
 Высокъ!—мы издали его привыкли видѣть,
 А издали все гладко для очей....
 Какую вѣсть принесть?

Л я п у н о в ъ.

Побѣду надъ врагами. ■

Ц А Р Ъ (крестится.)

Хваленъе Господу! Здоровъ ли Михайль?

Л я п у н о в ъ.

Онъ побѣдилъ Лисовскаго Сапѣгу,
 Тѣлами Польскими онъ Жабну заплотилъ.
 Онъ грудью отстоялъ Макарія обитель.

Въ Колязинѣ теперь раскинулъ стань,
Ждетъ свѣжихъ ратниковъ себѣ изъ Ярославъ,
Изъ Костромы, изъ всѣхъ низовыхъ городовъ.
И воиновъ своихъ снарядомъ огнестрѣльнымъ
Онъ учитъ управлять на Европейскій ладъ.

Ц А Р Ъ.

Благодарю его—мой онъ понялъ чувства:
Что храбрость намъ безъ ратнаго искусства?

Л я п у н о в ъ.

Какъ порохъ безъ ружья.

Ц А Р Ъ.

Насъ будутъ Шведы бить,
Поляки раздирать Россію не престанутъ,
Доколѣ мы народность сохраняя,
Къ Россіи не привьемъ плодовъ ихъ просвѣщенья.
Удаченъ ли сей опытъ?

Л я п у н о в ъ.

Восхищенья

Не могъ я скрыть, увидя въ первый разъ
Дружину подъ ружьемъ идущую въ порядкѣ.
Подъ музыку ступали ровно въ шагъ,
Какъ будто слитые въ одну прямую стѣну

Со всей святой Руси притекшіе сыны.
 Забыто было все и споры и раздоры
 О старшинствѣ и чинѣ городовъ.
 Рязанцы объ руку стояли съ Москвичами,
 Тверитянинъ съ Владимірцемъ, Пермь
 Въ строю стоялъ превъше Новгородца.

Ц А Р Ъ *(съ удовольствіемъ слушавшій.)*

Но кто же учитъ ихъ? ужель племянникъ?

Л я п у н о в ъ.

НѢТЬ.

Къ нему изъ дружбы воевода Зоме.

Ц А Р Ъ.

Знакомо имя мнѣ, такъ, точно Зоме.....
 Онъ защищалъ Кольмаръ въ послѣднюю войну
 Межъ Польшею и Швеціей—такъ точно—
 Онъ сдалъ Кольмаръ Полякамъ...

(Ляпуновъ киваетъ головой.)

Ц А Р Ъ *(грозно.)*

Онъ измѣнникъ!

Пятно на немъ постыдное лежитъ,
 Какъ можетъ ладить съ нимъ племянникъ?

Л я п у н о в ъ.

Не дивися ,

Вѣдь отъ него перенимаетъ онъ
Дружиной управлять и посылать къ побѣдамъ.

Ц А Р Ъ *(мрачно.)*

Лишь бы не перенялъ какъ измѣнять Царю.

Л Я П У Н О В Ъ.

Господь съ тобой! Когда бы вѣдалъ ты, Державный,
Какъ вѣренъ князь тебѣ и Руси православной.
Всѣмъ долгу жертвуетъ, какъ истый гражданинъ,
Цвѣтущей юностью, и златомъ, и покоемъ:
День цѣлый носится предъ строями дружинъ,
Въ вечерній часъ читаетъ предъ наложемъ
Святую Библию,—гостинецъ царскій твой.
Ты помнишь, отсылавъ для договора къ Шведамъ,
Ты повелѣлъ ему Писаніе читать
И пренія еретиковъ не слушать.
Донынѣ онъ блюдетъ твои слова.
Какъ голубь чистъ душою правовѣрной,
И навожденіямъ не вѣритъ Лютеранъ.

Ц А Р Ъ.

Надежный тотъ слуга, кто вѣренъ православыю.

(Посль нѣкотораго молчанія.)

Онъ къ ратникамъ своимъ, я знаю строгъ, суровъ,
Казнить виновниковъ и часто безъ пощады.

Какъ могъ въ дружинахъ онъ порядокъ соблюсти,
Одною строгостью!

Л я п у н о в ъ.

Строжайшимъ правосудьемъ

Онъ привязалъ себѣ всѣ Русскія сердца;
Любовію къ нему, какъ бы волшебной цѣпью
Дружины связаны въ единое. Не долгъ
И не одна приверженность къ отчизнѣ
Мчитъ Русскаго въ огонь, на вражье копіе,
Но и любовь къ вождю правдивому, благому,
Достойному пособнику царя.
Когда бъ послушалъ ты хвалы, благодаренья,
Младому Скопину. Вся Русская земля
Взираетъ на него, какъ на свѣтило жизни,
На Ангела слетѣвшаго съ небесъ.
Не слышишь ты въ Кремль своемъ високомъ,
Какъ славить и тебя вся Русская земля,
Какъ чествуетъ тебя за выборъ воеводы,
Не знаешь ты, какъ любо всѣмъ сердцамъ,
Что постоянно ты своей щедротой царской
Достойнаго вождя изволишь отличать
И по всему судя, надѣяться мы правы,
Что прочишь ты его въ преемники державы.

Ц А Р Ъ.

Какъ, Скопина? Возможно ли, а братъ
Димитрій, обойду ли я роднаго брата! —
Старѣйшій онъ.

Л Я П У Н О В Ъ.

Когда-бъ онъ былъ твой сынъ,
Не заикнулся-бъ я,—но ты бездѣтенъ.
Власть царская наследника избрать.
Твой братъ старѣйшій, такъ! не въ бородѣ заслуга,
А въ разумъ и сердце — не взыщи,
Что слово вырвалось, — вѣдь я не царедворецъ,
И лгать царямъ, я воинъ, не привыкъ.

Ц А Р Ъ.

Милѣй мнѣ война безхитростный языкъ,
Чѣмъ сладкій ядъ придворныхъ краснобаевъ,
Будь откровененъ, мы съ тобой на единѣ.
Одинъ Господь бесѣду нашу слышитъ.

(Придвигаясь ко Ляпунову)

А знаетъ ли Скопинъ желаніе сіе,
Надѣется-ль достигъ вѣнца?

(Смотритъ на него пристально).

Л Я П У Н О В Ъ.

Онъ знать - то знаетъ,
Да слушать-то не хочетъ, — онъ въ тебѣ
Родителя, Царя и друга уважаетъ
И любитъ пламенно всей чистою душой.

Ц А Р Ъ *(отодвигаясь)*.

Вънца достоинъ онъ за разумъ и смиренье.
 Другой давно воспользовался-бъ тѣмъ
 Въ годину черную гражданскаго волненья,
 Когда вожди себѣ не ставятъ въ стыдъ
 Играть присягою на вѣрность государю.
 Когда же думаетъ онъ выступить въ походъ?

Л Я П У Н О В Ъ.

Вотъ здѣсь онъ начертилъ весь ходъ военныхъ дѣй-
 ствій.

(Вынимаетъ изъ за-пазухи бумаги.)

Онъ царской милости велѣлъ мнѣ доложить,
 Лишь съ государева рѣшится одобренья
 Послѣдовать ему.

Ц А Р Ъ

Подай сюда... *(читаетъ и об-
 думываетъ)*.

Освободить Переяславль Залѣскій
 И въ Александровской сосредоточить рать —
 Оттуда Поляковъ набѣгами тревожить, —
 Бить по частямъ, ослабить тѣмъ врага,
 Сапѣгу подстеречь, напасть въ распахъ, отрѣзать
 Въ селѣ Коринскомъ, — сжечь его — люблю за то!
 Обдумалъ дѣло онъ — подай мнѣ этотъ свитокъ.

(Ляпуновъ подаетъ. Царь развертываетъ первую карту Россіи при Годуновъ составленную)

Вотъ здѣсь Москва, а вотъ Переяславль —
Съ широкимъ озеромъ, вотъ слобода.— Не вижу
Села Коринскаго — Бояринъ, помоги *(ищетъ)*.

Л я п у н о в ъ *(смотритъ на карту)*.

Въ глазахъ рябитъ, не вижу я ни зги,
Какія вычурны! насилу разбираю... *(ищетъ)*.
Москву нашель, здѣсь быть родному краю,
Рязань, Рязань, ты здѣсь моя краса.
Вотъ синей лентою здѣсь вьется полоса,
То быть Окѣ. — Ахъ, государь, впервые
Я хартію Борисову узрѣлъ.
Похваль наслушался въ Рязани ей довольно,
А видѣть не видалъ.— *(Любуется, разсматриваетъ
съ удовольствіемъ невѣжды)*.

Ц а р ь *(смотря на него, съ удовольствіемъ)*.

Утѣшься царь Борисъ,
Возрадуйся въ твоёмъ опальномъ гробѣ.
Какъ за грѣхи тебя народъ твой ни клянетъ,
Великодушію не измѣняетъ Русскій.
Онъ съ честію твои заслуги признаетъ,
Изображеніе твоей страны родныя,
Сей первый плодъ высокаго ума,

Пребудеть памятникъ твоей заботы о Россіи.
 И въ лучшій вѣкъ, когда невѣдѣнія тьма,
 Какъ утренній туманъ по солнечномъ восходѣ
 Подыметса съ твоихъ родныхъ полей,
 Средь просвѣтителей отечества царей
 Ты возсіяешь вновь и не умрешь въ народѣ!

Ляпуновъ (*глядя на карту*).

Налюбоваться я картиной не могу,
 Какъ широко раскинулась отчизна,
 Какъ на востокъ она всей грудью налегла.

(*Показывая на Балтійское и Черное моря*).

Лишь моря нѣтъ у насъ.—Привольно сине море.
 Отъ Нѣмцевъ къ намъ заѣзжихъ я слыхаль,
 Что небо и вода слились тамъ въ сводъ лазурный,
 И ростомъ съ гору тамъ девятый ходитъ валъ;
 Какъ разыграется въ часы погоды бурной,
 Что Волга въ ярости, что Ладога предъ нимъ,
 Чу — море какъ стекло — а волны искрометны
 И чуды стаями разгуливають тамъ.
 Китъ воеводой тамъ, а рыбы тамъ несмѣтны,
 Вѣдь нашъ осетръ не диво морякамъ
 Лишь неводъ опусти, не вытянешь—утонеть....

(*въ восторгъ*)

Ахъ, Государь, намъ море завоюй.

ЦАРЬ (*откладываетъ къ сторону
планъ Скопина*).

Эй голова, меня ты право озадачилъ.

Сижу я въ заперти, не сладилъ съ Ляхомъ я,
А по тебѣ — я завоюю Европу! (*Хохочетъ*).

Л Я П У Н О В Ъ.

Вотъ, вотъ начертано — Европа! — вотъ она!

Вотъ неуклюжія, щедушныя землицы.

Что пользы въ нихъ! нѣтъ, намъ не надо ихъ!

Стволомъ владѣемъ мы — не надо тощихъ сучьевъ.

ЦАРЬ.

Каѣмъ стволомъ?

Л Я П У Н О В Ъ.

Вотъ видишь-ли, Державный,

Ты поверни лишь хартію вотъ такъ,

Не древо-ли вѣтвистое Европа?

Святая Русь не есть ли стволь ея?

Не вѣтви-ли его всѣ эти государства,

Не всѣ-ль они на стволь широкій оперлись,

Не онъ ли ихъ невидимо питаетъ?

Лишь подсѣки ты стволь и древо упадетъ. —

Я человекъ простой, неграмотной, но смѣю

Вслухъ произнести мое сужденье при Царѣ:

Для цѣли высшія назначена Россія.

Подпорой царствъ Господь ее избралъ,

И рано-ль, поздно-ль — мы не доживемъ години —

На дѣль соудется, что Вышній завѣщаль —

ЦАРЬ (*всплеснувъ руками*).

Спасибо, угодилъ ты мнѣ, Прокопъ Петровичъ,
Таланта за тобой я рѣдкаго не зналъ,
Да ты рѣчишь, какъ витія духовный
И сѣмль въ сравненіяхъ, — какъ дивный златоустъ;
По сердцу мнѣ твоя благая притча.
Тщеславыю Русскаго она невольно льститъ.

(*Торжественное молчаніе.*)

Поддерживать должны народную мы гордость,
Величья Государствъ зародышъ въ ней сокрытъ.
Коль благородную въ себѣ увѣренность питаемъ
И вѣру теплую въ Создателя хранимъ,
Мы въ буряхъ жизни сей въ конецъ не погибнемъ;
Какъ мѣсяцъ въ облакъ исчезнувъ, возблестимъ.
Иди, Господь съ тобой, ты сослужилъ мнѣ службу.
Для новаго пути оправься, отдохни.
Отъ царской трапезы тебѣ сошлю я блюдо...
Спасибо за твою къ племяннику любовь;
Онъ Шуйскій какъ и мы, ты любишь нашу кровь.
За вѣсти добрыя пребудемъ благосклонны, —
Что до преемника, ты выкинь изъ ума.
Судить, рядить не намъ, гдѣ править Божья воля.

(*Ляпуновъ уходитъ.*)

П. Овдовскій

ИМЯ МИЛОЕ РОССИИ.

У подножія Балкана,
На побѣдныхъ берегахъ,
Имя милое Россіи
Часто на моихъ устахъ.

Часто вырваршисъ изъ града,
Всадникъ странный и нѣмой,
Я въ раздумьѣ ѣду, ѣду
Долго всё на сѣверъ мой.

Часто, родина святая,
За тебя молюсь во снѣ;
Даже въ образахъ чужбины
Вѣрный ликъ твой свѣтитъ мнѣ.

Слышу-ль моря плескъ и грохотъ
Я сочувственно горжусь,
Мысля: такъ гремитъ и плещетъ
Вновь прославленная Русь!

Вижу-ль минаретъ всходящій
Бѣлый, стройный въ облака,
Я взываю: наша слава
Такъ бѣла и высока!

И объятый гордой думой
Я не помню сердца ранъ:
Имя милое Россіи
Мнѣ отъ скорби талисманъ.

В. Тушляскій.

1830
Бургасъ.

ЛѢТОПИСЬ

СЕЛА ГОРОХИНА.

Званіе литератора всегда казалось для меня самымъ завиднымъ. Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по старинному, никогда ничего не читывали, и во всемъ домѣ кромѣ азбуки, купленной для меня, календарей и Новѣйшаго Письмовника, никакихъ книгъ не находилось. Чтеніе Письмовника долго было любимымъ моимъ упражненіемъ. Я зналъ его наизусть, и не смотря на то, каждый день находилъ въ немъ новыя, незамѣченныя красоты. Послѣ генерала Н. Н., у котораго батюшка былъ некогда адъютантомъ, Кургановъ казался мнѣ величайшимъ человекомъ. Я спрашивалъ о немъ у всѣхъ, и къ сожалѣнію никто не могъ удовлетворить моему любопытству, никто не зналъ его лично; на всѣ мои вопросы отвѣчали только, что Кургановъ сочинилъ Новѣйшій Письмовникъ; но это твердо зналъ я и прежде. Мракъ неизвѣстности окружалъ его какъ нѣкоего древняго полу-бога; иногда я даже сомнѣвался въ истинѣ

его существованія. Имя его казалось мнѣ вымышленнымъ, и преданіе о немъ пустою мифою, ожидавшею изысканій новаго Нибура. Однако же онъ все преслѣдовалъ мое воображеніе; я старался придать какой нибудь образъ сему таинственному лицу, и наконецъ рѣшилъ, что долженъ онъ былъ походить на Земскаго Засѣдателя Корючкина, маленькаго старичка, съ краснымъ носомъ и сверкающими глазами.

Въ 1812 году повезли меня въ Москву, и отдали въ пансіонъ Карла Ивановича Мейера, гдѣ пробылъ я не болѣе трехъ мѣсяцевъ; ибо насъ разпустили передъ вступленіемъ непріятеля. Я возвратился въ деревню..... (*)

Сія эпоха жизни моей столь для меня важна, что я намѣренъ о ней распространиться, заранѣе прося извиненія у благосклоннаго читателя, если во зло употребляю снисходительное его вниманіе.

День былъ осенній и пасмурный; — прибывъ на станцію, съ которой должно было мнѣ своротить на Горохино (такъ называлась наша деревня), нанялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочною дорогою. Хотя я нрава отъ природы тихаго, но нетерпѣніе увидѣть вновь мѣста, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно овладѣло мной, что я поминутно погонялъ моего ямщика, то обѣщая ему на водку, то угрожая побоями; и какъ удобнѣе было мнѣ толкать его въ спину, нежели вынимать и развя-

(*) Здѣсь въ рукописи недостаетъ нѣсколькихъ листовъ, не найденныхъ въ бумагахъ покойнаго, а можетъ быть еще и не написанныхъ!—*Ред.*

зывать кошелекъ, то признаюсь раза три и ударилъ его, что отъ роду со мною не случилось, ибо сословіе ямщиковъ, не знаю почему, для меня въ особенности любезно. Ямщикъ погонялъ свою тройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ, все таки затягивалъ гужи. — Наконецъ я завидѣлъ Горохинскую рощу, и черезъ 10 минутъ въѣхалъ на барскій дворъ; сердце мое сильно билось; я смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ необыкновеннымъ; восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Березки, которыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ, — теперь обращенъ былъ въ некошенный лугъ, на которомъ паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у передняго крыльца. Человѣкъ пошелъ отворить двери, но они были заколочены, хотя ставни открыты и домъ казался обитаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ пріѣхалъ, она снова побѣжала въ избу и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ тронутъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя лица и дружески со всѣми ими цѣлуясь: мои потѣшныя мальчишки были ужъ мужиками, а дѣвчонки нѣкогда сидѣвшія на полу для посылковъ, замужними бабами. Женщинамъ говорилъ я безъ церемоніи: «какъ ты постарѣла.» — И мнѣ отвѣчали съ чувствомъ: «какъ вы-то, батюшка, подурнѣли!» Повели меня на

заднее крыльцо, на встрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ какъ многострадательнаго Одиссея. Побѣжали топигъ баню. Поваръ, давно въ бездѣйствіи отростившій себѣ бороду, вызвался приготовить мнѣ обѣдъ, или ужинъ — ибо уже смеркалось. Тотчасъ очистили мнѣ комнаты, въ коихъ жила кормилица съ двѣ-вухами покойной матушки. Такъ очутился я въ смиренной отеческой обители, и заснулъ въ той самой комнатѣ, въ которой за двадцать три года тому родился.

Около трехъ недѣль прошло для меня въ хлопотахъ всякаго рода: я возился съ Засѣдателями, Предводителями и всевозможными губернскими чиновниками. Наконецъ принялъ я наследство и былъ введенъ во владѣніе вотчиной. — Я успокоился, но скоро скука бездѣйствія стала меня мучить. Я не былъ еще знакомъ съ добрымъ и почтеннымъ сосѣдомъ моимъ * *. Занятія хозяйственныя были вовсе для меня чужды. Разговоры кормилицы моей, произведенной мною въ ключницы и управительницы, состояли щетомъ изъ пятнадцати домашнихъ анекдотовъ, весьма для меня любопытныхъ, но рассказываемыхъ ею всегда одинаково, такъ, что она сдѣлалась для меня другимъ *Новѣйшимъ Письмовникомъ*, въ которомъ я зналъ на какой страницѣ, какую найду строчку. Настоящій же заслуженный письмовникъ былъ мною найденъ въ кладовой, между всякой рухлядью, въ жалкомъ состояніи. Я вынесъ его на свѣтъ и принялся было за него, но Кургановъ потерялъ для

меня прежнюю свою прелесть; я прочелъ его еще разъ и больше уже не открывалъ.

Въ сей крайности пришло мнѣ на мысль: не попробовать ли самому чтонибудь сочинить? Благо-склонный читатель знаетъ уже, что воспитанъ я былъ на мѣдныя деньги.

Къ тому же быть сочинителемъ казалось мнѣ такъ мудрено, такъ недосягаемо, что мысль взяться за перо сначала испугала меня. Смѣлъ-ли я надѣяться попасть когданибудь въ чило Писателей, когда уже пламенное желаніе мое встрѣтиться съ однимъ изъ нихъ никогда не было исполнено? Но это напоминаетъ мнѣ случай, который намѣренъ я рассказать въ доказательство всегдашней страсти моей къ отечественной словесности.

Въ 1820 году, еще юнкеромъ, случилось мнѣ быть по казенной надобности въ Ц. б.; я прожилъ въ немъ недѣлю, и не смотря на то, что не было у меня здѣсь ни одного знакомаго человѣка, провелъ время чрезвычайно весело; каждый день тихонько ходилъ я въ театръ въ галерею 4-го яруса. Всѣхъ актеровъ узналъ по имени, и страстно влюбился въ * * игравшую съ большимъ искусствомъ въ одно воскресенье роль Эйлалін, въ драмѣ: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*. Утромъ, возвращаясь изъ Главнаго Штаба, заходилъ я обыкновенно въ низенькую конфетную лавку, и за чашкой шоколаду читалъ Литературные журналы. Однажды

сидѣлъ я углубленный въ критическую статью *Благонимъреннаго*; вдругъ нѣкто въ гороховой шинель ко мнѣ подошелъ и изъ-подъ моей книжки, тихонько потянулъ листокъ Гамбургской газеты; я былъ такъ занятъ, что не поднялъ и глазъ. Незнакомый спросилъ себѣ бифтексу и съѣлъ передомною; я все читалъ не обращая на него вниманія; онъ между тѣмъ позавтракалъ, сердито побранилъ мальчика за неисправность, выпилъ пол-бутылки вина и вышелъ. Двое молодыхъ людей тутъ же завтракали. «Знаешь-ли кто это былъ» сказалъ одинъ другому — «это В, сочинитель.» — Сочинитель, воскликнулъ я невольно — и оставя журналъ не дочитаннымъ и чашку не допитую, побѣжалъ расплачиваться, и не дождавшись сдачи, выбѣжалъ на улицу. Смотря во все стороны увидѣлъ я издали гороховую шинель, и пустился по Невскому проспекту — только что не бѣгомъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, чувствую вдругъ, что меня останавливаютъ; оглядываюсь, гвардейскій офицеръ замѣтилъ мнѣ: что - де мнѣ слѣдовало не толкнуть его на тротуаръ, но скорѣе остановиться и вытянуться. Послѣ сего выговора, я сталъ осторожнѣе; на бѣду мою поминутно встрѣчались мнѣ офицеры, я поминутно останавливался, а сочинитель все уходилъ отъ меня впередъ. Отъ роду моя солдатская шинель не была мнѣ столь тягостною, отъ роду эполеты не казались мнѣ столь завидными; наконецъ у самаго Аничкина моста догналъ я гороховую шинель: «позвольте спросить,» сказалъ я приставя ко лбу руку, «вы г. В., коего прекрасныя статьи имѣлъ я счастье

читать въ Соревнователь Просвѣщенія? Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, я не сочинитель, астряпчій; но В мнѣ очень знакомъ, четверть часа тому, я встрѣтилъ его у Полицейскаго мосту. Такимъ образомъ уваженіе мое къ Русской литературѣ стоило мнѣ 30 копѣекъ потерянной сдачи, выговора по службѣ и чуть чуть не ареста—и все даромъ.

Не смотря на всѣ возраженія моего разсудка, дерзкая мысль едѣлаться писателемъ поминутно приходила мнѣ въ голову. Наконецъ, не будучи болѣе въ состояніи противиться влеченію природы, я сшилъ себѣ толстую тетрадь и рѣшился съ твердымъ намѣреніемъ наполнить ее чѣмъ бы то ни было. Всѣ роды Поэзіи (ибо о смиренной прозѣ я еще и не помышлялъ), были мною разобраны, оцѣнены, и я непремѣнно рѣшился на эпическую поэму, почерпнутую изъ отечественной Исторіи. Не долго искалъ я себѣ героя — выбралъ Рюрика — и принялся за работу.

Къ стихамъ пріобрелъ я нѣкоторый навыкъ, переписывая тетрадки ходившія по рукамъ между нашими офицерами, именно: *критику на Московскій бульваръ, на Прѣсенскіе пруды, опаснаго сосѣда* и т. д. Не смотря на то поэма моя подвигалась медленно, и я бросилъ ее на третьемъ стихѣ. Я думалъ что эпическій родъ не мой родъ и началъ трагедію: Рюрикъ. Трагедія не пошла. Я попробовалъ обратиться въ балладу — но и баллада какъ-то мнѣ не давалась. Наконецъ вдохновеніе озарило меня, я

началь и благополучно окончилъ: надпись къ портрету Рюрика.

Не смотря на то, что надпись моя была не во все недостойна вниманія, особенно какъ первое произведеніе молодаго стихотворца, однакожь я почувствовалъ, что не рожденъ поэтомъ, и довольствовался симъ первымъ опытомъ. Творческія мои попытки, такъ привязали меня къ литературнымъ занятіямъ, что я уже не могъ разстаться съ тетрадью и чернильницей. Я хотѣлъ низойти къ прозѣ. На первый случай не желая заняться предварительнымъ изученіемъ, расположеніемъ плана, скрѣпленіемъ частей и т. п., я вознамѣрился писать отдѣльныя мысли, безъ связи, безъ всякаго порядка, въ томъ видѣ какъ онѣ мнѣ стануть представляться. Къ несчастію, мысли не приходили мнѣ въ голову, и въ цѣлые два дня надумалъ я только слѣдующее замѣчаніе:

«Человѣкъ не повинующійся законамъ разсудка, и привыкшій слѣдовать внушеніямъ страстей, часто заблуждается и подвергаетъ себя позднему раскаянію.»

Мысль конечно справедливая, но уже не новая. Оставя мысли, принялся я за повѣсти, но не умѣя съ непривычки расположить вымышленное произшествіе, я избралъ замѣчательныя анекдоты, нѣкогда мною слышанныя отъ разныхъ особъ, и старался украсить истину живостію разсказа, а иногда и цвѣтами собственнаго воображенія. Составляя сіи повѣсти, мало по маду, образовалъ я свой

слогъ и пріучился выражаться правильно, пріятно, и свободно. Но скоро запасъ мой истощился, и я сталъ опять искать предмета для литературной моей дѣятельности.

Мысль оставить мелочные и сомнительные анекдоты, для повѣствованія истинныхъ и великихъ произшествій, давно тревожила мое воображеніе. Быть судіею, наблюдателемъ и пророкомъ вѣковъ и народовъ, казалось мнѣ высшею степенью, доступной для писателя. Какую исторію могъ я написать съ моею жалкою образованностію? Гдѣ не предупредили меня многоученые, добросовѣстные мужи? Какой родъ исторіи не истощенъ уже ими? Стану-ль писать исторію всемірную — но развѣ не существуетъ уже безсмертный трудъ аббата Милота? Обращусь-ли къ исторіи отечественной—что скажу я послѣ Татищева, Щербатова, Голикова? и мнѣ ли рыгься въ лѣтописяхъ, и добираться до сокровеннаго смысла обвѣтшалаго языка, когда не могъ я выучиться цыфрамъ Славянскимъ? Я подумалъ объ исторіи меньшаго объема, на пр. объ исторіи губернскаго нашего города; но и тутъ сколько препятствій для меня неодолимыхъ! Исторія уѣзднаго нашего города была бы для меня удобнѣе, но она не была занимательна ни для философа, ни для политика, и представляла мало пищи краснорѣчію. Единственное замѣчательное произшествіе сохранившееся въ его лѣтописяхъ,—есть ужасный пожаръ, случившійся десять лѣтъ тому назадъ, истребившій базаръ и присутственныя мѣста.

Нечаянный случай разрѣшилъ мои недоумѣнія. Баба, развѣсивая бѣлье на чердакъ, нашла старую корзину, наполненную щепками, соромъ и книгами. Весь домъ зналъ охоту мою къ чтенію. Ключница моя, въ то самое время, какъ я сидя за моей тетрадью грызъ перо, и думалъ объ опытѣ сельскихъ проповѣдей, съ торжествомъ втащила корзинку въ мою комнату, радостно восклицая: книги! книги!— «Книги!» повторилъ я съ восторгомъ, и бросился къ корзинкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ цѣлую груду книгъ, въ зеленомъ и синемъ бумажномъ переплетѣ. Это было собраніе старыхъ календарей. Сіе открытіе охладило мой восторгъ, но все я былъ радъ нечаянной находкѣ, все же это были книги, и я щедро наградилъ усердіе прачки полтиной серебра.

Оставшись на единѣ, я сталъ разсматривать свои календари, и скоро мое вниманіе было сильно ими привлечено. Они составляли непрерывную цѣпь годовъ отъ 1744 до 1799 т. е. ровно 55 лѣтъ. Синіе листы бумага, обыкновенно вылетаемые въ календари, были всѣ исписаны стариннымъ почеркомъ. Брося взоръ на сіи строки, съ изумленіемъ увидѣлъ я, что они заключали не только замѣчанія о погодѣ и хозяйственные щеты, но также и краткія историческія извѣстія касательно села Горохина. Немедленно занялся я разборомъ сихъ драгоценныхъ записокъ, и вскорѣ нашель что онѣ представляли полную исторію моей вотчины, въ теченіи почти цѣлаго столѣтія, въ самомъ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Сверхъ сего заключали онѣ неисто-

щимъ запасъ экономическихъ, статистическихъ, метеорологическихъ и другихъ ученыхъ наблюдений. Съ тѣхъ поръ изученіе сихъ записокъ, заняло меня исключительно — ибо увидѣлъ я возможность извлечь изъ нихъ повѣствованіе стройное, любопытное и поучительное. Ознакомясь довольно съ драгоценными сими памятниками, я сталъ искать новыхъ источниковъ исторіи села Горохина; и вскорѣ ихъ обиліе изумило меня. Посвятивъ цѣлые шесть мѣсяцовъ на предварительное ихъ изученіе, наконецъ приступилъ я къ давно желаемому труду; съ помощію Божіею совершилъ оный сего Ноября 1827 года. Нынѣ какъ нѣкоторый, мнѣ подобный историкъ, коего имени я не запомню, оконча свой трудный подвигъ, кладу перо, и съ грустію иду въ мой садъ размышлять о томъ, что мною совершено. Кажется и мнѣ, что написавъ исторію Горохина, я уже не нуженъ міру, что долгъ мой исполненъ, и что пора мнѣ опочить.

Здѣсь прилагаю списокъ источниковъ, послужившихъ мнѣ къ составленію исторіи Горохина: 1.) Собраніе старинныхъ календарей 55 частей. Первые 20 частей исписаны стариннымъ почеркомъ съ титлами. Лѣтопись сія сочинена прадѣдомъ моимъ Андреемъ Степановичемъ Бѣлкинымъ; она отличается ясностію и краткостію слога, на примѣръ: 4-го Мая Снѣгъ. Тришка за грубость битъ. 6-го Корова бурая пала. Сенька за пьянство битъ. 8-го Погода ясная. 9-го Дождь и снѣгъ. Тришка за пьянство битъ..... и тому подобное безо всякихъ размышленій. 11-го Погода яс-

ная, пороша; затравилъ трехъ зайцевъ. — Остальныя 35 частей писаны разными почерками, большею частію такъ называемымъ лавочничьимъ, съ титлами и безъ титловъ, вообще плодовиго, несвязно и безъ соблюденія правописанія; кой-гдѣ замѣтна женская рука. Въ сіе отдѣленіе входятъ записки дѣда моего Ивана Андреевича Бѣлкина и бабки моей, а его супруги, Евпраксіи Алексѣевны; также и записки прикащика Горбовицкаго.

II. Лѣтопись Горохинскаго дѣлчка. Сія любопытная рукопись отыскана мною у моего попа, жена таго на дочери лѣтописца. Первые листы были выдраны, и употреблены дѣтьми священника на такъ называемыя змѣи. Одинъ изъ таковыхъ упалъ посреди моего двора; я поднялъ его и хотѣлъ было возвратить дѣтямъ, какъ замѣтилъ, что онъ былъ исписанъ. Съ первыхъ строкъ увидѣлъ я, что змѣй составленъ былъ изъ лѣтописи. Къ счастью, успѣлъ спасти остальное. Лѣтопись сія, пріобрѣтенная мною за четверть овса, отличается: глубокомысліемъ и велерѣчіемъ необыкновеннымъ.

III. Изустныя преданія. Я не пренебрегалъ никакими извѣстіями; но въ особенности обязанъ многимъ Аграѳенѣ Трифоновой, матери Авдея старосты, бывшей, говорятъ, любовницею прикащика Горбовицкаго.

IV. Ревижскія сказки, съ замѣчаніями прежнихъ старость, касательно нравственности и состоянія крестьянъ.

Баснословныя времена — староста Трифонъ.

Основаніе Горохина и первоначальное населеніе онаго, покрыто мракомъ неизвѣстности. Темныя преданія гласятъ, что пѣкогда Горохино было село богатое и обширное, что всѣ жители онаго были зажиточны, что оброкъ собирали единожды въ годъ, и отсылали невѣдомо кому, на нѣсколькихъ возахъ. Въ то время все покупали дешево и дорого продавали. Прикащиковъ не существовало; старосты никого не обижали; обитатели работали мало, а жили припѣваючи, и пастухи стерегли стадо въ сапогахъ. Мы не должны обольщаться сею очаровательною картиною. Мысль о золотомъ вѣкѣ сродна всѣмъ народамъ и доказываетъ только, что люди никогда не довольны настоящимъ и по опыту имѣя мало надежды на будущее, украшаютъ невозвратимое минувшее всѣми цвѣтами своего воображенія. Вотъ что достовѣрно: село Горохино издревле принадлежало знаменитому роду Бѣлкиныхъ. Но предки мои, владѣя многими другими отчинами, не обращали вниманія на сію отдаленную страну. Горохино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народомъ на вѣчь, мірскою сходкою называемой.

Въ теченіи времени родовыя владѣнія Бѣлкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ. Объединившіе внуки богатаго дѣда, не могли отвыкнуть отъ роскошныхъ своихъ привычекъ и требовали прежняго полнаго дохода отъ имѣнія, въ десять кратъ уже

уменьшившагося. Грозныя предписанія слѣдовали одно за другимъ. Староста читалъ ихъ на вѣчь; старшины витѣйствовали; мѣръ волновался—а господа, вмѣсто двойнаго оброка, получали скучныя отговорки и смиренныя жалобы писанныя на засаленной бумагѣ и запечатанныя грошемъ.

Мрачная туча висѣла надъ Горохинымъ—а никто объ ней и не помышлялъ. Въ послѣдній годъ владѣнія Трифона, послѣдняго старосты, народомъ избраннаго, въ самый день храмоваго праздника, когда весь народъ или шумно окружалъ увеселительное зданіе (кабакомъ въ просторѣчи именуемое), или бродилъ по улицамъ, обнявшись между собою и громко воспѣвая пѣсни Архипа Лысаго,—въѣхала въ село ямская крытая бричка, залoженная парюю влячь едва живыхъ: на козлахъ сидѣлъ оборванный жидъ—изъ брички высунулась голова въ картузь и казалось съ любопытствомъ смотрѣла на веселящійся народъ. Жители встрѣтили повозку смѣхомъ и грубыми насмѣшками. (NB. Свернувъ трубкою возкраія одеждъ, безумцы глумились надъ Еврейскимъ возницею и восклицали смѣхотворно: жидъ, жидъ, ѣшь свиное ухо!... *Лѣтопись дѣляка*). Сколь изумились они, когда бричка остановилась посреди села и когда прѣзжій выпрыгнувъ изъ нее, повелительнымъ голосомъ потребовалъ старосту Трифона. Сей сановникъ находился въ увеселительномъ зданіи, откуда двое старшинъ почтительно вывели его подъ руки. Незнакомецъ посмотрѣлъ на него грозно, подалъ ему письмо и велѣлъ читать оное немедлен-

но. Староста былъ неграмотенъ. Послали за Земскимъ Авдѣемъ. Его нашли не подалеку спящаго въ переулкѣ подъ заборомъ и привели къ незнакомцу. Но, или отъ внезапнаго испуга, или отъ горестнаго предчувствія, буквы письма, четко написаннаго, показались ему отуманенными и онъ не былъ въ состояніи ихъ разобрать. Незнакомецъ, старосту Трифона и Земскаго Авдѣя, съ ужаснымъ проклятіемъ отославъ спать, отложилъ чтеніе письма до завтрашняго дня и пошелъ въ приказную избу, куда жидъ понесъ за нимъ его маленькой чемоданъ.

Горохинцы съ изумленіемъ смотрѣли на сіе необыкновенное произшествіе, но вскорѣ брѣчка, жидъ и незнакомецъ были забыты; день кончился шумно и весело—и Горохино заснуло не предвидя что ожидало его...

Съ восходомъ утренняго солнца жители были пробуждены стукомъ въ окошки и призываніемъ на мірскую сходку. Граждане одинъ за другимъ явились на дворъ приказной избы, служившей вѣчевою площадью. Глаза ихъ были мутны и красны; лица опухлыя; они зѣвая и почесываясь смотрѣли на человека въ картузѣ, въ старомъ голубомъ кафтанѣ, важно стоявшаго на крыльцѣ приказной избы—и старались припомнить себѣ черты его, когда-то ими видѣнныя. Староста и Земской Авдѣй стояли подлѣ него безъ шапокъ съ видомъ подобострастія и глубокой горести. «Всѣ ли здѣсь?» спросилъ незнакомецъ.—«Всѣ ли-ста здѣсь?»—повторилъ староста.—«Всѣ-ста,

отвѣчали граждане, а староста объявилъ, что отъ барина получена грамота и приказалъ Земскому прочесть ее во услышаніе міра. Авдѣй выступилъ и громогласно прочелъ слѣдующее: (NB. Сію грозновѣщую грамоту списалъ я у Трифона Старосты; у него же хранилась она въ кивотѣ вмѣстѣ съ другими памятниками владычества его надъ Горохинымъ.)

Трифонъ Ивановъ!

Вручитель письма сего повѣренный мой * * ѣдетъ въ отчину мою село Горохино, для поступленія въ управленіе онаго. Немедленно по его прибытіи собрать мужиковъ и объявить имъ мою барскую волю, а именно: приказаній повѣреннаго моего * * имъ мужикамъ слушаться какъ моихъ собственныхъ, и все чего онъ потребуетъ, исполнять безпрекословно; въ противномъ случаѣ имѣеть онъ * * поступать съ ними со всевозможною строгостію. Къ сему понудило меня ихъ безсовѣстное непослушаніе и твое, Трифонъ Ивановъ, плутовское потворство.

Подписано: N. N.

Тогда * * растопыря ноги на подобіе хера и подбоченясь на подобіе ферта—произнесъ слѣдующую краткую и выразительную рѣчь: «Смотрите-жь, вы у меня, не очень умничайте—вы я знаю, народъ избалованный, да я небось, выбью дурь изъ вашихъ головъ, скорѣе вчерашняго хмѣля.» Хмѣля уже не было ни въ одной головѣ и Горохинцы какъ гро-

момъ пораженные, повѣсили носы и съ ужасомъ разошлись по домамъ.

—

*Правленіе прикащика **.*

* * принявъ бразды правленія онъ потребовалъ описи крестьянъ, раздѣлилъ ихъ на богачей и бѣдныхъ и приступилъ къ исполненію своей политической системы,—она заслуживаетъ особеннаго разсмотрѣнія :

Главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе; чѣмъ бѣднѣе тѣмъ смиреннѣе.—Въ слѣдствіе сего * * старался о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели. 1) Недоимки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостію. 2) Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню; если же по его расчетамъ трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что сіи платили ему добровольную дань; а отдаваемые въ холопство имѣли полное право откупаться, заплатя сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство же было торжествомъ корыстолюбивому правителю; ибо отъ онаго по очереди откупались всѣ богатые мужики, пока наконецъ выборъ не падалъ на негодя или разо-

реннаго. Мірскіе сходки были уничтожены. Оброкъ собиралъ овъ понемногу и круглый годъ сряду. Мужики кажется платили и не слишкомъ болѣе противу прежняго, но никакъ не могли ни наработать, ни накопить достаточно денегъ. Въ три года Горохино совершенно обнищало. Горохино пріуныло, базаръ запуслъ, пѣсни Архипа Лысаго умолкли; ребятишки пошли по міру и день храмоваго праздника сдѣлался по выраженію лѣтописца не днемъ радости и ликованія, но годовщиною печали и поминанія горестнаго.

Донесеніе Горохинскаго старосты.

Посадилъ окаянный прикащикъ Антона Тимофѣева въ желѣзы, а старикъ Тимофеей сына откупилъ за 100 руб., — а прикащикъ заковалъ Петрушку Еремѣева, и того откупилъ отецъ за 68 руб., и хотѣлъ окаянный сковать Леху Тарасова, но тотъ убѣжалъ въ лѣсъ — и прикащикъ о томъ весьма крушился и свирѣпствовалъ во словесахъ — а отвезли въ городъ и отдали въ рекруты Ваньку пьяницу.

Времена историческія.

Страна (Горохинымъ называемая по имени столицы своей, — число жителей простирается до 63 душъ) занимаетъ на земномъ шарѣ болѣе 240 десятинъ. Къ Сѣверу граничитъ она съ деревнями Дерюховымъ и Переуховымъ (когого обитатели бѣд-

ны и малорослы, а владѣльцы преданы воинственному упражненію заячьей охоты). Къ Югу рѣка Сивка отдѣляетъ ее отъ владѣній Карачевскихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ—сосѣдей безпокойныхъ, извѣстныхъ жестокостію нравовъ. Къ Западу облегаютъ его цвѣтуція поля Захарьинскія, благоденствующія подъ властію мудрыхъ и просвѣщенныхъ помѣщиковъ. Къ Востоку примыкаетъ она къ дикимъ необитаемымъ мѣстамъ, къ непроходимому болоту, гдѣ произрастаетъ одна клюква, гдѣ раздается лишь однообразное кваканье лягушекъ и гдѣ суевѣрное преданіе предполагаетъ быть обиталищу нѣкоего бѣса.

НВ. Сіе болото называется *Бѣсовскимъ*. Рассказываютъ, будто одна полу-умная пастушка стерегла стадо свиней не далече отъ сего мѣста. Она сдѣлалась беременною и никакъ не могла удовлетворительно объяснить сего случая; гласъ народный обвинилъ болотнаго бѣса, — но сія сказка не достойна вниманія Историка и послѣ Нибура не простиительно было бы кому ей вѣрить.

Издравле Горохино славилось своимъ плодородіемъ и благораствореннымъ климатомъ. На тучныхъ его нивахъ рожь, овесъ, ячмень и гречиха. Березовая роща и еловой лѣсъ снабжаютъ обитателей деревьями и валежникомъ, на постройку и отопку жилищъ. Нѣтъ недостатка въ орѣхахъ, въ клюквѣ, брусникѣ и черникѣ. Грибы произрастаютъ въ необыкновенномъ количествѣ; изжаренные

въ смѣтанѣ представляютъ пріятную, хотя и нездоровую пищу. Прудъ наполненъ карасями; а въ рѣкѣ Сивкѣ водятся щуки и налимы.

Обитатели Горохина, большею частію росту средняго, сложенія крѣпкаго и мужественнаго; глаза ихъ сѣрые, волосы русые или рыжіе. Женщины отличаются носами поднятыми нѣсколько вверхъ, выпуклыми скулами и дородностію.

НВ. *Баба здоровенная.* Сіе выраженіе встрѣчается часто въ примѣчаніяхъ старосты къ ревижскимъ сказкамъ.

Мужчины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашнѣ), храбры, воинственны. Многіе изъ нихъ ходятъ одни на медвѣдя и славятся въ окологдкѣ кулачными бойцами; всѣ вообще склонны къ чувственному наслажденію пьянства. Женщины, сверхъ домашнихъ работъ, раздѣляютъ съ мужчинами большую часть ихъ трудовъ и не уступятъ имъ въ отважности; рѣдкая изъ нихъ боится старосты. Онѣ столь же цѣломудренны какъ и прелестны; на покушенія дерзновеннаго, отвѣчаютъ сурово и выразительно.

Жители Горохина издавна производятъ обильный торгъ лыками, лукошками и лаптями. Сему способствуетъ рѣка Сивка черезъ которую весною переправляются они на челнокахъ подобно древнимъ Скан-

динавамъ, а прочее время года переходять въ бродъ, предварительно засучивъ нижнее платье до колѣнъ.

Языкъ Горохинскій есть рѣшительно отрасль Славянскаго, но столь же разнится отъ него какъ и Русскій. Онъ исполненъ сокращеніями и усѣченіями — нѣкоторые звуки вовсе въ немъ уничтожены, или замѣнены другими. Однакожь Русскимъ легко понять Горохинца и обратно.

Мужчины женятся обыкновенно на 13 году, на дѣвицахъ 20 лѣтнихъ. Жены били своихъ мужей въ теченіи четырехъ или пяти лѣтъ. Послѣ чего мужья уже начинали бить женъ; и такимъ образомъ оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено.

Обряды похоронъ происходили слѣдующимъ образомъ: въ самый день смѣрти покойника относили на кладбище, дабы мертвый въ избѣ не занималъ напрасно лишняго мѣста. Отъ сего случалось, что къ неописанной радости родственниковъ, мертвецъ чихалъ или зѣвалъ, въ ту самую минуту какъ его выносили въ гробъ за околицу. — Жены оплакивали мужевъ воя и приговаривая: «Свѣтъ, моя удалая головушка! на кого ты меня покинулъ? чѣмъ-то мнѣ тебя поминати?» — При возвращеніи съ кладбища начиналась тризна въ честь покойника; и родственники и друзья бывали пьяны два, три дня, или даже цѣлую недѣлю, смотря по усердію

и привязанности къ его памяти. Сии древніе обряды сохранились и понынѣ.

Одежда Горохинцевъ состояла изъ рубахи, надѣваемой сверхъ нижняго платья, что есть отличительный признакъ ихъ Славянскаго происхожденія. Зимой носили они овчинные тулупы, но болѣе для красы нежели изъ настоящей нужды, ибо тулупъ обыкновенно надѣвали они на одно плечо и сбрасывали при малѣйшемъ трудѣ, требующемъ движенія.

Науки, искусства и поэзія, издревле находились въ Горохинѣ въ довольно цвѣтущемъ состояніи. — Сверхъ священника и церковныхъ причетниковъ всегда водились въ немъ грамотѣи. Лѣтопись упоминаетъ о Земскомъ Терентьи, жившемъ около 1767 года, умѣвшемъ писать не только правою, но и лѣвою рукою. Сей необыкновенный человекъ прославился въ околodкѣ сочиненіемъ всякаго рода писемъ, челобитныхъ, партикулярныхъ паспортовъ и т. п. Неоднократно пострадавъ за свое искусство, услужливость и участіе въ разныхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ, онъ умеръ уже въ глубокой старости, въ то самое время, какъ приучался писать правою ногою; ибо почерки обѣихъ рукъ его, были уже слишкомъ извѣстны. — Онъ играетъ (какъ читатель увидитъ послѣ), важную роль и въ исторіи Горохина.

Музыка была всегда любимое искусство образованныхъ Горохинцевъ; балалайка и вольтка услаж-

дая чувства и сердце, понынѣ раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ ёлкою.

Поэзія нѣкогда процвѣтала въ древнемъ Горохинѣ. Доннынѣ стихотворенія Архипа Лысаго сохранились въ памяти потомства. Приведемъ въ примѣръ сіе сатирическое стихотвореніе:

Ко боярскому двору
 Акимъ староста идетъ,
 Бирки въ пазухъ несетъ,
 Боярину падаетъ;
 А бояринъ смотритъ,
 Ничего не смыслитъ.
 Ахъ ты староста Акимъ
 Обокралъ бояръ кругомъ,
 Село по міру пустилъ,
 Старостиху подарилъ.

Въ нѣжности не уступятъ они эклогамъ извѣстнаго Виргилія; въ красотѣ воображенія, далеко превосходятъ они идилліи г. Сумарокова. И хотя въ щеголеватости и уступаютъ новѣйшимъ произведеніямъ нашихъ музъ, но равняются съ ними затѣйливостію и остроуміемъ.

Образъ правленія въ Горохинѣ нѣсколько разъ измѣнялся. Оно попеременно находилось подъ властію старшинъ, выбранныхъ міромъ; прикащиковъ, назначенныхъ помѣщикомъ и наконецъ непосредственно подъ рукою самихъ помѣщиковъ. Выгоды

и невыгоды сихъ различныхъ образовъ правленія, будутъ развиты мною, въ теченіи моего повѣствованія.

Познакомя такимъ образомъ моего читателя съ этнографическимъ и статистическимъ состояніемъ Горохина и со нравами и обычаями ея обитателей, приступимъ теперь къ самому повѣствованію.

А. Пушкинъ.

МОЛИТВА.

Хочу я молиться; душа моя просить
Бесѣды отрадной съ источникомъ силъ;
Волненіе міра она не выноситъ,
Ей мало куреній обычныхъ кадилъ,
Ей тусклымъ сіаньемъ горятъ наши свѣчи,
Безжизненны наши хвалебныя рѣчи,
И слабъ и незвученъ нашъ клиръ!
О дайте мнѣ волю! гдѣ степи родныя
Слились съ небосклономъ въ безбрежной дали,
Гдѣ чистые своды небесъ, голубые,
Лобзаютъ зеленыя волны земли,
Туда полечу я: въ часъ грозныя бури,
Какъ вѣтеръ взволнуетъ степной океанъ,
И тучи столпятся въ небесной лазури,
Безтрепетно стану на дикій курганъ.
Пусть небо сверкаетъ святыми огнями,

Земля, какъ преступникъ, дрожитъ подъ ногами;
Спокойствіе ляжетъ на душу мою.
И тамъ я внимаю громовъ перекаты,
Святую молитву, Святому трикраты,
Языкомъ достойнымъ спою!

Е. ГРЕБЕНКА.

ГРУСТЬ.

Я счастливъ ; бремя нуждъ не тяготитъ меня ;
Покоемъ совѣсти довольный,
Его на блескъ вѣнца не промѣняю я . . .
Что-жь ноетъ все душа и въ дальніе края
Несется съ грустію невольной ?

Не знаю , но та грусть сжилась съ душой моей
Какъ сила дивнаго недуга ;
Всегда, вездѣ со мной, отъ самыхъ первыхъ дней :
Средь дѣвъ, за чашею, въ родномъ кругу друзей,
Въ часы безпечнаго досуга . . .

Слежу ли взоромъ я за цѣпью облаковъ,
Бѣгущихъ по зыбямъ небеснымъ, —
Она влечетъ меня обѣтомъ тайныхъ сновъ
На край земли, туда, гдѣ неба легкой кровъ
Спустился куполомъ чудеснымъ ;

Туда, гдѣ ярый вѣтръ взволнованныхъ морей

Клубить мятущаяся воды:

И грустно, грустно мнѣ, и для души моей

Понятенъ стонъ волны, зовущей купно съ ней

Искать простора и свободы...

Иль въ часъ, какъ пламень дня потухнетъ за горой,

И на спокойномъ лонѣ ночи

Какъ сны разсѣются свѣтила надъ землей,

И грудь споконится... но грустенъ тогъ покой,

И къ звѣздамъ я подьземлю очи:

Гляжу, и мнится мнѣ, ихъ безмятежный свѣтъ,

Какъ взоръ подруги благосклонной,

Шлетъ путнику земли таинственный привѣтъ,

И я готовъ летѣть, вдаль отъ земныхъ суетъ,

Въ пучину синевы бездонной...

На перепутьи-ли урочномъ своего

Безсмертнаго существованья,

Нашъ духъ тоскуетъ здѣсь, и рвется изъ него

Въ путь дальній... въ міръ иной? Иль жаль ему того,

Отколь вступилъ онъ въ путь изгнанья?

Какъ знать? Но тайный гласъ мнѣ шепчетъ какъ
во снѣ

Что на землѣ я гость минутный;
Что родина души въ надзвѣздной вышинѣ;
Что я по ней грущу, какъ по родной странѣ
Грустить изгнанникъ безпріютный!

М. Деларю.

1835 года.

ВОСПОМИНАНІЯ О БЕССАРАБІИ.

Сія пустынная страна
Священна для души поэта. . . .
Она Державинымъ воспѣта
И славой Русскою полна.
Еще донынѣ тѣнь Назона,
Дунайскихъ ищетъ береговъ.

(Пушкинъ посл. Баратынскому изъ Бессарабіи.)

Отъездъ изъ Тульчина. — Кишеневъ во время бытности въ немъ Государя Императора Александра; — Балъ. — Знакомство съ SOLITUDO GETICAE. — Трапновы валы и значеніе ихъ. — Кіевецъ на Дунаѣ. — Аккерманъ. — Озеро Овидіево. — Овидіевы Геты есть Готы. — Овидіевы метаморфозы — подражаніе Эддъ. — Описаніе сотворенія міра взято имъ изъ Волюспэ. — Днѣстръ. — Селища, или мѣста бывшихъ селеній Татарскихъ. — Колоніи въ Буджакѣ. — Средняя и верхняя часть Бессарабіи. — Орхей. — Монастырь въ скалѣ. — Хотинъ.

Когда пріостановишься на пути и взглянешь назадъ, сколько было свѣта и жизни, въ погасящемъ, сумрачномъ отдаленіи! сколько потеряно тамъ надеждъ, сколько погребено чувствъ! Теперь и тогда, здѣсь и тамъ сколько времени и

пространства между этими словами! и все это населено уже безплотными образами, безмолвными призраками.

Когда пронеслась печальная вѣсть о смерти Пушкина, вся прошедшая жизнь его воскресла въ памяти знавшихъ его, — и первая грусть была о Пушкинѣ - человѣкѣ. Все перенеслось мыслію въ прошедшее, въ которомъ видѣло и знало его, чтобъ потомъ спросить себя: гдѣ же онъ?

Я узналъ его въ Бессаравіи, и очеркъ этой страны будетъ рамой, въ которой я вставляю воспоминаніе о Пушкинѣ.

Въ 1818 году, я отіравился изъ Тульчина, главной квартиры 2-й арміи, въ Бессарабію. — Меня провожали въ дорогу слухи о нестерпимыхъ жарахъ, о степяхъ населенныхъ змѣями, скорпіонами и тарангулами, о чумѣ, о вѣчныхъ лихорадкахъ но я былъ тогда еще въ первой порѣ юношества, съ головой, которая не задумывалась, съ чувствами ненапуганными, и все страшное возбуждало только мое любопытство.

Проѣздъ по Подольской губерніи въ мартѣ мѣсяцѣ былъ еще сносенъ: въ ней нѣтъ ничего пустынного, хотя я и не имѣлъ еще понятія о ея красотѣ во время лѣта, о ея протяжныхъ долинахъ, усѣянныхъ селами посреди садовъ, огражденныхъ тополями. Но проѣзжая по Херсонской губерніи отъ Бал-

ты до Дубосарь, я уже считалъ это пространство преддверіемъ Гетскихъ пустынь. По дорогѣ нѣтъ ни одного селенія, станціи уединенно стоятъ въ полѣ, и это только хата, безъ ограды, даже безъ сарая и конюшни; ибо почтовые лошади пасутся постоянно въ табунѣ близъ станціи. — Наконецъ я пріѣхалъ въ Дубосары, грустный городокъ, въ которомъ не съ большимъ одна церковь и не съ большимъ одна харчевня, утоляющая голодь проѣзжихъ чѣмъ Богъ послалъ. Но передо мной уже была туманная полоса, за которой зеленѣлись берега Бессарабіи. Я уже смотрѣлъ на гряды возвышеній и на далекую долину, по которой извивался Днѣстръ къ морю.

Проѣхавъ карантинъ и таможеню, я переправился чрезъ древній Тирасъ, задумался и очутился подлѣ корчемки Молдаванской, одинъ, какъ сирота: почтарь Дубосарскій сложивъ мои вещи съ брички на землю, поскакалъ назадъ, какъ отъ брошеннаго на жертву чумѣ, змѣямъ, знойному солнцу и будущности. Покуда съ Кріулянской почты пріѣхала за мной почтовая каруца, я просидѣлъ на завалинкѣ хаты и просмотрѣлъ на физиогномію Молдавана, который мнѣ повторялъ время отъ времени: *акушь, акушь* (*).

Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ я услышалъ свистъ, дребезгъ, и хлопанье бича; пріѣхала каруца не больше дѣтской колыбелки; я усѣлся въ нее; *суруджи* (**)

(*) Сей часъ, сей часъ.

(**) Ямщикъ — такъ произносится, вѣроятно, каруцарь — отъ каруца — Сагиче.

верхомъ на одной изъ запряженныхъ веревочными шлейками въ дышло клячь, закрутилъ долгохвостый бичъ, хлопнулъ по воздуху надъ двумя передними конями, которыми онъ правилъ — и экипажъ мой затрещалъ какъ пожарная трещетка.

Новая страна, новыя чувства; я углублялся въ горы и доли Бессарабіи, какъ въ таинственный Дульматъ. Все уже одѣлось зеленью, дышало Маемъ; и я живо чувствовалъ разницу между правымъ и лѣвымъ берегомъ Днѣстра. Кажется что природныя календари ихъ разнятся цѣлымъ мѣсяцемъ: — въ Бессарабіи весна, а въ Подольской губерніи едва только показались ея вѣстники.

Впечатлѣнія при вѣздѣ въ Кишеневъ, не могли высказаться иначе, какъ высказались въ «Странникъ.»

Я пріѣхалъ въ Кишеневъ въ самое счастливѣйшее время его, когда все готовилось съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ къ приему Императора Александра. — Молдавскіе Бояре стекались отсюда въ Кишеневъ, и этотъ городъ закипѣлъ народомъ.

Встрѣчи Императора я не могъ видѣть; ибо былъ занятъ въ это время у кн. М....., который пріѣхалъ передъ Государемъ. Это было уже въ сумерки; но я слышалъ клики встрѣчи, которые раздавались неумолкающимъ гуломъ, приближаясь отъ

возвышеній по дорогѣ изъ Бѣльцъ къ городу, неслись городомъ и умолкли на время у собора, чтобъ снова сопровождать Императора до дома Намѣстника. Возвышаясь на отдѣльномъ холмѣ надъ озеромъ, этотъ домъ превратился мгновенно въ дворецъ Освободителя Европы.

На другой день, 28 апрѣля (1818) Государь Императоръ былъ въ Митрополіи у обѣдни, и потомъ на завтракъ у сѣдовласаго Экзарха Гавріила.

Въ тотъ же день Его Величество удостоилъ присутствіемъ Своимъ балъ данный дворянствомъ Бессарабскимъ, въ огромной залѣ нарочно устроенной въ домѣ Т. Крупенскаго. — Въ угожденіе изыщому вкусу Государя къ колоннадамъ, явился вокругъ залы рядъ огромныхъ колоннъ порфиороваго цвѣта, обвитыхъ вязями разноцвѣтныхъ огней.

Съ позаранка зала наполнилась уже боярами, куконами и куконицами. Намѣстница (*) успѣла въ короткое время много внушить образованнаго вкуса въ дамъ Кишневскихъ: онѣ знали что такое балъ, чувствовали уже необходимость во Французскомъ магазинѣ модъ, умѣли уже рядиться по Вѣнскимъ и Парижскимъ образцамъ, умѣли рисоваться въ кадрилихъ и мазуркахъ; но къ балу, гдѣ будетъ присутствовать Императоръ, съѣхалось множество Бояръ, со всѣхъ сторонъ, даже изъ Княжествъ Молдавіи и Валахіи, Бояръ, которымъ извѣстны были только приличія Азіятскія.

(*) Викторія Станиславовна Бахметева.

Пріѣзжія куконы облеклись во всю роскошь Европы и Востока; и еслибъ намѣстница, какъ заботливая хозяйка пріема, не обратила заблаговременно вниманія на нарядъ посѣтителей, Государь засталъ бы на балу всѣхъ дамъ, окутанными въ драгоценныя Турецкія шали; а бояръ въ кочулахъ (*) и въ папушахъ (**), сверхъ желтыхъ и красныхъ *мешти*. Почти передъ самымъ входомъ Государя, шали были сняты; а *папуши* нѣсколькихъ сотъ челоуѣкъ были свалены въ кучи за колоннами.

Когда Государь вступилъ въ залу, все стѣснилось въ молчаніи, безъ шума, почти незамѣтно, въ кругъ, коего первые ряды состояли изъ женщинъ; женщинъ окружали стѣной бородатые, первостатейные бояре, а за ними бояре втораго и третьяго класса.

Государь открылъ балъ съ намѣстницей, и обошелъ съ нею, преслѣдуемый рядами Польскаго, чрезъ всѣ комнаты; удостоилъ вниманія другихъ почетнѣйшихъ дамъ; потомъ началась Французская кадриль, первая въ Кишеневѣ, выученная въ домѣ намѣстницы.

Неподвижность всѣхъ, царствующая тишина и взоры устремленные на Государя, разговаривавшаго съ Принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ и намѣстницей, должны были скоро Его утомить:—Его Величество

(*) У Молдаванъ кочула, смушковая еврая шапка въ родѣ опрокинутой огромной корчаги, не снималась прежде ни въ церкви, ни даже передъ Султаномъ, подобно чалмѣ.

(**) *Тубли* сверхъ *мешти* или желтыхъ, красныхъ сафьянныхъ носковъ. —

пробыль не болѣе двухъ часовъ; но передъ отъѣздомъ любопытствовалъ видѣть Молдавскіе танцы. Лучшій во всей Молдавіи оркестръ музыки, выпи-
санный изъ Яссы, грянулъ въ *кобзы* и въ *скрипки*;
цыгане запѣли.

«Мититика, мититика, винам коачь!

Баю, баю, нам чи фачь!»

Бояре и куконы стали въ кругъ, — Джокъ на-
чался.

Въ воспоминаніе посѣщенія Государемъ Импера-
торомъ Кишенева, намѣстница подала мысль завести
публичный городской садъ. Сколько я могу припом-
нить Государь Самъ избралъ мѣсто въ право отъ
Митрополіи.

На третій день Государь выѣхалъ изъ Кишенева;
но жители долго еще хвалились, что Имераторъ на-
звалъ Бессарабію золотымъ краемъ.

Съ 1818 года по 1821 годъ, ознаменованный Гре-
ческой Этеріей, я познакомился съ Буджакомъ, или
бывшей Татарской частью Бессарабіи. Тогда еще
почти все пространство между рѣками Прутомъ,
Днѣстромъ и верхнимъ Траяновымъ валомъ, была
малонаселенная степь, изрѣзанная протяжными хреб-
тами, которые сглаживались къ морю, и образовали
часть пустыни, носившей нѣкогда названіе *Solitudo*
Getica, и тѣ сѣдя волны ковыла, посреди кото-

рыхъ индѣ-индѣ, видна крытая *арба* чабана (*), уединенное кѣшло, или хуторъ, обставленный пирамидами кизяка. Это-то пространство воспѣлъ Мицкевичъ, подъ названіемъ «Аккерманскія степи».

Но часть Буджака, прилежащая къ рѣкѣ Пруту, гористѣе и населеннѣе; самый же холмистый берегъ отъ м. Формозъ до Вадулуй-Исаки покрытъ садами и представляетъ въ миниатюрѣ Итацію, безъ ея исторіи и памятниковъ прошедшаго величія.

Здѣсь-то, надъ самымъ селеніемъ Вадулуй-Исаки, начинается тотъ знаменитый валъ, который прозванъ *Траяновымъ путемъ*. Но тутъ имя Траяна Императора кажется не можетъ играть никакой роли: Бессарабія никогда не принадлежала Римлянамъ: рѣка Прутъ была границей Дакии; валы Бессарабскіе не могли служить защитою ни со стороны сѣвера, ни стороны юга; ибо они тянутся почти по прямой линіи, не разбирая мѣстоположенія и командованія высотъ. И если Траянъ построилъ нижній валъ противъ варваровъ, населявшихъ Бессарабію чтобъ охранить отъ нихъ колоніи по Дунаю и Черному морю; для чего же строилъ бы онъ верхній валъ и боковые вдоль крутаго берега Прута и Днѣстра (**). По всѣмъ соображеніямъ эти валы были не что иное какъ разграниченія земель. По Лактанцію изъ Бессарабіи въ 304 году Готы изгнали

(*) Чабанъ—пастухъ; *арба* — кочевая повозка съ кровлей.

(**) Днѣстровскій названъ на картахъ *Зимевымъ*; но что нибудь да не такъ; тамъ не кому было дать ему Русское прозваніе.—

неизвѣстный народъ, который, съ дозволенія Императора Галерія, поселился въ его предѣлахъ; по жизнеописателю Имп. Проба, народъ, переселившійся въ это время во Фракію, былъ Бастарны (*). — Известно, что орда Печенѣговъ населяла издавна Бессарабію. — Не утвердительно, но я рѣшаюсь заключать, что эти 100,000 Бастарновъ переселившіеся во Фракію были Босняки (Бешняги — по Венгерски *Vosnyak*, по Турецки *Bosnalı*.)

Жители Бессарабіи всѣ валы вообще называютъ словомъ *Тралянь*, — валъ раздѣляющій Добрушскую область, или бывшую малую Скиѣю, отъ Мизіи также называется *Тралянь*. На Мизоготскомъ нарѣчій, по Ульфилу, котораго языкъ царствовалъ въ этихъ мѣстахъ, слово *thraihan* — значитъ *сжимать, стѣснять, ограждать*; *thraihands vigs* — *сжатая огражденная дорога, стезя*; слово, которое могло значить и *грань, граница*. Вотъ кажется откуда произошло названіе *via Trajani*; по Ульфилу также *thragjan* — значитъ *бѣгъ, ѣзда*, сходное съ греческимъ *Γρόχησιγγο*, и съ Русскимъ: *дорога, дроги, трактъ*.

Тралянь Булгарскій, совершенно сходенъ съ Буджакскимъ; но почти на всемъ его протяженіи по берегу черной рѣки (Кара-су) видны слѣды четве-

(*) По Матвѣю Претору (кн. II. гл. 7) Басторны есть тѣ же Бессы. — Овидій пишетъ: *vivere quam miserum est inter Bessoque Getasque*. — Названіе свое Бессарабія получила вѣроятно отъ Готовъ въ значеніи *Bess-arg* или *arg* (*Erbe*, земля, *Erbe*, наследіе) т. е. земля Бессовъ. —

роугольныхъ окоповъ, со стороны Булгаріи, въ которыхъ вѣроятно содержалась пограничная стража.

Этотъ Траяновъ валъ ознаменованъ въ 1828 году маневромъ, на которомъ батарея во 120 орудій, по слову Русскаго Царя, несла въ карьеръ въ атаку, по отлогому скату праваго берега Кара-су. — По гребню этаго Траяна, Императоръ проѣхалъ 17 верстъ, для осмотра осажденной крѣпости *Кистенжи*, нѣкогда знаменитаго *Истра*.

Спускаясь отъ Рени, по дорогѣ къ Измаилу, проходящей между Дунаемъ и озеромъ *Кагуломъ*, напоминающимъ побѣду Румянцова надъ Турками; и отъ селенія *Сатунова* къ Дунаю, по тропинкѣ между плавнями, на пути чрезъ Дунай, Персовъ (за 508 лѣтъ до Р. Х.) и Русскихъ (въ 1828 году), есть слѣдъ подобнаго же вала, который, какъ ограда между озерами *Карталомъ* и *Кугурлуемъ*, перегорожалъ этотъ путь; и *можетъ быть* служилъ мостовымъ укрѣпленіемъ Дарію при отступленіи его изъ Скиѳіи.

Проѣхавъ Измаилъ неразлучный съ именемъ Суворова, — я скажу нѣсколько словъ о крѣпости *Килии*, которую нѣкоторые принимаютъ за *Киевецъ*, построенный на Дунаѣ мнимымъ *Кіемъ*, путешествовавшимъ въ Царь-градъ и полюбившимъ это мѣсто.

Сказаніе о существованіи *Киевца*, или *малаго Кіева* на Дунаѣ, не можетъ быть ложно; но мѣсто

старой Килии, за Дунаемъ, среди плавней, въря сказанію о Кіѣ, не могло ему понравиться, и тѣмъ болѣе здѣсь не могъ быть Кіевецъ, что слово *городъ* и *городокъ*, въ смыслѣ древнихъ, значитъ укрѣпленная отдѣльная гора, или холмъ (*). — Въ замѣну Килии я полагаю *Cius*, или *Cium*, находившійся, по дорожнику Антонинову, ниже *Трозьми*, на правомъ берегу Дуная. Это нынѣшній *Гирсовъ*.

Высокая скала надъ Дунаемъ, составляющая нынѣ сѣверную сторону крѣпости, могла быть выбрана для основанія городка. Здѣсь въ скалѣ могли быть *Kifwa* (**), или *пещеры Готфскія*, отъ названія которыхъ, по моему мнѣнію получилъ свое названіе и Кіевъ. — Если мнимый Кій любилъ жити у перевоза, то противъ самаго Гирсова есть и перевозъ чрезъ Дунай, на ладьяхъ.

Дорога къ Аккерману тянется по безплодной землѣ, напитанной солью, надъ вершинами озеръ Сасика или Кундука, Шаганы или Муртазъ, Карачаусъ, Алибей-улу и Бурна-сола, населенныхъ весной пеликанами, а лѣтомъ покрытыхъ корой соли.

За песчаной степью открываются передъ вами почернѣвшія отъ времени башни замка Аккерман-

(*) Слово *Gard*, городъ—не раздѣльно съ словомъ *гора*, (*Hogî*) такъ какъ *Berg* и *Burg*—*Heim* и *holt*—*холмъ*.

(**) Отсюда *save*, *saveac*, погребъ, склянь.

скаго. Его окружають не болѣе 500 домовъ города; а вправо видны извѣстныя Аккерманскіе сады (*).

Замокъ Аккерманскій, по преданію, построенъ Генуезцами въ XII столѣтіи, когда они обладали торговлею Чернаго моря. — На этомъ мѣстѣ въ древности былъ городъ Офіуза, а во время Геродота колонія Тирасъ.

За Лиманомъ видѣнъ *Овидіополь*, мнимое мѣсто жительства Римскаго пѣвца - изгнанника. Но, что странно: въ вершинѣ Лимана, при впаденіи Днѣстра, не въ далекѣ отъ селенія Паланка (**) (гдѣ также небольшой четверугольной замокъ) есть озерцо, которое называется, по словамъ Кантемира *Лакулъ Овидулуй*—озеро Овидія,—во время моего проѣзда, оно почти пересыхало и мнѣ называли его *Дувьдулуй*; сколько помнится мнѣ, говорятъ, будто тутъ очень давно уже жилъ какой-то пустынный, именемъ котораго и прозвалось озеро. — Близъ этаго мѣста есть переправа чрезъ Днѣстръ при селеніи *Маякъ*, на лѣвомъ берегу рѣки, верстахъ въ сорока отъ Овидіополя.

Посѣтивъ въ послѣдствіи и Монголію, на берегу Чернаго моря, которая также принимается за *Томи*, мѣсто обители Назона во время изгнанія, нельзя было не сказать:

(*) Въ мое время считалось ихъ слишкомъ 900.

(**) Слово *Паланка*—значитъ укрѣпленное селеніе.

Зачѣмъ намъ знать, гдѣ жилъ изгнанникъ сей,
 И прахъ его влачить съ кладбища на кладбище?
 Опъ жилъ, онъ пѣлъ, и—вѣчное жилище
 Поэта — въ памяти людей. —

Къ стати объ Овидіи. Судя по слѣдующимъ его
 стихамъ:

«Ah! pudet et Getico scipsi sermone libellum.
 (de Ponto. Lib IV epist. 13.)
 Nam dedici Getice Sarmaticeque loqui.
 Nec te mirari, si sunt vitiosa, decebit
 Carmina que faciam penè poeta Getes.
 (Ib. III. 2.)

Threicio Scythicoque ferè circumsonor ore,
 Et videor Geticis scribere posse modis.
 (Trist III. ult.)

Овидій зналъ языкъ Гетовъ и писалъ на немъ (*);
 Пинкертонъ убѣдительно доказываетъ, что Геты
 Овидія есть Готы; и кажется сомнѣніе исчезаетъ
 въ этомъ, когда сравнишь *Метаморфозы* Овидія съ
 Готской *Волюспа* и *Гильфа-Гиннинга*. Gilfa Ginning
 значитъ: *сновидѣнія, мечты, басни Гильфа*; А сло-
 во *Метаморфозы*—значитъ тоже, если припомнить,
 что изъ 1000 сыновъ сна, обязанностью Морфея бы-

(*) Если Геты, имѣли уже поэтовъ и письмена, слѣдовательно они
 были не Сарматы; Готы же до Ульфила, имѣли письмена называе-
 мья *Руническими*, состояція изъ 16 буквъ.—Впрочемъ названіе *руны*,
 даваемое древнимъ чертамъ — несправедливо: оно, кажется принадлежитъ
 по смыслу круглымъ буквамъ.

ло поддѣлываться подъ наружность и голосъ тѣней людей существовавшихъ; — и слѣдовательно настоящее значеніе *превращеній*, есть *видѣнія*, *мечты*.

Овидій читалъ Эдду, и его *Метаморфозы* есть подражаніе *Gilfa Ginning*; а описаніе созданія міра есть почти переводъ строфъ *Волюспа*.

Пусть знатоки сравнятъ, и—Овидій поможетъ имъ понять вѣрнѣе смыслъ *Волюспа*:

Метаморфозы.

In nova fert animus mutatas dicere formas
Corpora. Di, coeptis; nam vos mutastis et illas;
Adspirate meis primaque ab origine mundi
Ad mea perpetuum deducite tempora carmen.

Волюспа.

Значеніе.

Hliods (*) bid ek	Пѣть желаю я (<i>вѣстьсто тѣсни прошу</i>).
Allar kindir.	Всѣ породы (**),
Meiri ok minni	Великія и малыя
Mango Heimdallar.	Мощной природы.
Vildo it ek Valfandur,	Благослови Творецъ міра
Vel fyr telia	Чтобъ достойно высказать,
Fornspiöl fira	Проведи отъ начало всего
Pau er fremst um man.	До образованія.

Метаморфозы.

«Ante mare et tellus, et quod tegit omnia, caelum,
Unus erat toto naturæ vultus in orbe,
Quem dixere Chaos; . . .

(*) Hliods—не значитъ *молчаніе* или *вниманіе*; но пѣснь отъ liod—или liud—пѣснь, звукъ; на древнемъ Анг. Сакс. hliud. (см. Ihre).

(**) Kind—родъ, порода.

*Волюсна.**Значеніе.*

<i>Es man jotna</i> (*)	Прежде чѣмъ стихій
<i>Ar um borna,</i>	Начало произошло,
<i>Pa er fordom mic</i>
<i>Füdda hofdo.</i>
<i>Nio man es heima</i>	Не было неба, (<i>вершины</i>)
<i>Nio ivide,</i>	Ни тверди,
<i>Miotrid möran,</i>	Ни моря посрединѣ
<i>Fyri mold nedan.</i>	Земли (<i>праха</i>)
<i>Ar (**)</i> var allda	Пустота была повсюду
<i>Par er Ymir bygdi.</i>	Гдѣ обиталъ Хаосъ (**).

Мет. «*nec circumfuso pendebant in aere tellus.*»

Вол. <i>Jord fanz aeva</i>	Земля не была
<i>Né urphimin.</i>	объята небесами.

Метаморфозы.

*Hanc Deus et Melior litem Naturo diremit
Nam caelo terras, et terris abscidit undas.*

*Волюсна.**Значеніе.*

<i>Adur Burs synir</i>	Тогда сыны Бура (причины рожденія природы.)
<i>Biodum um urro</i>	Обвели сводъ,
<i>Peir er Midgard</i>	Гдѣ земной шаръ
<i>Möran seoro.</i>	Отдѣлили отъ моря.

По окончаніи описанія сотворенія вещей, которое распространено у Овидія, онъ говоритъ о сотвореніи челоуѣка:

*Sanctius his animal, mentisque capacius altæ,
Deerat adhuc, et quod dominari in cætera posset.*

(*) Великаны — проименованіе стихій.

(**) *Ar*—значитъ начало, истокъ, единство.— Въ этомъ стихѣ звукъ почти неопредѣленный въ своемъ значеніи *всего и ничего*.

(***) *Ymir*—великанъ изъ частей котораго образовался свѣтъ, *Ottovka*—преданій Халдейскихъ.

Natus homo est, sive hunc divino semine fecit
 Ille opifex rerum, mundi meliores origo:
 Sive recens tellus, seductaque nuper ab alto
 Æthere, cognati retinebat semina cœli....

Волюспа.

Значеніе.

<p>. Hwer scyldi dwerga Drottin skeria; Or brimis blodi Ok or bläm leggiom?</p>	<p>И совѣщались (божества) Кто долженъ надъ тварями Держать управленіе? Кровь ли Бримера (разума) Или черныя кости (тѣло).</p>
---	--

Кажется на первый разъ достаточно приведенныхъ здѣсь мѣстъ для подтвержденія сказаннаго мною.

Природа Днѣстра со стороны Бессарабіи очаровательна; вдоль всего берега тянется цѣпь садовъ виноградныхъ и фруктовыхъ; селенія богаты; но вообще не похожи на наши, которыя образуя улицу, есть зародыши городовъ. — Молдавскія саты (*) похожи болѣе на разбросанные шатры табора; *касы* (**) стоятъ дверями во всѣ стороны; это мазанки, построенныя изъ плетня, обмазанныя глиной и выбѣленныя, совершенно похожія на Малороссійскія хаты, но гораздо опрятнѣе снаружи, и внутри также выбѣленныя; часто раскрашены узорами вохрой и умброй;

(*) *Сату*—деревня, село; Татары называютъ *Сату*—торгъ; *Тиргу*—по Молд. городъ, торговое мѣсто.

(**) Сходное съ Итальянскимъ *casa*, или съ Готорскимъ *Hus*—домъ.

арабски выведенныя на стѣнахъ рукой самой хозяйки, или ея дочери, очень похожи на Синайскія письма. Смазываніе глиной половъ, бѣленье и крашенье стѣнъ, возобновляется передъ каждымъ праздникомъ. — Въ каждой половинѣ касы, раздѣленной на двое сѣнями, близъ дверей—*соба* (печька), у которой устье очень низко, не болѣе какъ на четверть отъ полу. За трубой на печи обыкновенно бываетъ обитель старухъ, слѣпыхъ, неподвижныхъ, ничего уже не чающихъ и *хортовъ* — гончихъ собакъ, которыхъ Молдаване нѣжатъ какъ дѣтей, — и они сто́ятъ того: Молдаванъ отправляясь въ степь, беретъ съ собою *хорта*, и — зайцы не попадайся на встрѣчу(*).

Почтовая дорога изъ Аккермана въ Бендеры идетъ степью чрезъ *Каушаны*, бывшій сарай Хана Буджакскаго, нынѣ ничтожное мѣстечко. — Въ 25 верстахъ отъ Каушанъ—крѣпость Бендеры.—Она лежитъ надъ Днѣстромъ, въ равнинѣ окруженной нагорнымъ

(*) Булгарскія селенія иначе строятся, хотя столь же неправильно. У нихъ семьи не раздѣляются, не раздѣльны и дома; съ каждымъ поколѣніемъ, съ увеличеніемъ семейства, разрастается и домъ, по большей части въ прямую линію; женатые правнуки, внуки и сыновья живутъ подъ одной общей кровлей своего Патріарха - прадѣда, который бѣлъ какъ лунь и потерялъ уже щетъ своимъ годамъ, но еще не лишился ни одного изъ чувствъ своихъ, еще дѣятельный работникъ, и рассказываетъ о томъ, что случилось за 100 лѣтъ, какъ о вчерашнемъ днѣ. Булгарскія хаты простыя и пустыя Молдаванскихъ; стѣны голы, вмѣсто оконъ деревянныя рѣшетки, вмѣсто лавокъ низенькое возвышеніе изъ земли, въ родѣ широкаго дивана, устланное бѣлымъ войлокомъ, близъ дверей, въ родѣ столба, или пирамиды: это печь, которая топится изъ сѣней; устье почти на земль; тутъ подъ навѣсомъ трубы виситъ цѣпь съ крюкомъ для котла, въ которомъ варится обѣдъ. — Вмѣсто стола кружокъ, или мѣдный круглый подносъ на низенькихъ ножкахъ. —

берегомъ. — Это древній *Тигинъ*. Выше крѣпости верстахъ въ трехъ на Днѣстрѣ селеніе Варница, надъ Варницей по скату берега слѣды лагеря и канцеляріи Сѣвернаго капрала Карла XII. Здѣсь жилъ онъ гостемъ у Турокъ, отсюда Турки изгнали своего гостя.

Вообще въ нижней части Бессарабіи или Буджакѣ, почти всѣ рѣки, какъ то: Чага, Куальникъ, Сарата и пр. текутъ по солончакамъ; въ колодцахъ вода также солончакъ. — По всѣмъ рѣкамъ и лощинамъ разсыяны слѣды бывшихъ Татарскихъ селеній. — Эти слѣды замѣтны по кучамъ золы, и по густому бурьяну; такъ, что издали, замѣчая темноцвѣтное пространство посреди зелени, знаешь, что это *селище*, (по Молдавскому произношенію *селиште*) т. е. мѣсто бывшаго селенія. Имена этихъ селищъ, сохранились въ памяти жителей, на пр. Селиште Акмангытъ, Мангытъ, Эдиге, Эникіой и т. д. — После того какъ Буджакскія степи разданы Правительствомъ для населенія, вѣроятно слѣды селищъ уже стерлись, но названіе урочищъ долго сохранятся. Проѣзжая чрезъ эти мѣста поросшія глухой высокой травой, почти не возможно выносить удушливаго запаха какихъ-то дикихъ, мрачныхъ растеній, напоминающихъ бывшую обитель человека. — Селища обыкновенно любимый бульваръ куропатокъ во время вечера. Цѣлыми стадами слетаются онѣ на курганы золы.

На щетъ населенія Буджака Татарами можно предположить слѣдующее: извѣстно что въ 1597 году

Литовскій Герцогъ Витольдъ поселилъ орду Татаръ близъ Вильны. Въ Палатинатахъ: Подляхii, Августовскомъ, Виленскомъ и другихъ, ихъ считалось до 50,000 душъ. При Янѣ Собіесскомъ изъ нихъ составились первые полки Уланъ (аланъ) противъ Магомета IV. — Но извѣстно также что при Магометѣ IV вышли изъ Литвы Липскіе Татары. — Бишингъ упоминаетъ о жилищѣ Липскихъ Татаръ въ Хотинскомъ и Сорокскомъ цынутахъ; но вѣроятно главное переселеніе было въ Буджакъ, болѣе удобный для кочевья. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что Татары Буджакскіе имѣли уже навыкъ жить деревнями. Сверхъ того, какъ извѣстно, въ нижней части Бессарабіи жили *Аланы*, хотя время ихъ жительства тамъ не извѣстно.

Въ обзорѣниі Буджака кстати должно упомянуть и о 14 Нѣмецкихъ колоніяхъ поселенныхъ по обѣ стороны Куяльника, въ 1817 году. Какъ ни трудно развести довольствіе посреди знойной степи, лишенной хорошей воды; но при данныхъ правительствомъ средствахъ къ упроченію этихъ поселеній, дѣятельные переселенцы въ два три года обзавелись скоро домами (построенными на первый случай изъ земляныхъ кирпичей), огородами, засѣяли поля, и обставили загородки скирдами. Въ первые годы они поддерживали себя заработками у богатыхъ Царановъ (*).—

(*) Бояръ, или Мазилонъ (родъ Шляхты), живущихъ на Царанѣ т. е. на пахатномъ мѣстѣ, посреди степи, собственномъ или наемномъ. Царанъ—значить владѣющій землею пахатною отдѣльною; Хуторъ—

Бѣда вамъ, если вы играете на какомъ нибудь инструментѣ, и васъ подслушаютъ Колонисты, возвращаясь съ поля. Они обсыплютъ васъ, умолятъ играть, и играть, и еще играть вальсъ, и пляшутъ до упаду.—Я никогда не забуду одного Ганса, который плясалъ въ присядку по Русски; онъ не требовалъ похвалы, а просилъ только не переставать играть *барыню*.

Въ 1819 году открылась въ Бессарабіи въ Хотинскомъ цѣнутѣ чума, завезенная изъ Молдавіи. По данному мнѣ порученію усилить пограничную цѣпь, я проѣзжалъ по рѣкѣ Пруту и по границѣ Австрійской до Днѣстра. Въ эту поѣздку и во время рекогносцировки верхней части Бессарабіи въ томъ же году, я выучилъ наизусть этотъ край, древнюю обитель Бастарновъ, или Бессовъ.

Верхняя часть Бессарабіи, начиная отъ верхняго Траянова вала представляетъ совершенно уже другую природу; это уже гористыя мѣста, покрытыя лѣсами, садами, селеніями и уединенными монастырями, женскими и мужскими, посреди романическихъ красотъ природы.

Отрасль Карпатскаго хребта тянется отъ вершинъ рѣки Прута въ Галиціи, и проникаетъ между Днѣ-

значить также временное жительство въ степи, для паханія земли, содержанія стадъ или пчель; *Кишло*—землянка, пріютъ степныхъ Чабановъ, или пастуховъ; безъ всякаго сомнѣнія отъ Татарскаго *Кишлавъ*—зимовье.

сгромъ и Прутомъ въ Бессарабію по Хотинскому цынуту. Въ Яскомъ цынутъ она сглаживается между рѣками впадающими въ Реуть; но въ вершинѣ этой рѣки, ниже гор. Бельць, она какъ будто возрождается снова въ отдѣльной горѣ Могура (*), которая развѣтвляется вдоль всей Бессарабіи, также возникая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдѣльными горами, и сохраняетъ свои силы и крутизну до самаго моря.

Въ верхней части Бессарабіи, отлогой берегъ рѣки Прута, (ибо крутой съ противной стороны, въ Молдавіи), единообразенъ и не богатъ населеніемъ; но рѣка Днѣстръ сохраняетъ вездѣ и крутизны своего нагорнаго берега, и частыя селы, и сады, богатые виноградомъ, Волошскими орѣхами (грецкими), яблоками, сливами, вишнями, черешнями, грушами, абрикосами, не уступая даже степнымъ мѣстамъ въ богатствѣ баштановъ (полей засѣянныхъ арбузами, дынями, тыквами, Турецкими огурцами и падлажанами). На Днѣстрѣ — аромать акацій, пѣсни ночныхъ соловьевъ, въ полтора аршина стерляди, слишкомъ въ сажень осетры, посреди плавней неперевожимая дичь, дикіе гуси, утки, всѣ роды шнеповъ и куликовъ; здѣсь народъ дѣятельнѣе, женщины прекраснѣе. Но говоря о красотѣ женщинъ простаго народа, — гористыя, здоровыя мѣста Орхеевскаго цынута, должны славиться ими. Тамъ *фаты* (**), истинно *формушки*: цвѣтъ здоровья и роскошь формъ.

(*) Тумань.

(**) *Фата* — дѣвушка, *формушка* — прекрасная.

11 Орхей - *вѣки* (древній Орхей), по словамъ жителей, былъ на другомъ мѣстѣ; по Кантемиру, на Западномъ берегу Орхевскаго озера, но какъ я слышала, этотъ городъ былъ ближе къ Днѣстру на Рутѣ, противъ Дубоссаръ и слѣдственно противъ главной переправы чрезъ Днѣстръ.— Можетъ быть здѣсь была *Ольхионія*, которую приписываютъ мѣстечку *Сороки* или *Соколы*.

Верстахъ въ сорока отъ Орхея, на Днѣстрѣ, въ вершинѣ береговыхъ скалъ, есть монастырь—*Городище*. Смотри снизу, отъ рѣки, кельи кажутся норами птицъ. Скалы стоятъ стѣной. Взобравшись на гору въ объѣздъ по каменистой, крутой дорогѣ, вы найдете тамъ нѣсколько домовъ, принадлежащихъ монастырю, обитель настоятеля и сады; настоятель поведетъ васъ чрезъ садъ къ вершинѣ скалы; вышина ужаснетъ васъ, когда вы приблизитесь къ обрыву, и станете спускаться по узенькой вырубленной снаружи лѣсенкѣ; по положенной надъ обрывомъ доскѣ, вы перейдете въ старую церковь и въ искусственныя пещеры, вырубленныя въ камень; въ послѣднюю должно пролезать сквозь узкой прорубъ. Здѣсь хранится нѣсколько старыхъ пищалей (*), и широкое отверстіе наружу, задѣлано толстыми дубовыми досками, въ которыхъ прорублены ружейныя амбразуры.—Говорятъ, что здѣсь въ старину Христіане скрывались отъ Татаръ.—Возвратив-

(*) Кажется отъ этаго слова Молдаване называютъ ружье *пушкою*, пушку—*тушуръ*—громомъ.

шись на уступъ скалы, составляющій площадку, вы помолитесь Богу въ новой церкви, вырубленной также въ камень, посѣтите трапезную и Калугерей въ ихъ пещеркахъ, съ однимъ окошечкомъ и трубой выведенной наружу скалы. Высота скалы надъ Днѣстромъ до 100 сажень.

Настоятель васъ угоститъ виномъ своихъ садовъ и сотами меду; и вы, разставаясь съ м. Городищемъ, скажете въ душѣ то-же, что сказалъ Гете, разставаясь съ обителью Мелькъ на Дунаѣ.

Продолжая путь по Днѣстру, и не доѣзжая верстъ трехъ до мѣстечка Сорокъ, вы увидите въ скалахъ слѣды подобной же обители, какъ и въ Городищѣ, но давно уже оставленной.

Проѣзжая отъ м. Сорокъ, (гдѣ также есть Готской архитектуры замокъ); въ Хотинь, почти во всемъ Хотинскомъ цынутѣ вы встрѣтите совсѣмъ уже другой мѣръ, и подумаете что какая-то сила внезапно васъ перенесла въ Малоросію. — Тутъ живутъ Руснаки (такъ они сами себя называютъ) ящереглазые Сарматы, родовитые Бессы (*).

(*) Кажется что это названіе происходитъ отъ Вејас — бѣлый, названіе, которе дали имъ сосѣди Турецкаго племени.

Печенѣгами (Бессъ, Бешнягъ, также какъ Русь—Руснакъ) назывались можетъ быть первые переселенцы Славянскаго племени на тѣ мѣста, гдѣ нынѣ Босна, или Бошня, и Рашія (разумѣется производя не отъ рѣкъ названія этихъ областей). Въ послѣдствіи же Печенѣгами называли можетъ быть племена Татарскія, вновь приходившіе къ Дуцаю; ибо имя Печенѣговъ исчезло по Виз. Ист. въ Балканахъ.

Готическій замокъ Хотина, надъ самымъ Днѣстромъ, на береговомъ холмѣ, обнятомъ крутою ложиною, похожъ на замокъ *Конвай* въ Бретаніи. Теперь онъ составляетъ уже цитадель крѣпости.

До пріобрѣтенія Хотина Русскими, — этотъ городъ считался сильнѣйшимъ во всей Молдавіи. Онъ извѣстенъ побѣдой Владислава, одержанной надъ Султаномъ Османомъ въ 1621 году. Въ 1744 году Турки при Хотинѣ же разбиты Яномъ Собіесскимъ, который спасъ Вѣну отъ осады Магометомъ IV, въ 1683 году.

По трактату Хотинскому, заключенному въ 1622 году, Польша пріобрѣла право имѣть своихъ легатовъ въ Константинополь. Въ это же время была основана Королемъ Польскимъ въ Хотинѣ школа восточныхъ языковъ, для чего и были выписаны учителя изъ Константинополя. Въ этомъ то заведеніи Янъ Собіескій и его братъ Марко (дѣти Якова Собіесскаго, бывшаго Кастелланомъ Краковскимъ и уполномоченнымъ посломъ въ Турціи, въ 1621 году) приготовлялись къ путешествію на востокъ. Перемены постигнувшія Польшу были причиною уничтоженія этой школы.

Б У Р Я.

(ИЗЪ I-й ПѢСНИ ВИРГИЛIEВОЙ ЭНЕИДЫ).

ПРИЧИНЫ ГНЕВА ЮНОНЫ НА ТРОЯНЬ.—ОТПЛЫТІЕ ЭНЕЯ ИЗЪ СИЦИЛИИ.—
ЮНОНА УГОВАРИВАЕТЪ ЭОЛА ВОЗМУТНТЬ ВОЛНЫ.—БУРЯ И КОРАВЛЕКРУШЕНІЕ.
—НЕПТУНЪ УКРОЩАЕТЪ ВОЛНЫ И ПРОГОНЯЕТЪ ВѢТРЫ.—ПРИБЫТІЕ ТРОЯНЬ
КЪ ЛИВІЙСКОМУ БЕРЕГУ.

Ст. 16—177.

Быль древній градъ, въ которомъ Тирійскіе вы-
ходцы жили,
Градъ Кароагенъ, далеко отъ Италиі, сѹпротивъ
устьевъ
Тибровыхъ струй: богатъ и къ воинскому дѣлу при-
выченъ.
Болѣе прочихъ, гласятъ, любила страну ту Юнона,
Даже и Самоса болѣе. Здѣсь сохранились доспѣхи,
Здѣсь колесница ея: дабы градъ сей главой былъ
народамъ,

Если дозволить то рокъ, домогалась она и пеклася,
Но услышала богиня, что племя отъ крови Троян-
ской

Нѣкогда будетъ должно низринуть ограды Тирійцевъ;
Будто народъ, превосходный въ войнѣ и повсюду
владычный,

Придетъ на Ливіи гибель отголь: какъ назначили
Парки.

Сильно страшася того, не забыла богиня и прежней
Брани, что противу Трои вела за любезныхъ ей
Грековъ;

Также не вышли еще изъ души и причины досады
Вмѣстѣ съ печалію тяжелой: таится на сердцѣ глу-
боко

Сына Пріямова судъ, красоты оскорбленье, презрѣн-
ный

И ненавистный ихъ родъ, и данная честь Ганимеду.
Гнѣвомъ пылая за то, разбросаннымъ по морю
Тевкрамъ,

Малымъ остаткамъ, избѣгшимъ Данайцевъ и мести
Ахилла,

Въ Лаціумъ путь преграждала она: и многіе годы
Вкругъ всѣхъ морей скитались они, гонимые рокомъ.
Вотъ сколь усиленъ былъ трудъ для созданія Рим-
скаго царства!

Только изъ виду земли Сицилійской въ открытое
море

Радостно вышли суда, разсѣвая соленую пѣну,
 Зевса супруга, подъ сердцемъ храня свою вѣчную
 язву,

Такъ про себя: «Ужь не мнѣль уступить, предпри-
 ятье покинуть?»

Иль отъ Италиі я не могу отклонить царя Тевкровъ?
 Мнѣ возпрещаютъ судьбы! Но могла же богиня
 Паллада

Флотъ весь Аргівянь сожечь и самихъ потопить
 въ безднѣ понта,

Ради неистовыхъ дѣлъ одного Оилея Аякса?

Быстрый Зевесовъ Перунъ сама изъ-за тучъ низ-
 вергая,

Флотъ разметала она и возставила зыбь; а безумца,
 Огнь изъ разверстой груди издыхавшаго съ жиз-
 нію вмѣстѣ,

Вихремъ на воздухъ взвила и на острый утѣсъ по-
 садила.

Я же, которую всѣ признаютъ за царицу бессмерт-
 ныхъ,

Зевса супруга-сестра, съ единымъ народомъ столь
 долго

Распрю веду! Кто отнынѣ прибѣгнетъ ко власти
 Юноны,

Кто на алтарь ей, съ мольбой, возложитъ почет-
 ную жертву?»

Такъ разсуждая въ себѣ пылающимъ сердцемъ,
богиня
Въ родину бурь, обильныя ярыми вѣтрами скалы,
Въ царство Эола приходитъ. Здѣсь средь обширной
пещеры
Вѣтровъ борьбу царь Эоль и далеко-голосыя бури
Властью смиряетъ своей, заключая въ темницу и
узы.
Съ ропотомъ сильнымъ они, негодуя на власть,
вкругъ ущелій
Скалъ тѣхъ ревутъ. На высокомъ утесѣ Эоль возсѣ-
даетъ
Съ скиптромъ въ рукѣ; укрощаетъ сердца, утоля-
етъ свирѣпость.
Если бѣ не сила его,—то и море, и землю, и небо,
Быстрые, вѣрно бѣ, умчали съ собой и развѣяли
прахомъ.
Но всемогущій отецъ, опасаясь того, заключилъ ихъ
Во мрачныхъ ущеліяхъ горъ, заслонивши огромно-
тяжелой
Грудою скалъ, и назначилъ царя, который умѣлъ
бы
Въ случаѣ нужды ихъ силой смирать, иль бразды
послаблять имъ.
Съ просьбой покорной къ нему обратилась въ то
время Юнона:

«Мощный! (тебѣ безсмертныхъ отцемъ и царемъ
человѣковъ
Власть вручена усмирять и смущать непогодою вол-
ны.)
Племя, враждебное мнѣ, плыветъ по Тирренскому
морю,
Къ берегу Италиі Трою неся, и изгнанныхъ Пена-
товъ:
Двигни же съ силою вѣтръ, и суда потопи въ без-
днахъ моря,
Иль размечи всѣ ихъ врозь и наполни трупами
волны.
Есть у меня четырнадцать Нимфъ красоты несрав-
ненной:
Всѣхъ же красою лица превзошедшую, Деіопею,
Въ руки тебѣ я предамъ и съ тобой съединю ее
бракомъ;
Пусть, за услуги твои, всѣ грядущіе годы прово-
дитъ
Вмѣстѣ съ тобой, и главой тебя сдѣлаетъ дивнаго
рода.»

Ей возражаетъ Эоль: «Размыслить о собственной
волѣ —
Дѣло, царица, твое; а мой долгъ — исполнять по-
вѣленья.
Ты мнѣ и царство и скиптръ и Зевса любовь да-
ровала,

Ты мнѣ доставила честь возлегать на пирахъ у без-
смертныхъ;

Власть надъ грозой и погодой моя чрезъ тебя же
дана мнѣ.»

Только сказалъ, и къ пустой внутрь горѣ обративъ
острый дротъ свой,

Грянулъ ей въ бокъ: и подобно устроеннымъ пол-
чищамъ, вѣтры

Въ выходъ отверзтый спѣшать и дыханіемъ выюги
подъемлютъ.

На море вдругъ налегли, и отъ нѣдръ сокровеннѣй-
шихъ разомъ

Роютъ его: и Эврѣ, и Нотѣ, и обильный грозою
дерзостный Афрѣ; ко берегу клубятся великія волны.

Всѣмъ раздаются и крики людей и скрипеніе вервий.
Черныя тучи отъ взоровъ Троянъ похищаютъ не-
запно

Небо и день: глубокая ночь взлегаетъ на море.

Полюсь гремитъ, и сверкаетъ эфиръ непрерывно
отъ молній;

Все угрожаетъ Троянскимъ мужамъ неминуемой
смертью.

Ужаса дрожь протрезвляетъ незапно Энеевы члены;

Тяжко вздохнулъ онъ, и обѣ руки простирая ко
звѣздамъ,

Такъ вопіетъ:» О трикраты и болѣе долей блаженны,
 Тѣ, кому въ отчихъ глазахъ, подѣ стѣнами высоки-
 ми Трои,
 Пастъ суждено! О храбрѣйшій изъ цѣлаго рода Да-
 найцевъ,
 Мощный Тидидъ, для чего я не могъ на поляхъ
 Иліонскихъ
 Съ прочими лечь, отъ десницы твоей испустивъ эту
 душу,
 Тамъ, гдѣ копьемъ Эакида неистовый Гекторъ низ-
 верженъ,
 Тамъ, гдѣ палъ Сарпедонъ, гдѣ въ волнахъ своихъ
 Сімоисъ столько
 Шлемовъ геройскихъ, щитовъ и тѣлъ благороднѣй-
 шихъ катитъ!»

Такъ онъ взывалъ; Аквилонъ въ этотъ мигъ, про-
 свиставъ, ударяетъ
 Въ парусъ съ другой стороны, и валы воздымаетъ
 до неба.
 Въ дребезги весла летятъ; тутъ корабль, обратясь,
 подставляетъ
 Бокъ свой волнамъ: отступаетъ назадъ сокрушен-
 ный холмъ водный.
 Тѣ высоко надъ пучиной висятъ; тѣмъ волна, раз-
 верзаясь,
 Дно открываетъ средь водъ: самый иль отъ вол-
 ненья мятется.

Три корабля захвативъ, Ночь ихъ мчить на сокры-
тыя скалы,
Скалы средъ водъ, отъ пловцовъ получившія ри-
фовъ прозванье,
Грозный хребетъ средъ морской глубины. Три дру-
гіе влекутся
Эвромъ къ безводнымъ мелямъ — и, о видъ сожа-
лѣнья достойный!
Тамъ сокрушаетъ онъ ихъ и подъ грудой песку по-
гребаеть.
Несшій Ликійцевъ корабль и ихъ вѣрнаго вождя
Оронта,
Въ самыхъ Энея очахъ поражается валомъ огром-
нымъ
Прямо въ корму: пошатнулась она, и склонившійся
кормчій
Падаеть внизъ головой, а корабль самъ, на мѣстѣ
единомъ
Трижды кружимый волной, поглощается водъ бы-
стрымъ яромъ.
Гдѣ - гдѣ замѣтны въ волнахъ, на обширной по-
верхности моря,
Доски судовъ, оружье мужей и сокровища Трои.
Иліонея дебелый корабль, и героя Ахата,
И на которомъ Абасъ плыль, и тотъ, что несъ стар-
ца Алета,
Бурей разбиты уже, и боковъ ослабѣвшею связью

Влагу враждебную черпаютъ всѣ сквозь разверзстыя
щели

Ропоть великій бунтующихъ волнь и распущен-
ныхъ вѣтровъ

Внялъ въ это время Нептунъ, и замѣтивъ, что от-
были воды

Съ самыхъ исподнихъ мелей, возмущился душой, и
въ пучину

Взоръ свой вперилъ, изъ-подъ волнь приподнявъ
безмятежный свой образъ:

Видитъ Энея разбросанный флотъ по пространству
морскому,

Видитъ Троилъ, тѣснимыхъ волнами и неба смя-
теньемъ.

Гнѣвъ и коварство Юноны не скрылись отъ брат-
ниныхъ взоровъ.

Эвра къ себѣ и Зефира зоветъ, и потомъ гово-
ритъ имъ:

«Вотъ ужъ куда завлекла васъ отважность вашего
рода?»

Вотъ ужъ, безъ воли моей, дерзаете небо и землю

Вы возмущать, поднимая на море такія громады?

Я васъ!... Но лучше сперва укротить разъярен-
ныя волны.

Впредь не такую цѣной заплатите мнѣ вы за это!

Прочь отлетайте скорѣй и царю своему донесите:

Власть надъ пучиной морской не ему, вмѣстѣ съ гроз-
нымъ трезубцемъ,

Мнѣ отъ судьбы вручена. У него есть огромныя
 скалы,
 Ваши обители, Эврѣ! пусть же дмится Эоль своей
 властью
 Въ царствѣ своемъ, и надъ замкнутой вѣтровъ тем-
 ницей владѣеть.»

Рекъ, и быстрой чѣмъ сказахъ, укрощаетъ опух-
 шія бездны,
 Гонитъ толпы собравшихся тучъ, и солнце выво-
 дитъ.
 Тутъ Кимотоя и съ нею Тригонъ, наперши, совле-
 каютъ
 Съ острыхъ утесовъ суда: самъ Нептунъ подмо-
 гаетъ трезубцемъ,
 И обнажаетъ обширныя мели, и море равняетъ
 Слѣдомъ легкихъ колесъ пробѣгая холмистыя воды.
 Словно, когда въ многолюдной народной толпѣ
 возстаетъ вдругъ
 Лютый мятежъ, и ничтожная чернь свирепствуетъ
 духомъ;
 Огнь ужъ и камни летятъ; доставляетъ оружія ярость:
 Если случайно тогда, по заслугамъ и доблести
 чтимый
 Явится мужъ, замолкаетъ толпа и свой слухъ на-
 прягаетъ;
 Онъ же рѣчами склоняетъ умы, и сердца умиляетъ.
 Такъ весь ревъ моря опалъ, когда на пучину ро-
 дитель

Взоръ устремилъ, и летя въ колесницѣ подѣ чистой
лазурью,
Правилъ конями, къ быстрѣйшему бѣгу бразды по-
слабляя.
Но утомленное войско Энея ближайшаго бѣрега
Тщится достигъ, и къ Ливійскимъ предѣламъ свой
бѣгъ обращаетъ.
Есть сокровенное мѣсто, гдѣ островъ, въ заливѣ ле-
жащій,
Вѣрную пристань сулитъ кораблямъ: сокрушаясь
объ островъ,
Волны морскія струятся потомъ въ заливъ углу-
бленный.
Грозныя скалы съ обѣихъ сторонъ и утесы двой-
ные
Высятся къ небу челомъ; безопасное море подѣ ни-
ми
Вѣчно молчитъ; а съ вершинъ ихъ встаетъ блестя-
щій кустарникъ
И густой мрачный лѣсъ съ ужасною тѣнью своею.
Прямо же противу нихъ, подѣ нависшей скалой есть
пещера;
Тамъ живые ручьи и лавки изъ дикаго камня
Нимфъ образуютъ пріютъ: здѣсь судамъ утомлен-
нымъ не нужны
Ни корабельный канатъ, ни якоря зубъ искривлен-
ный.

Семь кораблей, уцѣлѣвшихъ изъ флота всего, въ
эту пристань
Ввелъ прародитель Эней; и съ великой любовію къ
сушѣ
Тевкры стремятся съ судовъ, занимають желанную
землю
И отъ соли засохшіе члены на ней простирають...

Съ Латинскаго, М. Деларю.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

(ИЗЪ ДЕРЖТА.)

Сонетъ.

Какъ серебро нагорнаго каскада,
Летя съ скаль хрустальною дугой,
Твой круглый стихъ, какъ жемчугъ дорогой,
Шумить, кипить надъ сокомъ винограда!

Горды твоей разгульной лиры чада!
Ихъ не дерзнетъ воспѣтъ пѣвецъ другой,
Звукъ ревности подъ Вакховой ногой
Замретъ какъ свистъ, — вотъ дерзости награда!

Какъ аромать душистаго вина,
За пуншевымъ столомъ всегда слышна
Душа пировъ — твоя пѣснь удалая!

Въ ней какъ звѣзда на небѣ зажжена
Въ лучахъ горить студентовъ старина
Свободный пылъ и молодость былая!...

*

Держь.

БАЛЛАДА.

Во сыромъ бору могила
Съ буйнымъ вѣтромъ говорила:
Вѣтеръ, ты куда легишь,
Чей ты прахъ летя крутишь?

Вѣтеръ черный крестъ качаетъ
И могила отвѣчаетъ:
«Я до молодца лечу
Прахъ красавицы кручу!»

Въ небѣ ходятъ сини тучи,
Въ полѣ вьется прахъ летучій,
Свищетъ вѣтеръ, крестъ трещитъ,
Чу! въ плиту мертвецъ стучитъ!...

Дикимъ звѣремъ вдругъ завыла
Безутѣшная могила:

«Вѣтеръ, вѣтеръ не гуди,
Праха мертвыхъ не буди!»

Приутихла вѣтра сила,
Разступилася могила
И выходитъ наконецъ
Изъ могилы той мертвецъ...

Бродить мѣсяць, ходять тучи,
Вьется клубомъ прахъ летучій,
Стонетъ вѣтеръ, боръ гудить,
Мертвый на небо глядитъ...

Онъ рукой окаменѣлой
Поднялъ къ небу саванъ бѣлой,
И на мутныя глаза
Вышла черная слеза...

Свѣтитъ мѣсяць, бродягъ тучи,
Вьется клубомъ прахъ летучій,
Свищетъ вѣтеръ, боръ гудить,
Мертвый на небо глядитъ!...

Вотъ сорвался саванъ бѣлый
Хитрый трупъ оледѣнѣлый
Защатался, застоналъ
И склонясь на крестъ упалъ.

Прахъ истлѣвшій въ видѣ пыли
Разлетѣлся, и завылъ,
Наклонясь къ сырой землѣ,
Ели шаткія во мглѣ.

И какъ облако тумана
Долетѣвъ до Океана
Прахъ разсѣлся надъ волной
И покрылся глубиной...

Дерптъ,

*

ТРИ ПИСЬМА.

(Отрывокъ изъ путешествія по Россіи.)

1837 Августа 1.

ПИСЬМО I.

Любезный другъ, преданный по склонности и по обстоятельствамъ праздной дѣятельности, скитаясь какъ кочующій цыгань, подъ высокопарнымъ титуломъ путешественника по всѣмъ странамъ міра, я былъ заброшенъ судьбою и завезенъ почтовыми лошадьми въ Тамбовъ.—Вотъ, скажешь ты, послѣ писемъ твоихъ о Парижѣ, Голландіи, Кавказѣ, Бессарабіи и иныхъ прочихъ — что новаго нашелъ о Тамбовѣ, извѣстномъ только по своему бостону, биліарду, каламбуру Французовъ въ 1812 (tombeau)— и потому еще, что почтамты не рѣдко смѣшиваютъ его съ Тобольскомъ.

Объ немъ-то и буду говорить много любопытнаго; особенно если ты, несоблазняемый скромностію размѣровъ, ни громкими историческими именами—взглянешь на Тамбовъ взглядомъ Русскаго, увидишь въ немъ часть великаго цѣлаго, которое свѣтъ называетъ уже Русскимъ міромъ—а мы еще простодушно; матушкой Россіей! гордимся ею какъ своимъ отечествомъ! Да, славное въ древности: «я Римлянинъ!» насъ не удивляетъ. Съ тою же широкополной грудью, и мы говоримъ: «я Русскій!» И въ этомъ, еще не совсѣмъ знакомомъ ей звукъ, изумленная Европа уже разбираетъ и паденіе Карла, и гибель Наполеона, и миръ Европѣ, и покореніе Азіи до Евфрата, и Суворова побѣды на Альпахъ, и торжество Брюлова въ Италіи! Однимъ словомъ всѣ чудеса царствій Петра, Екатерины, Александра и Николая!

Россія точно счастлива, что хаосъ ея богатыхъ, Азійско-Европейскихъ элементовъ, былъ приведенъ въ порядокъ мыслію ея Монарховъ; мощной мыслію, подобной весеннему, благотворному солнцу, съ неприступной высоты изливающей и теплоту и свѣтъ, она оживила, возростила и развила подавленные силы младенца-исполина. Счастлива особенно въ сравненіи съ нѣкоторыми странами Европы, которыхъ древнее просвѣщеніе отсвѣчивается кровавымъ заревомъ волжановъ.—Да, Россія есть обширное поле, роскошная нива, глубоко браздимая гениемъ Монарховъ и щедро ими засѣваемая! И Тамбовъ, мнѣ кажется «не бесплодной дорогою, и не

твердымъ камнемъ»—гдѣ бы росли только мохъ и плевелы, но однимъ изъ благословенныхъ мѣстъ, гдѣ мысль привилась и обѣщаетъ вознаградить свѣтла обильной жатвою.

На чемъ же основаны эти предположенія; не есть ли это игра воображенія, или весьма извинительный порывъ губернскаго патріотизма? — На фактахъ и на сравненіи! «Имѣй очи да видить.» Я помню Тамбовъ 20 лѣтъ назадъ, и почти въ тѣхъ же обстоятельствахъ; съ тою разницею, что общество дворянское было многочисленнѣе, богатѣе, роскошнѣе; было болѣе, такъ сказать, гостепріимства и радушія, но занятія были вѣтренныя, легкомысленныя; карты, балы, собаки кружили всѣмъ головы; покупка, продажа, или обмѣнъ имѣнія — котораго часто ни продавецъ ни покупатель не знали—называлось «дѣломъ» по превосходству! Но ни одной общественной мысли не было въ ходу. Какая разница теперь! Правда, что всеобщее направленіе умовъ въ цѣлой Россіи другое: оно обращено на предметы общей пользы и народности, ибо миновался періодъ смягченія нравовъ посредствомъ общежитія. Отвлеченныя идеи о гражданственности, промышленности и пр. вышли уже изъ кабинета ученыхъ и дѣлаются достояніемъ всего общества. Это общее направленіе вездѣ, но въ Тамбовѣ многіе предметы еще бродящія идеями, въ головахъ всѣхъ — уже осуществились, приняли форму осязательную, приложены къ дѣлу: однимъ словомъ вступили въ кодексъ гражданственности.

Кромѣ улучшенной наружности города: его мостовой, гдѣ недавно еще тонули въ грязи; довольно правильной и красивой архитектуры домовъ; разведеннаго публичнаго сада; богатыхъ магазиновъ и обдуманнаго рода жизни нѣкоторыхъ помѣщиковъ — съ удовольствіемъ замѣчаешь, что мысль «общей пользы» сдѣлала большіе успѣхи. Изъ Тамбова пошла первая бумага, столь жадно принятая попечительнымъ правительствомъ: о прекращеніи черезполоснаго владѣнія; зло всѣми ощущаемое, и котораго главы, подобно гидрѣ, грозятъ безпрестаннымъ возрожденіемъ. Тамбовской Статистическій Комитетъ въ полномъ дѣйствіи, и съ знаніемъ дѣла собираетъ драгоцѣнныя свѣдѣнія и матеріалы; нѣкоторые уже извѣстны и публикѣ и министерству. Здѣсь учреждаются хозяйственные съѣзды для собранія и приведенія въ порядокъ мѣстныхъ агрономическихъ свѣдѣній. Мысль сотоварищества, обогатившая Англию, здѣсь понята, что доказывается нѣкоторыми проектами пошедшими въ ходъ. Приказъ Общественнаго Призрѣнія дѣйствуетъ на истинныхъ началахъ государственнаго кредита и сильно распространилъ свои операціи. Здѣсь образовалась гимназія; и уже утвержденный проектъ пансіона. Пожертвованы дворянствомъ значительныя суммы на институтъ для бѣдныхъ дѣвицъ. Наконецъ почти примѣрное дѣло въ Россіи: общественная бібліотека составила на акціяхъ — и заключаетъ уже 15.000 томовъ (отъ 1834 г.); тѣсное помѣщеніе ея ежедневно наполнено посѣгителями.

Я прїѣхалъ въ Тамбовъ въ самое благопрїятное время для моей наблюдательности: за мѣсяць до посѣщенія Государя Наслѣдника Цесаревича. Городъ былъ пустъ, но по немногу все собиралось: Предводители для совѣщаній о принятїи Августѣйшаго небывалаго Гостя; дворянство по тому же предмету и для ярмарки, на которую дѣятельно готовилось купечество. Тутъ же былъ назначенъ недавно открытый бѣгъ рысистыхъ лошадей, весьма занимавшій заводчиковъ. Готовилась также выставка произведеній губерніи, въ силу предписанія министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которое тебѣ извѣстно. Мысль благодатная, точное исполненіе которой ознакомитъ Россію съ своею производительностью; разовѣетъ собственные ея источники; откроетъ богатства доселѣ невѣдомыя, и можетъ дать истинное направленіе ея промышленности. Планъ данный министерствомъ обдуманъ глубоко—и весьма обширный; съ нѣкоторой опытностью и догадкой въ него можно включить все. Хорошо сдѣлано, что изыскать средства исполненія возложено на мѣстныя начальства и даже на общество; ибо успѣхъ и устройство выставки, послужатъ мѣриломъ промышленнаго образованія первенствующаго общества въ губерніи.

Но возвратимся къ Тамбовской выставкѣ. Ее казалось легко сдѣлать, если общество въ эту мысль вникнетъ и ею займется; но въ этомъ-то все и дѣло! Кто можетъ въ этомъ поручиться? Кто знаетъ у насъ въ губерніи, общее мнѣніе? Какой его органъ? Тамъ гдѣ оно выражается журналами, газе-

тами, литературою—и тамъ трудно добраться до настоящаго мнѣнія, но по крайней мѣрѣ возможно. Но какое для сего средство въ провинціи, обширностью равной Баварскому королевству, гдѣ дворянское общество малочисленно, разсыяно по маленькимъ городкамъ или по своимъ деревнямъ и безъ всякаго почти между собою сношенія! Какъ примутъ они мысль выставки? Купцы, фабриканты, ремесленники, хотя болѣе знакомые съ сей мыслью, по существу своихъ занятій, рѣшатся ли дѣйствовать по своему, или пойдутъ за дворянствомъ? Одни и большая часть, вѣроятно ничего не пришьютъ подъ благовиднымъ предлогомъ, что ничего нѣтъ чрезвычайнаго; какъ будто выставка дѣлается изъ необыкновеннаго; это не кабинетъ рѣдкостей. Другіе изъ худо направленнаго самолюбія, что ихъ издѣлія хуже сосѣдскаго, постараются ничего не выставить. Къ тому же не имѣли и не могли имѣть вѣрнаго понятія о развитіи промышленныхъ силъ губерніи: всѣ ея произведенія видѣли только по частямъ и разбросанныя, нигдѣ и никогда вмѣстѣ, и всѣ почитали ее бѣдною. Сверхъ этаго не было ни помѣщенія, ни прислуги, ни денегъ. Установителемъ выставки назначили знакомаго мнѣ человека, который понималъ всѣ эти трудности и никакъ не надѣялся ихъ преодолѣть: «впрочемъ не боги горшки обжигаютъ» приговаривалъ онъ. Цѣлый мѣсяць собиралась выставка: дворянство отдало подъ нее свой клубъ съ услугою и съ обширнымъ дворомъ, на которомъ предположено было выставить животныхъ богатаго скотоводства губер-

нія. Купцы: П. Г. Суворовъ, К. К. Гундобинъ, Прокунинъ, Кожинъ пожертвовали небольшими суммами на необходимыя издержки. «Слава Богу,» сказалъ мнѣ однажды директоръ «не знаю будетъ ли богата наша выставка, или нѣтъ; богатство вещь относительная и зависитъ не отъ насъ. Я въ этомъ отношеніи не сравнивалъ Тамбовской губерніи съ другими; пока, это—вещь невозможная: мы не имѣемъ ни достаточныхъ для сего документовъ, ни данныхъ; послѣ выставокъ—это другое дѣло! Но наша выставка будетъ правдою! Мы ничего не утаимъ и выставимъ, какъ говорится, все «отъ кедрѣ до исона!» Насъ поняли: заводчики шлютъ свой скотъ; фабриканты свои произведенія; помѣщики свои продукты; даже дамы выставляютъ издѣлія своихъ досуговъ, которыя всюду разсѣяны, но въ массѣ представляютъ одну изъ огромнѣйшихъ фабрикацій. А вотъ лучшее доказательство, какъ общество вникнуло въ мысль министерства: посмотри глубокой слой черноземной почвы, нынѣ намъ присланный. Догадались, что подобное богатство, которому Таеръ вѣрить не хотѣлъ, не есть вещь обыкновенная! Однимъ словомъ мы не совсѣмъ похожи на д'Аламбертову мамку; и съ сей поры успѣхъ выставки не подлежитъ никакому сомнѣнію! Чего не сдѣлаешь съ подобнымъ обществомъ?»

Между тѣмъ комитетъ по выставкѣ дѣйствовалъ дѣятельно: огромная переписка по всѣмъ частямъ губерніи, какъ съ должностными такъ и частными

лицами, производилась; для пріема вещей завели приходныя и расходныя книги, куда всякая вещь вписывалась подъ № до возвращенія или продажи: ибо выставка объявила принятое вездѣ правило, продавать вещи желающимъ, по выставленной цѣнѣ. Реестръ подробный вещамъ составлялся; краткое описаніе выставки сочинялось и печаталось въ губернской типографіи. Я пошлю тебѣ особенно это описаніе выставки, гдѣ всѣ главныя статистическія свѣдѣнія были приняты въ соображеніе; всѣ производительныя силы губерніи обозначены, и выставка являлась чѣмъ и быть должна: «сокращенной таблицей всѣхъ произведеній края въ лицахъ.» — Такъ понялъ комитетъ мысль министерства о выставкахъ.

Думали сначала классировать предметы по гражданскому раздѣленію, какъ-то: на земледѣліе, скотоводство, мануфактуры и смѣсь; но скоро замѣтили неудобство сего порядка, и рѣшились придерживаться ученаго раздѣленія министерства, прибавивъ только пятый классъ, художественный. Впрочемъ планъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ объ учрежденіи выставокъ, столь обдуманъ и столь обширную представляетъ раму въ краткихъ словахъ, что достаточно его понимать и въ точности исполнять.

Въ скоромъ времени приготовили залы; нивелировали дворъ; поставили коновязи и отдѣлы для животныхъ; всѣ вещи были почти собраны и назначили репетицію: всѣмъ этимъ не много поспѣ-

шали по случаю проѣзда министра Юстиціи, которому захотѣлось взглянуть на выставку.—Но опишу тебѣ не репетицію, а самую выставку, за два часа до посѣщенія ея Великимъ Княземъ, когда осматривалъ ее К. И. А. . . . ъ, которому мы обязаны нынѣшнимъ движеніемъ статистическихъ работъ. Но отложу до слѣдующаго письма.

П И С Ъ М О II.

Я спросилъ у директора какой порядокъ онъ принялъ въ разстановкѣ вещей, и вотъ что онъ мнѣ сказалъ: «Прежде нежели отвѣчать мнѣ удовлетворительно на твой вопросъ, надобно тебѣ дать предварительное понятіе о правилахъ, которыми вообще комитетъ руководствовался. 1) *Ничего не отказывать*, потому что комитетъ не судья; корить и хвалить т. е. судить—есть должность общества, которую оно хорошо исполнить можетъ тогда только, когда все увидитъ и все сравнитъ. Всякой предметъ достоинъ выставки потому уже, что существуетъ; отказавъ же повидимому ничтожную вещь, можно лишиться десяти хорошихъ. Къ тому же въ природѣ и системѣ одинъ предметъ важнѣе другаго, но совершенно ничтожныхъ нѣтъ: главное чтобъ всякой стоялъ на своемъ мѣстѣ.—2) Хотя губернія обилуетъ фабриками, заводами и даже рудами, но главное ея богатство—скотоводство и земледѣліе, и потому, *наружности выставки необходимо со-*

хранить сей господствующій характеръ губерніи.

3) *Всѣ предметы выставить во всѣхъ степеняхъ производительности: отъ колоса до печенаго хлѣба; отъ корня свекловицы, до совершеннѣйшаго издѣлія кандитерства; отъ животнаго, до шали изъ его шерсти или пуху вытканнаго, и пр.*

4) *Отстранить всякую роскошь украшеній, не принадлежащую къ выставляемымъ предметамъ, чѣмъ соблюдется экономія общественныхъ денегъ, на которыя всегда не худо скупиться.»*

Послѣ этаго предисловія мы подошли къ обширному двору выставки, который расчистили, обвели дорожками, усыпали пескомъ. 30 жеребцовъ стояли въ своихъ коновязяхъ и при каждомъ—конюхъ, остриженный въ кружокъ и въ Русскомъ нарядѣ. Мудрено было рѣшить кому отдать преимущество: необыкновенно ли красивымъ статямъ лошадей завода г-жи Полтавцевой, гигантамъ ли съ Азіятской кровью графа Кутайсова, или сильнымъ, рысистымъ конямъ г. Воейкова. Въ сторонѣ, запряженный въ бѣговые дрожки, стоялъ извѣстный Лебедь, окруженный семью серебряными кубками. Конь Гіерона, побѣдитель Олимпійскій, воспѣтый Пиндаромъ не былъ горделивѣй и прекраснѣй! Сравненіе едва ли дерзкое, когда вспомнишь, что вся Греція была гораздо поменьше Тамбовской губерніи.

Вправо, противъ лошадей, на зеленомъ дернѣ расположено было прекраснѣйшее стадо изъ шести коровъ (завода г-жи Андреевской); главой и повелите-

лемь ихъ былъ огромный быкъ. Выраженіе спокойной безмятежной силы рогатаго богатыря живописно контрастировало съ рьяными порывами гордыхъ жеребцовъ.

Дальше стояло стадо мериносовъ, весьма недавно еще, достояніе одной Испаніи и гораздо драгоценнѣе было оно для нее Мексиканскихъ и Перувианскихъ рудниковъ! А теперь шерсть Тамбовскихъ стадъ передѣлывается на ряду съ Инфантадо на Манчестерскихъ прядильняхъ. Какъ это сдѣлалось? очень просто: пришла мысль Петру—а что Ему въ голову не приходило?—подкрѣплена Александромъ, предоставлена Россіи; и съ нашими Заволжскими и Новороссійскими степями, и съ неутомимымъ рвеніемъ помѣщиковъ ко всѣмъ улучшеніямъ, намъ не опасна даже Новая Голландія, куда Англичане ежегодно отправляютъ и отборныя стада, и колонистовъ, и значительные капиталы. Золотое руно и съ Колхидою у насъ въ рукахъ!

Возлѣ овецъ, заключая классъ животныхъ, находилась свинья Англійской породы безъ щетины, сей необходимой потребности щегольства; Русскія свиньи сохранили пока монополію въ Европѣ: Англійскія чисты, а наши чистятъ. Ростомъ и дородствомъ выставленная свинья могла бы поспорить съ вепремъ Каледонскимъ, и безъ сомнѣнія соблазнила бы Тараса Скотинина.

У самага входа расположены были земледѣльческія орудія, какъ вообще употребительныя такъ и

Посрединѣ залы, столы составляли покой уставленный произведеніями царства исконаемаго со всѣми принадлежностями.

Машины вновь изобрѣтенныя на многочисленныхъ фабрикахъ Тамбовской губерніи, занимали особенное отдѣленіе: кругомъ ихъ лежали половинки солдатскихъ и тонкихъ суконъ; народныя ткани, крашеная пряжа; мѣховыя издѣлья и руны тонкошерстныхъ стадъ.

Въ послѣдней комнатѣ были: кожа, юфть, рогожи, сало, деготь, воскъ; домашніе сыры, трюфели Шацкого уѣзда и пр.

Произведенія класса художественнаго были разсыяны по всѣмъ отдѣленіямъ и служили не малымъ украшеніемъ выставкѣ.

Но чтожь было особенно замѣчательнаго? Я уже разъ сказалъ, что выставка не есть музеумъ рѣдкостей. Въ Москвѣ, въ Петербургѣ, куда стекается все — должно быть чрезвычайное и превосходное; а въ губерніи замѣчательно должно быть цѣлое. Выставка есть статистическій урокъ Россіи; сумма всѣхъ губернскихъ выставокъ составитъ полный курсъ.

Впрочемъ замѣчательнаго было много: въ растительномъ классѣ то, что хлѣбныхъ зеренъ производится по нынѣшнимъ низкимъ цѣнамъ на 100 м. р.,

а въ голодномъ году (1833) губернія произвела по самымъ умѣреннымъ расчетамъ на 500 м. р. Эта статья конечно заслуживаетъ своего представителя на губернской выставкѣ. А въ частности нельзя не обратить вниманія на новыя породы хлѣбовъ, разводимыя въ видѣ опытовъ, каковы: Сирийская рожь, Гималайской ячмень, голый овесъ, Американская лебеда, Сибирская греча, не боящаяся! мороза(?), который такъ безжалостно, въ Юль, уничтожилъ почти весь посѣвъ обыкновенной.

Въ царствѣ ископаемомъ замѣчательны произведенія купоросныхъ и сѣрныхъ заводовъ — купцовъ Прокунина, Гундобина и Попова; богатая руда свинцовая! ими же открытая и тѣмъ болѣе любопытная, что свинцовой руды мало въ Сибири, немного въ Англіи — и кажется вовсе нѣтъ въ остальной Европѣ. Есть въ этой рудѣ и признаки серебра, но въ столь маломъ количествѣ, что едва-ли заслуживаютъ какого вниманія. Кости гигантскихъ животных — будто допотопныхъ — но въ самомъ-ли дѣлѣ? Странно, что онѣ попадаются весьма часто, не только по всей Россіи, но и во всѣхъ странахъ знаемаго міра.

Мануфактурный классъ отличался разнообразіемъ и превосходной отдѣлкою нѣкоторыхъ статей: тутъ были издѣлія огромныхъ и многочисленныхъ чугуновыхъ заводовъ; 4-хъ заводовъ свекловичный сахаръ, изъ котораго выставлена была большая конфектная пирамида; картофельная патока завода Огарева, еще

не бывала въ губерніи. Чрезвычайно тонкія и отлично отдѣланная полотно, батистъ и скатерти; шерсти Ангорскихъ козъ, которыхъ взялась акклиматировать К. Гаг...а; шали и каймы изъ козьяго пуху К. В...й. Въ машинномъ отдѣленіи привлекали вниманіе: двѣ пильныя машины; одна для сученія покровокъ; и одна для накальванія кардъ.— Всѣ четыре вновь изобрѣтенныя съ весьма упрощеннымъ механизмомъ. Первыя три г. Беланже на фабрикѣ Л...ъ; а послѣдняя на фабрикѣ г. Полторацкаго, крѣпостнымъ его механикомъ. Многіе ковры отличались добротою и вкусомъ какъ-то: П.б...ъ; и М...ъ; но особеннаго вниманія заслуживалъ бархатный коверъ на оба лица на манеръ Персидскихъ г. П...а.

Классъ художественный былъ не многочисленъ—но не мало украшалъ выставку: особеннаго замѣчанія заслуживалъ портретъ Наслѣдника на финифти сдѣланный дворовымъ человѣкомъ г-жи Андреевской; серебряный въ четыре пуда канделябръ, ея же художникомъ исполненный; иконостасная рѣзьба золоченая самоучьки Наумова и нѣкоторыя масляныя картины.

Выставка заключалась глыбой черноземнаго слоя въ 1 ар. 8 вер. толщины—и который покрываетъ почти $\frac{1}{3}$ Тамбовской губерніи. Существованію подобнаго богатства Таеръ вѣрить не хотѣлъ: «говорятъ» такъ выражается онъ въ извѣстномъ сочиненіи своемъ о Рациональномъ Хозяйствѣ, «что въ Венгріи и Малороссіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, слой чернозе-

ма глубиною въ два фута; но у насъ въ Германіи ничего похожаго не видно.»

Предметы въ задней комнатѣ находившіеся какъ-то: рогожи, сало, мыло и пр. были отличной доброты и свойства, но признаться надобно, что не всегда таковы въ продажѣ, чему доказательствомъ служить и то, что ихъ по выставленной цѣнѣ — тотчасъ всѣ раскупили.

Вотъ общій обзоръ всей выставки; теперь скажу тебѣ свои выводы и заключенія: растительный классъ отличился своимъ обиліемъ; дѣломъ плодороднѣйшей почвы, щедраго неба—и множества рукъ которыя, пока, ничемъ кромѣ земледѣлія, заняться не могутъ; потому-то вѣроятно, искусство тутъ еще въ младенчествѣ. Нѣтъ охоты, нѣтъ страсти, нѣтъ пожертвованій; немногія, еще отдѣльныя лица, опереживающія потребности настоящаго, занимаются этой отраслью, которая ожидаетъ духа сообщества.

Со всѣмъ другое въ классѣ животномъ; тутъ заводчики во первыхъ, не опасаются конкурса толпы и неблагоприятной погоды; во вторыхъ видна мысль, охота, капиталы и трудъ; ибо и то и другое вознаграждается. И потому вообще заводы доведены до высокой степени превосходства.

Классъ мануфактурный въ этомъ отношеніи отсталъ: разнообразія много, что означаетъ предприимчивость — но превосходство еще впереди. Изъ 16 суконныхъ фабрикъ только одна занимается произ-

водствомъ тонкихъ суконъ — и то окончательно отдѣльваетъ ихъ въ Москвѣ, вѣроятно потому, что губернія еще бѣдна вспомогательными способами. Лучшіе механики и технологи въ губерніи пока — иностранцы. И вообще мануфактурная часть требуетъ значительнѣйшихъ капиталовъ, бѣльшаго искусства, разнообразныхъ, основательныхъ и положительныхъ свѣденій; въ добавокъ характера трудолюбиваго и постояннаго — который можетъ быть есть не что иное какъ слѣдствіе всего предыдущаго. Самое состояніе общества нашего не совсѣмъ вознаграждаетъ необходимые труды и пожертвованія. Изъ заводовъ и фабрикъ благоденствуютъ только тѣ, которые имѣютъ дѣло съ казною, какъ-то: фабрики солдатскихъ суконъ и винокуренные заводы: за то ихъ произведенія достигли желаемаго превосходства.

Мимоходомъ упомяну только о заводахъ сахарныхъ: эта совершенно новая промышленность вѣроятно вознаградитъ современемъ всѣ пожертвованія, но по сію пору никто еще себя не учелъ. Все что теперь сказать можно, это то, что сахаръ изъ свекловицы дѣлается и хорошо и выгодно; что уже много; но свекловица часто измѣняется, а выгоды большихъ трудно ожидать, доколь не будетъ она продаваться на рынкахъ, какъ картофель. Впрочемъ это дѣло одного времени; пожелаемъ только терпѣнія лицамъ, а обществу и государству успѣхъ вѣрный!

Нѣкоторые роскошные предметы домашняго издѣлія, какъ-то: ковры, каймы шальныя, пуховыя

шали; кружева, шитье; полотно и проч. доказываютъ необыкновенную мануфактурную способность нашего народа и вкусъ помещиковъ къ занятіямъ. Но повторить надобно, что всѣ эти опыты даже удачные, есть не что иное какъ произведеніе прихоти богатыхъ, и дотолѣ не соберутся въ фабрики—доколѣ общество наше не въ состояніи будетъ вознаградить употребленный трудъ и капиталъ. На иные предметы дѣйствуетъ случайность моды, которую въ губерніяхъ не всѣ имѣютъ возможность звать, и которая сама находится подѣ вліяніемъ обстоятельствъ. Вотъ примѣръ: Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ на выставкѣ изволилъ купить палатинъ изъ индѣчьяго пуха Г. Х...й, очень похожій на *chinchilla* иностранный; на другой день многіе бросились заказывать такіе же, хотя десять лѣтъ эти мѣха дѣлаются у Г. Х...й—и одинъ былъ съ Московской выставки взять для Государыни Императрицы, но объ этомъ почти никто не зналъ—и никакъ не воображали, чтобъ изъ индѣекъ могло выдти что порядочное, кромѣ жаренаго.

Отъ класса художественнаго мудрено многого ожидать въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ отъ обѣихъ столицъ; довольно и того что есть стремленіе. При случаѣ и благопріятныхъ обстоятельствахъ, эти возвышенные порывы къ изящному могутъ развернуться съ блескомъ, который трудно принимается на нашей сѣверной почвѣ: предоставимъ пока эту славу Италиі и столицамъ.

Но полно: ты имѣешь теперь о Тамбовской выставкѣ такое понятіе, какое я могу только тебѣ представить въ краткомъ обзорѣ. Хочешь большаго, подробнѣйшаго, основательнѣйшаго, толковитаго — потрудишься просмотрѣть напечатанный каталогъ съ статистическими поясненіями и реестръ вещамъ.

P.S. Совсѣмъ было забылъ поговорить съ тобою о недавно открытомъ бѣгѣ; бѣги теперь въ Россіи не одну пустую забаву составляютъ — но приняли свойственный имъ характеръ пользы. Постигли, что наружная красота лошади есть вещь условная; дѣло вкуса и привычки, неимѣющее никакого прочнаго общаго основанія и о которой всякому позволительно имѣть свое мнѣніе. Истинное же значеніе красоты столь разнообразно-полезнаго животнаго должно бы заключаться въ чемъ нибудь положительномъ. Существенныя достоинства всякой лошади есть сила, огонь, покорность; всѣ наружные признаки, или стати, заставляющіе предполагать присутствіе этихъ качествъ — должны быть признаны красотою — и даже совершенствомъ, если они находятся въ совокупности; такъ, что красоту наружнаго должно почитать не иначе какъ итогомъ внутренняго достоинства лошади. Сила — обозначается быстротою и неутомимостью; огонь обличаетъ породу и проявляется бодростью; покорность необходима для способности къ ѣздѣ. Скачка и бѣгъ — могутъ только раскрыть эти разнородныя свойства лошадей, и какъ пробирный камень сотрутъ позолоту съ свинца, и въ новомъ

блескъ явятъ золото. Бѣгъ есть также выставка, гдѣ коннозаводская промышленность должна явиться въ послѣдней степени своего развитія.

ПИСЬМО III.

Но вотъ наступилъ день торжественный, желанный! Прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что Наслѣдникъ Цесаревичъ вечеромъ будетъ. Съ 4-хъ часовъ послѣ обѣда загудѣли колокола; духовенство стройнымъ чиномъ потянулось въ соборъ; народъ толпами окружалъ храмъ, волнуясь какъ море, быстрые экипажи неслись по всѣмъ улицамъ.

Цесаревичъ пріѣхалъ уже поздно и прямо во дворецъ: городъ ярко освѣтился, колокола не умолкали, радостное: «ура!» оглашало воздухъ, — весь городъ былъ въ движеніи — которое затихло далеко за полночь: съ раннимъ утромъ все опять закипѣло.

Государь Цесаревичъ послѣ выхода поѣхалъ въ соборъ, оттуда въ богоугодныя заведенія и публичную бібліотеку. Народъ всюду стремился за нимъ — но не успѣвалъ за Его экипажемъ; когда же Наслѣдникъ вышелъ пѣшкомъ у обширнаго двора выставки — надобно было видѣть, что такое сдѣлалось: ни одна крѣпость Суворовскимъ штурмомъ братая — не была съ такимъ рвеніемъ осаждаема. Ограду повали-

ли, заборъ разобрали; лезли черезъ стѣну, на кровли, тѣснились и волновались между коновязями жеребцовъ и быковъ—безъ страху, безъ осторожности: одно чувство восторга всѣхъ оживляло!

О Царь! высокую мысль Твою поняли. Твой Царевичъ — обручается съ Твоей Россіей! Съ какимъ радостнымъ вниманіемъ всѣ взоры были въ Него вперены: каждый читалъ на Его возвышенномъ челѣ, славную будущность Россіи — благоденствіе которой столь глубоко и прочно основано.

Величественно шелъ царственный юноша: съ какимъ благоговѣніемъ раздвигались передъ Нимъ волны народа. Взоръ ясный, открытое чело, высокой ростъ, пріветливая улыбка съ царственной осанкою, напоминали намъ и кровь Славянъ, и величіе Отца, и красоту Матери: Онъ предсталъ Россіи символомъ всего прекраснаго въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ!

Онъ шелъ не суетнымъ блескомъ и пышностью окруженный—но представители поэзіи, науки, воинскихъ и гражданскихъ доблестей Его сопровождали: вмѣстѣ съ искренними чувствами преданности.

На выставкѣ Государь Цесаревичъ съ величайшимъ вниманіемъ вникалъ во всѣ подробности производствъ; какая точность и опредѣлительность въ вопросахъ! какая наблюдательность въ замѣчаніяхъ и сравненіяхъ! какой широкій объемъ пространнаго поля промышленности!

Всѣ машины приводилъ въ движеніе; разговаривалъ съ фабрикантами и ремесленниками; дѣлалъ сравненія со всѣмъ Имъ видѣннымъ! Наконецъ остановясь у черноземнаго слоя, показалъ на рядъ сноповъ убравшихъ залу и на руны тонкой шерсти, и сказалъ: «Вотъ ваши главные богатства». Да, это истинныя богатства наши, дарованныя щедрымъ небомъ и заботливостью Монарховъ нашихъ: намъ остается только упрочить ихъ на вѣки своимъ просвѣщеннымъ трудолюбіемъ!

Послѣ обѣда Цесаревичъ отправился на бѣгъ; и, осмотрѣвъ камеру засѣданій, занялъ мѣсто въ приготовленной для Него галлерей; для многочисленной публики была другая. Весело было смотрѣть—какъ на обширномъ полѣ, на трехъ ристалищахъ разомъ неслись сильные и быстрые кони, вздымая облака пыли.

Вечеромъ загорѣлась опять роскошная иллюминація противъ оконъ дворянскаго собранія, гдѣ давали балъ. Входъ въ домъ собранія превращенъ былъ въ гротъ: свѣжій дернъ, благоуханіе цвѣтовъ, сѣнистыя деревья — манили нѣгой и прохладой! Танцевальная зала построенная въ родѣ древнихъ базиликъ — и похожая на Московскую — отличалась своей величественной простотою: огромные размѣры; длинные ряды стройныхъ колоннъ увѣчаныхъ акантомъ; блистательная бѣлизна стѣнъ, яркое освѣщеніе и въ рѣзной золотой рамѣ подъ бархатнымъ виссономъ портретъ Императора! и

среди всего этаго роскошные наряды красавиць, кружащихся въ быстрыхъ вальсахъ и кадрилихъ, изумляли своимъ эффектомъ. Хоры унизаны были зрителями и снаружи зала стѣснена была народомъ, который въ широкія окна жадничалъ взглянуть — «хоть еще разъ на Него!»

Глазъ не спускали съ Царевича, который танцовалъ много, весело; привѣтливая улыбка играла на устахъ Его, отражалась счастьемъ во всѣхъ сердцахъ. Онъ былъ душою праздника, который съ Его удаленіемъ вдругъ затихъ, — какъ будто что отлетѣло!

На другой день, передъ отъѣздомъ Государь Наслѣдникъ слушалъ молебенъ въ Соборѣ: съ какимъ умиленіемъ сынъ Царей, преклонивъ главу передъ крестомъ, принялъ напутственное благословеніе отъ пастыря!

И Россія велегласно повторить тоже: «Гряди благословенъ во имя Господне!» Да встрѣтятъ Тебя всюду, на блестящемъ и трудномъ поприщѣ Провидѣніемъ Тебѣ открытомъ — какъ встрѣчала Россія. Она какъ мать радушная раскинула предъ Первенцемъ Царя своего, несмѣтныя сокровища въ нѣдрахъ ея затаенныя — и преклонила передъ Тобою неисчерпаемый фіаль любви!

Ново-Узенскій помѣщикъ Я. Караманскій.

ЗЕЛЕНЫЙ ЦВѢТЬ.

Прелестно небо голубое,
Изъ водъ изтканное Творцомъ,
Пространнымъ, блестящимъ шатромъ
Оно простерто на землѣю.

Все такъ! но мнѣ милѣй
Зеленый цвѣтъ полей.

Прелестна роза Кашемира!
Весной, въ безмолвіи ночей,
Поетъ любовь ей соловей,
При тихомъ вѣяньи зефира.

Все такъ! но мнѣ милѣй
Зеленый цвѣтъ полей.

Прелестны блѣдно-сини воды!
Въ кристаллѣ ихъ — и сводъ небесъ,

И дремлющій въ прохладѣ лѣсъ,
И блескъ весення природы.

Все такъ! но мнѣ милѣй
Зеленый цвѣтъ полей.

Прелестна лилія долины!
Въ одеждѣ брачныя четы,
Какъ кроткій Ангель красоты,
Цвѣтетъ въ пустыняхъ Палестины.

Все такъ! но мнѣ милѣй
Зеленый цвѣтъ полей.

Прелестны жатвы полевья!
При яркихъ солнечныхъ лучахъ,
Они волнуются въ поляхъ,
Какъ будто волны золотыя.

Все такъ! но мнѣ милѣй
Зеленый цвѣтъ полей.

П. Ершовъ.

КОЛЬЦО съ БИРЮЗОЮ.

Камень милый, бирюзовый,
Ненаглядный цвѣтъ очей!
Ахъ! зачѣмъ мой милый камень,
Ты безвременно потускъ?
Я тебя ли не лелѣялъ?
Я тебя ли не берѣгъ?
Что жь по прежнему не свѣтишь?
Что не радуешь очей?
Ахъ! я слышу, ахъ! я знаю,
Милый камень, твой отвѣтъ:
«Скоро, скоро насъ оставить
«Незабвенный ангелъ нашъ.
«Свѣтъ очей ея небесныхъ
«Освѣщаль меня собой,
«И дыханье устъ прелестныхъ
«Оживляло красотой!»
Ты померкни, ты потускни,

Камень милый, дорогой!
Распаяйся, разломися,
Ты, — завѣтное кольцо!
Что мнѣ кольца, что мнѣ камни,
Если нѣтъ со мной ее?
Съ ней и радость, съ ней и счастье!
Безъ нея мнѣ жизнь не въ жизнь!

И. Ершовъ.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (*).

Въ срединѣ Русской земли, тамъ, гдѣ лежатъ тяжелою грядою на ея поляхъ Алаунскія горы, былъ вдревлѣ пріютъ для народа, любившаго кочевать раздольно. Крутые берега Оки сторожили этотъ пріютъ отъ сѣвера, за которыми жили Славянскія племена; къ югу отъ Оки, за темными лѣсами, широко расширялась долина, по которой текли воды рѣки Упы. Надъ долиною возвышался хребетъ, опоясанный съ одной стороны рѣкою Плавою, а съ другой Задонскими степями, гдѣ жили Казары и Поляны. На южномъ уголку этаго хребта спокойно колыхалось Иванъ - озеро, мутное и круглое какъ Татарская яндова. Къ югу изъ этаго озера вытекалъ небольшой ручеекъ, воды котораго, протекая по Задонскимъ степямъ, называлъ кто-то Домомъ, а на сѣверъ изъ него же бѣжалъ Шагъ.

(*) Изъ второй части Исторіи Общественнаго образованія Тульской губерніи.

На востокъ и на западъ текла та же Ока, были лѣса, рѣки, жили Славяне - Кривичи и Чудь, за ними бродили Варяги.

Дикъ и ужасенъ былъ пріютъ за Окскими берегами; но пришлецъ изъ Азіи полюбилъ его, построилъ хижины, развелся пажитьми и, чрезъ двѣсти лѣтъ своей извѣстности, исчезъ съ лица земли отъ руки сильнаго. Властелинъ его пріюта, Русской человѣкъ захозяничалъ въ немъ по своему: порубилъ лѣса, провелъ дороги, заселилъ своихъ земляковъ по городамъ и селамъ, и зажилъ совершенно Русскою жизнью. Спустя много лѣтъ послѣ такого хозяйства, Русскіе люди назвали свой пріютъ, со всѣми городами, селами, лѣсами и рѣками: *Тульскою губерніею*.

Исторія Тульской губерніи не такъ древна, какъ міръ, и дѣла ея жителей не такъ важны, какъ дѣла всего Русскаго народа; но люди и земля этой губерніи, волею и неволею, втерлись въ Русскую исторію, и какъ участники ея дѣлъ, радостно живутъ въ народной памяти и важно говорятъ въ книжныхъ сказаніяхъ.

Поля Тульской губерніи, бывшія вдревле пріютомъ для Азійскаго пришельца, теперь родиною Русскаго человѣка, оживились двумя гражданскими обществами: *Азійскимъ* и *Русскимъ*. Азійскій дикарь и просвѣщенный Европеецъ выражаютъ собою главную идею гражданской жизни, полный кругъ общественнаго образованія Тульской губерніи.

Въ продолженіи осьми вѣковъ человѣческой жизни, совершались событія, приготовлявшія для будущаго двѣнадцать городовъ, полныхъ жизнью и дѣятельностію. Гдѣ жилъ въ шалашѣ Азіійскій пришлецъ, тамъ, какъ мы сказали, Русской завелъ свое хозяйство, развелся семействомъ, настроилъ сель и городовъ. Въ этихъ городахъ, въ этихъ селеніяхъ поселились люди разныхъ сословіи и, какъ люди особенные по своимъ характерамъ, составили свою жизнь городскую, свою жизнь слободскую, свою жизнь сельскую.

Тульская городская жизнь является въ трехъ отдѣльныхъ видахъ: въ жизни *старой* городской, управляемой во благо всемогущею волею великаго князя; въ жизни *зависимой* отъ удѣльныхъ князей, въ явленіи временномъ, двухъ-вѣковомъ; въ жизни *новой*, управляемой въ духъ Самодержавія и Православія.

Слободская жизнь Тульскихъ городовъ, существовавшая въ своихъ особенныхъ правахъ, составляла самый дѣятельный, ремесленный классъ народа.

Жизнь сельская, подчиненная боярамъ, дворянамъ, лицамъ духовнымъ, представляла самую трудолюбивую Русскую дѣятельность, вѣрную опору отчизны, рать временную для походовъ.

Жизнь городскую составляли: духовные, бояре, дворяне, дѣти боярскіе, и люди посадскіе. Во всѣхъ

трехъ видахъ этой жизни они участвовали: въ дѣлахъ военныхъ, судопроизводствѣ, промышленности, въ изученіи наукъ, знаній, искусствъ. Каждое сословіе имѣло свои права, свои преимущества.

Жизнь слободскую составляли: люди слободскіе, окружившіе своими селеніями города, занимавшіеся искусствами, торговлею. Таковы были: гончары, оружейники, ямщики.

Жизнь сельскую составляли: помѣщичьи крестьяне, монастырскіе служки и крестьяне бѣлопашцы, бобыли.

Въ этихъ разныхъ данныхъ совершалось общественное образованіе Тульской губерніи. Событія древнихъ лѣтъ, дѣла и люди укажутъ намъ вѣрный взглядъ въ обзорѣніи оной. Дѣла старой жизни нераздѣльны отъ новой; ибо тамъ, гдѣ одна начинала только измѣняться, приготовлялась уже другая. Въ такомъ только сравнительномъ изученіи мы можемъ преслѣдовать общественное образованіе. Въ непонятной жизни Азійскаго пришельца мы увидимъ образованіе Тульскихъ городовъ, селеній; въ прежней жизни городской и сельской мы постепенно будемъ замѣчать — какъ зарождалась, совершенствовалась и созрѣвала наша городская современная жизнь.

Первенецъ древней жизни, основатель перваго шалаша на поляхъ Тульской губерніи былъ Вятчъ, человекъ не Русской крови. Съ приходомъ

его семейства началось общественное образованіе, и въ дѣтяхъ его осуществилось первое гражданское общество. Это было до насъ, можетъ быть, за тысячу лѣтъ, когда на сѣверѣ Европы совершалось общественное образованіе Русскаго народа. Въ тѣ времена Азіійскіе пришельцы, скитаясь изъ степи въ степь, искали для себя безопасныхъ жилищъ, и каждое ихъ племя въ своемъ новомъ пріютѣ, было зародышемъ для великихъ дѣлъ грядущаго человѣчества. Эти переходы Азіійскихъ племенъ, ихъ Европейскіе пріюты произвели разрушеніе старобытныхъ поколѣній и стремленіе народовъ къ образованію Европейской государственной системы. Сей всемірный переворотъ, совершенный въ первые вѣка Христіанства, образовалъ великую идею, которая осуществляется въ человѣчествѣ, и создалъ изъ пришельцовъ огромныя массы Европейскихъ народовъ. Въ эти-то бурные дни, когда люди изгоняли людей, пришель въ Тульскія поля первенецъ древней жизни. Не будемъ исчислять древнихъ народовъ, переходившихъ изъ Азіи въ Европу: этотъ предметъ принадлежитъ общей исторіи Русскаго народа. Мы ознакомимся съ Азіійскимъ поколѣніемъ, перешедшимъ отъ своихъ сородичей къ берегамъ Оки, въ пріютѣ, гдѣ Русской человѣкъ образовалъ Тульскую губернію.

Когда Азіійскіе пришельцы странствовали въ Европѣ отъ Балтійскаго моря до Чернаго, по рѣкамъ и степямъ, вытѣсняя одинъ другаго, тогда не было между ними грамотныхъ людей, по сказаніямъ ко-

торыхъ мы могли бы узнать переселенцевъ; а полагаться на темныя преданія позднѣйшихъ рассказчиковъ нѣтъ возможности; ибо непроницаемая завѣса, скрывшая отъ насъ древность, уничтожаетъ всѣ догадки. Мы только знаемъ, что въ вѣкахъ этого переселенія явились Венедскія племена, съ жилищами на сѣверѣ Европы. На Волховѣ, отдѣлившись отъ нихъ, жили, съ своею самобытно-стью, Славяне, а на Вислѣ была уже прочная осѣдлость Ляховъ. Когда же Ляхи перешли за Днѣпръ, то, по словамъ Русскаго лѣтописца, отдѣлились отъ нихъ два поколѣнiя съ своими родоначальниками или старшинами. *Радимъ*, предокъ перваго, поселился при рѣкѣ Сожѣ, въ нынѣшней Могилевской губерни, и племя его получило названiе Радимичей; предокъ втораго, Вятко пошелъ отъ Радимичей къ сѣверо-востоку и, разсыпаясь съ своими сородичами по берегамъ Оки, подъ названiемъ Вятичей, занялъ поля, гдѣ нынѣ находятся губерни Орловская, Тульская, Калужская, до земли Казаровъ, простиравшейся тогда отъ Оки до Чернаго моря.

Вотъ откуда прибылъ Вятичъ на Тульскiя поля и кто основалъ первое Тульское гражданское общество. Въ этомъ фактѣ вмѣщается полный мифъ, рассказываемый въ преданiяхъ, лѣтописяхъ и исторiяхъ болѣе десяти вѣковъ; но при простомъ взглядѣ на него видна была, и въ очеркахъ жизни самаго народа ярко отсвѣчивается общественная самобытность. Съ тѣхъ поръ, какъ люди XIX вѣка

разобрали гіероглифы, прочитали саги, извѣдали Санскритскія письма, миѣи освѣтили много темнаго въ исторіи.

Принимая миѣю о Вятичахъ за историческій фактъ, видимъ, единственно изъ сказанія Нестора, что Вятичи вышли изъ Днѣпровскихъ лѣсовъ. Быть сего племени, дикаго и кочующаго, ни малѣйшаго не имѣлъ сходства съ бытомъ Славянскихъ поколѣній. Среди обширной поляны, глава семейства устраивалъ шалашъ, около котораго сосредоточивались дѣйствія его дѣтей, а за предѣлами полянь слабѣла и угасала жизнь дикарей. Весело было ему — онъ жилъ, и дотолъ, пока новыи сосѣдъ не вытѣснялъ его. Едва лишь заскучалъ, онъ бросалъ свое жилище, мѣнялъ родину на мѣста чуждыя и спокойныя. Вѣроятно, по тѣмъ же расчетамъ изъ лѣсовъ Днѣпровскихъ двинулись Вятичи къ берегамъ Оки; но чрезъ какія мѣста переходили они и въ какое время, лѣтописецъ намъ объ этомъ ничего не говоритъ. Главнаго пристанища онъ не могъ означить за тѣмъ, что народы дикіе чуждались осѣлости. Въ его время, въ XI столѣтіи, за Окою былъ извѣстенъ только одинъ городъ Дѣдославль, при Шиваронѣ; въ окрестностяхъ же его, до высокихъ Окскихъ береговъ, были лѣса и рѣки. Донъ, Упа, Осетръ, сливаясь со множествомъ рѣкъ, разграничивали степи, указывая пришельцамъ на мѣстныя выгоды. Не эта ли тишина привлекла Вятичей, утомленныхъ переходами, переступить Окскія грани въ пріютъ Упской долины? Днѣпровскій таборъ безъ

всякаго препятствія могъ селиться за берегами Оки, ибо тогда все пространство между Муромомъ и Ростовомъ наполняли однѣ безмолвныя степи. Только по берегамъ тихаго Дона оглашались кровавыя сѣчи Донскихъ Казаровъ, ужасныхъ одной Греціи.

Родоначальникъ или старшина Вятичей Вятко приводитъ мыслящаго къ разысканіямъ. Безъ всякаго сомнѣнія Вятко и товарищъ его Радимъ суть миѳическіе представители народа. Не думаемъ, чтобъ этотъ миѳъ создалъ нашъ Несторъ, Русской XI вѣка, писавшій только то, что видѣлъ, слышалъ и *вычиталъ* по Греческимъ запискамъ. Вѣроятно, это было общимъ повѣрьемъ до его записыванія Русскихъ событій. Шлёцеръ, пріѣхавшій изъ Германіи объяснять Русскимъ Русскаго лѣтописца, первый началъ подозрѣвать бытіе родоначальника Вятичей, и кромѣ подозрѣній ничего не сдѣлалъ. Исторіографъ Карамзинъ принялъ рассказъ Нестора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ. Бытіе Вятичей, какъ отдѣльнаго племени, имѣвшаго свою самобытность, осталось несомнѣннымъ въ Русской исторіи. Люди сгибли, но дѣла ихъ сохранились въ сказаніяхъ.

Не обширны были событія перваго гражданскаго общества, разбросившаго свой таборъ на поляхъ Тульскихъ. Политическое бытіе зависѣло отъ сосѣдей, а гражданское было Азійское, дикое, безотчетное. Въ наше время мы не можемъ объяснить: какіе сосѣди были ихъ друзьями? съ какими племенами они враждовали? На югѣ жили Казары,

враги ихъ непримиримые, далѣе чрезъ степи отъ нихъ, простгирались владѣнія Кіевскаго Князя, сокрушавшаго ихъ самобытность; къ сѣверу были колоніи южныхъ Руссовъ, а отъ Ростова до Волхова бродили толпы независимыхъ народовъ. Лишенные свѣдѣній о тогдашней географической мѣстности, мы не можемъ очертать границъ, гдѣ вмѣщались хижины Вятичей. Источникъ браней и междоусобій у дикихъ народовъ проистекалъ отъ распространенія границъ, а потому скорѣе можно опредѣлить общее мѣстопробываніе, нежели граничное пространство. Нашъ Несторъ говоритъ, что Вятичи строили хижины въ мрачныхъ лѣсахъ, окруженныхъ рѣками, жили безъ всякихъ политическихъ законовъ, съ одною дикою простотою. Обычай отцовъ, народныя преданія руководили ихъ въ общественной жизни. Среди веселыхъ игрищъ молодой Вятичъ избиралъ себѣ дѣву, подругу жизни и безопасно проводилъ жизнь свою въ бѣдной хижинѣ, не заботясь о будущемъ; за то смерть своего отца торжествовалъ обрядами: сжигалъ его, мертваго, на кострѣ, собиралъ пепель въ сосудъ и выставялъ его для памяти на столбѣ, при большихъ дорогахъ. Жизнь Вятичей въ полной мѣрѣ была Азійская; намъ одно не понятно: почему она во времена Нестора считалась презрительною? Это еще болѣе ведетъ насъ къ тому заключенію, что они не были въ родствѣ съ Славянами.

Гражданскій внутренній бытъ Вятичей остается для насъ неразгаданнымъ. Одинъ только Владиміръ

Мономахъ говоритъ: «А въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимы, на Ходоту и на сына его.» Изъ этого ограниченнаго свѣдѣнія мы только можемъ вывести одно заключеніе: что земля Вятичей была неудобна для лѣтней войны, что неизвѣстный Ходоть и сынъ его были, если не предводителями народными, то вѣрно отважными повелителями наѣздниковъ.

Вятичи до половины XII столѣтія были язычниками. Святыя истины небесной Вѣры только эту одну область не просвѣщали въ Русской землѣ со временъ Владиміра. Изъ святой Печерской обители пришелъ инокъ Кукша къ Вятичамъ для проповѣдованія истиннаго Бога. Гдѣ свершилось крещеніе, мы не знаемъ. Такъ темны извѣстія нашихъ бытописателей. Грубые дикари, вѣроятно, уличаемые въ своихъ заблужденіяхъ, предали Кукшу, вмѣстѣ съ его ученикомъ, позорной смерти: имъ отсѣкли головы. Былъ ли кто послѣ его преемникомъ, и успѣлъ ли онъ воздвигнуть храмъ живому Богу, для насъ остается это въ неизвѣстности. Борьба Вятичей за язычество заставляетъ предполагать, что они имѣли поборниковъ — жрецовъ. Православная Церковь причла Кукшу къ лику Святыхъ, и Русской народъ доселѣ съ благоговѣніемъ поклоняется его мощамъ въ Кіевскихъ пещерахъ.

Время появленія перваго гражданскаго общества для исторіи общественнаго образованія Тульской губерніи остается неизвѣстнымъ. Несторъ рассказы-

вая о расселеніи народовъ въ Русской землѣ, обозначилъ ихъ наряду съ прочими. Въ десятомъ столѣтіи Казары ходили войною по землѣ Вятичей, покоряли и облагали ихъ данью. Въ 964 году Кіевскій Князь Святославъ воевалъ съ ними, и въ свою очередь обложилъ ихъ данью. Вятичи не совсѣмъ покорились власти Кіева. Когда Святославъ ходилъ войною на Казаръ, то въ 966 году опять сражался съ Вятичами. Послѣ сего долго не было слуху о нихъ. Владиміръ Великій овладѣвъ Кіевомъ, два раза отправлялъ свои дружины противъ Вятичей и только силою принудилъ ихъ платить прежнюю дань. Въ борьбѣ съ Казарами и Русскими гражданское общество Вятичей теряло быстро свое бытіе. Рѣшительный ударъ нанесъ имъ Владиміръ переселеніемъ ихъ семейства въ свои города, на границы южной Россіи, для огражденія Кіева отъ набѣговъ. Не смотря на это стѣсненное положеніе Вятичей, Русскіе не могли ихъ признавать совершенно своими данниками. Кіевъ, мѣстопробываніе Русскихъ князей, во времена Владиміра Великаго, управлялъ многими городами и окружными областями, и въ немъ одномъ сосредоточивалась политическая общественная жизнь. Но это было на югѣ. Къ сѣверу отъ Кіева смирялись люди только предъ мечемъ: слова были ничтожны. Чтобы Кіеву считать людей, разсѣянныхъ по степямъ, своими данниками надобно было всегда быть съ ними въ войнѣ. За то данники вносили Русскимъ князьямъ извѣстную подать, шли съ ними на войну противъ ихъ враговъ, и при всемъ томъ могли отвергать усло-

вія владѣтельнаго князя если они казались имъ невозможными. Въ такой-то жизни исчезла самобытность Вятичей, первое гражданское общество Тульскихъ полей.

Рѣшительное уничтоженіе Азійскихъ пришельцевъ Русской земли началось послѣ достопамятнаго мира 1026 года, когда Ярославъ раздѣлилъ съ Мстиславомъ Русскую землю на области. Поля Тульскія съ Вятичами вошли въ составъ Черниговскаго Княжества, гдѣ Русскіе, сражаясь съ потомками Мономаха, совершенно истребили Азійское гражданское общество.

Второе гражданское общество, явившееся среди Тульскихъ полей, было чисто Русское, образованное подъ защитою городской жизни, въ распоряженіи семейнаго феодализма—Черниговскаго удѣльнаго княженія. Жизнь общественная, люди и князья—переселившіеся изъ Чернигова, при Окѣ, Упѣ и Зушѣ образовали свою городскую жизнь, продолжили отдѣльною отраслю ветхій семейный феодализмъ, котораго совершенное уничтоженіе могъ только произвести Іоаннъ Грозный.

Русское гражданское общество Тульской губерніи совершалось въ продолженіи многихъ столѣтій и только въ XIX столѣтіи достигли нынѣшней степени образованія. Первая общественная жизнь этаго новаго гражданства началось съ развитія городской жизни, съ явленія удѣловъ, и исчеза-

ла постепенно, въ совмѣстномъ разрушеніи всей старой Русской жизни. Вторая общественная жизнь, созданная гениемъ Великаго Петра, есть чисто Европейская, современная намъ.

Слѣды первой Русской общественной жизни въ Тульскихъ поляхъ начались съ самобытности городской жизни. Черниговскіе выходцы, многіе удѣльные князья, гонимые Русскою борьбою за великое княженіе — пріютились въ окопахъ Тульскихъ полей. Отсюда произошли города: Дѣдославль, Новосиль, Одоевъ, Бѣлевъ, Ростиславль, Кашира. Здѣсь создано и скрылось Тульское удѣльное княженіе. Въ послѣдствіи борьба поработенныхъ съ покорителями, невыносимое униженіе народнаго духа отъ Татаръ — произвели свои убѣжища. Отсюда города: Тула, Алексинъ, Гремячевъ, Любутскъ, Крапивна, Веневъ, Епифань, Ефремовъ, Чернь. — Здѣсь развился второй отдѣлъ Русской общественной жизни, состарѣлся и разрушился, а на развалинахъ образовалась новая Европейская жизнь.

Семейный феодализмъ, поддерживая въ продолженіи трехъ столѣтій Русскую борьбу за великое княженіе, произвелъ въ Русской землѣ городскую жизнь, совершенно противоположную западно-европейской. Семейная жизнь Русскихъ престольныхъ городовъ, сгаравшая въ раздорахъ княжескихъ, бѣжала въ глушь лѣсовъ, когда новый князь вѣщалъ на пепелищахъ свое владычество, окапы-

валась рвами, и подъ защитою стѣнъ пріобрѣтала самобытность съ приходомъ князя или его воеводы. Великіе князья въ эти укрѣпленія отираждали княжить своихъ дѣтей и братьевъ. Русскіе гибли въ этой системѣ правленія. Не любовь родительская создала на Руси систему удѣловъ, въ чемъ обвиняютъ Русскихъ князей наши историки XVIII, XIX столѣтій и первыхъ годовъ XIX: ихъ жалобы несправедливы. Обратимъ вниманіе на духъ того времени и на народность Русской земли. Переходы къ измѣненію системъ правленія не только на Руси, но и во всей Европѣ были слѣдствіемъ переворотовъ, и почти въ одно и то же время тождественны. Едва показались на земляхъ Славянскихъ Варяги, и уже явилась система политическаго быта—феодализмъ Варяжскій. Эта система, явившаяся съ Рюрикомъ, соединилась съ Славянскою народною, укрѣплялась борьбою, и постепенно угасала, когда начала проявляться самобытность Руси. Великій князь Владиміръ есть представитель новой системы правленія. Отъ первыхъ дней его княженія, до смерти Ярослава, готовился зародышъ къ новому политическому быту. Тогда жизненныя силы Русскихъ земель, сосредоточенныя въ Кіевѣ, Черниговѣ и Новгородѣ, приблизились къ развитію. Здѣсь видимъ необходимость перехода правленія къ феодализму семейному—системѣ Русскихъ удѣловъ. Не систему удѣловъ мы должны обвинять за бѣдствія; но представителей ея. Она въ свое время была необходима, ибо отъ нея же зависило уничтоженіе феодализма. Такъ для запада

Европы спасеніемъ были крестовые походы, а для Русской земли походы князей изъ удѣла въ удѣль. Бытіе Русскихъ удѣловъ продолжило Татарское ильженіе Русской земли, но и здѣсь не могло оно найти себѣ опоры. Княженіе зыбко лежало на лезвѣ Татарскаго меча. Когда дѣйствователи общественной жизни приближались къ единству, тогда проявилось новое политическое бытіе — монархія. Великій князь Іоаннъ III есть первый изъ представителей Русскаго единодержавія, которымъ навсегда упрочилось благо Русской земли.

Тульскія поля, доставшіяся по раздѣлу Мстиславу, получили зародышъ городской жизни изъ Чернигова, въ то самое время, когда въ Русской землѣ семейный феодализмъ развилъ систему удѣловъ до высочайшей степени. Сюда прибылъ князь Симеонъ, происходившій отъ крови Св. Михаила, князя Черниговскаго. Его пристанищемъ сдѣлался Новосиль, городокъ при рѣкѣ Зушѣ, гдѣ укрывались Русскіе люди. Съ прибытіемъ сего князя основались три Тульскія удѣльныя княженія, существовавшія два столѣтія. Князья Новосильскіе намъ не всѣ извѣстны: записки современниковъ говорятъ о слѣдующихъ.

1. Симеонъ, извѣстный съ начала XIV столѣтія.
2. Александръ, убитый въ ордѣ въ 1326 году.
3. Романъ Симеоновичъ въ 1375 году.
4. Симеонъ Романовичъ въ 1402, 1403 годахъ.

Дѣти Новосильскаго князя Романа Симеоновича, гонимые вторженіемъ Татаръ, перешли въ Одоевъ,

и съ прибытіемъ этихъ князей начинается второй Тульскій удѣль. Изъ князей Одоевскихъ намъ извѣстны:

1. Георгій Романовичъ въ 1422—1424 годахъ.
2. Левъ Романовичъ,
3. Симеонъ Георгіевичъ, убитый въ 1473 году.
4. Феодоръ Георгіевичъ въ 1492 году.
5. Иванъ Георгіевичъ.
6. Василій Симеоновичъ въ 1492, 1502, 1507, 1513 годахъ.
7. Иванъ Симеоновичъ Сухорукой въ 1492 и 1502 годахъ.
8. Петръ Симеоновичъ въ 1508 году.

Третій Тульскій удѣль начался съ прибытіемъ въ Бѣлевъ сына Новосильскаго князя Василя Романовича. Этотъ послѣдній удѣль пережилъ всѣ Русскіе удѣлы. Князья Бѣлевскіе:

1. Василій Романовичъ.
2. Михаилъ Васильевичъ въ 1493 году.
3. Андрей Васильевичъ въ 1513 году.
4. Иванъ Васильевичъ въ 1493 и 1513 годахъ.
5. Василій Васильевичъ.
6. Феодоръ Михайловичъ.
7. Иванъ Ивановичъ въ 1566 году.

Политическое бытіе Тульскихъ удѣльныхъ княженій совершило три переворота. Князья Новосильскіе удаленные отъ Чернигова, окруженные Татарами и Московскимъ княженіемъ, первые подвергались вліянію Московскихъ князей, а потомъ зависимо-

сти. Въ этомъ переворотѣ необходима должна была измѣниться система правленія. Набѣги Татаръ и ихъ защита Московскому князю совершенно уничтожали самобытность мелкихъ княженій. Московскій князь Симеонъ Иоанновичъ, пріобрѣтая покупкою клочекъ земли въ Новосильскомъ княженіи, кажется, подчинилъ его первый своей системѣ. Дмитрій Иоанновичъ Донскій водилъ уже съ собою князей Новосильскихъ въ поле на своихъ враговъ. Второй переворотъ открылся для нихъ вторженіемъ Витовта въ Русскую землю. Литовцы завоевали Одоевъ, Бѣлевъ и Новосиль, и князья Тульскихъ удѣловъ повиновались Литовскимъ князьямъ въ продолженіи почти столѣтія. Въ это время возникали между ими семейныя распри. Князья Одоевскіе оспаривали право у своего дяди, сожгли Одоевъ, убили бабу, и разграбили княжескую казну. Князья Бѣлевскіе губили другъ друга, братъ заставлялъ своего брата изъ выгодъ повиноваться Литвѣ или Москвѣ. Великій князь Василій Темный заточилъ двухъ Бѣлевскихъ князей на Волокъ, но послѣ снялъ опалу и возвратилъ имъ Бѣлевъ. Великій князь Иоаннъ III Васильевичъ освободилъ Тульскихъ удѣльныхъ князей отъ власти Литовцевъ. Съ сего времени начался третій переворотъ, рѣшившій удѣлы. Иоаннъ IV Грозный заточилъ Бѣлевскаго князя Иоанна Иоанновича въ Вологду, и въ 1566 году развѣзжалъ по Бѣлеву со всѣмъ дворомъ, какъ въ своей отчинѣ. Иноки Бѣлевскаго монастыря записали въ синодикѣ: «Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси по

жаловалъ и велѣлъ давати въ Спасской монастырь по три пуда по семи гривенокъ меду по Бѣлевскихъ Князей на вседневныя службы. А Игумену съ братією Бѣлевскихъ Князей поминати въ соборѣ у Спаса вся дни, а на ихъ памяти и на представленья кормы по нихъ строити, и служити по нихъ соборнѣ.» Тѣмъ кончились Тульскія удѣльныя княженія.

Русскіе люди, пришедшіе жить на Тульскія поля, были основателями городовъ, гдѣ жизнь ихъ управляемая удѣльными князьями, получила всѣ гражданскія права. Эти города суть:

Дѣдославль —нынѣ село Дѣдилово—основанный при рѣкѣ Шиваронѣ, извѣстный съ 1147 года. На его развалинахъ князь Жижемскій въ 1554 году построилъ городъ Дѣдиловъ.

Новосиль — основанный при рѣкѣ Зушѣ, извѣстенъ съ 1155 года.

Одоевъ,—выстроенный при рѣкѣ Упѣ, извѣстенъ со времени прибытія князя своего.

Бѣлевъ,—населенный на берегу Оки, извѣстенъ съ прибытія своего князя.

Ростиславль,—основанный при рѣкѣ Окѣ, близъ устья рѣки Осетра, извѣстенъ съ 1152 года, нынѣ село отстоящее отъ Каширы въ 20 верстахъ. Здѣсь Рязанская удѣльная система имѣла своего

князя Ростислава Ярославича—принадлежащею къ особенной отрасли Русскихъ удѣловъ.

Кашира,—основанная при рѣкѣ Окѣ, извѣстна съ 1356 года. Московскіе князья обратили сей городъ въ убѣжище Казанскимъ царямъ. Пришельцы управляли симъ городомъ около двухъ столѣтій. Городская жизнь отданная на прокормленіе Татарамъ должна была страдать, если обратимъ вниманіе на образъ жизни Казанскихъ Татаръ XV столѣтія, особенно на ихъ поступки въ Казани и Ливоніи. Татары очень понимали духъ народа: памятниками этаго остались грамоты Казанскихъ царей въ Бѣлопесоцкой обители, существующей еще доселѣ на берегу Оки, противъ Каширы.

Вторая отрасль Русской общественной жизни устроилась на Тульскихъ поляхъ подъ униженіемъ народнаго духа, когда враждебный мечъ Русскихъ князей на развалинахъ одного удѣла созидаль другой, когда владычество Татаръ угрожало городамъ смертію, когда Русской бѣжаль отъ плѣна Татарскаго, оставляя родной приютъ и ставилъ шалашъ свой въ глуши лѣсовъ. Образование этой городской жизни было независимо отъ Тульскихъ удѣльныхъ княженій. Князья Московскіе и Татары управляли ея ходомъ. Рязанскіе князья, сначала ея властители, добровольно уступили свои права на землю Тульскую и людей. Литовцы и Поляки не касались и не входили въ семейное распоряженіе сихъ городовъ. Замѣчательно, что Тульская городская жизнь была

оплотомъ для Москвы, границею ея владѣній, сторожевою линіею Русской земли. Когда Баскаки сторожили изъ Тулы Московскихъ князей, люди другихъ городовъ били Татарскія дружины изъ засѣкъ и засадъ. Многіе города одолжены были своимъ бытіемъ единственно воинскимъ станамъ. Образованіе такой городской жизни совершилось въ девяти Тульскихъ городахъ:

Тула, основанная при рѣкѣ Унѣ и рѣчкѣ Тулицѣ, извѣстна съ 1147 года. Городъ, основанный Русскими, въ неизвѣстное время, пережившій много событій и переменъ. Былъ сначала убѣжищемъ Русскихъ, потомъ пріютомъ Татаръ, послѣ владѣніемъ Русскихъ, и защитою двухъ самозванцевъ. Тула удержала за собою старѣйшинство въ новой Европейской Русской жизни.

Алексинъ, основанный на берегу Оки, показался въ запискахъ современниковъ не ранѣ XIV столѣтія. Этотъ городъ былъ всегда во владѣніи Русскихъ, опустошался Татарами и Литовцами. Не смотря на всѣ топографическія выгоды Тульскіе жители не успѣли воспользоваться ими досель. Здѣсь течетъ Ока не далѣе 30 верстъ отъ Уны, каналъ который бы могъ соединить рѣчками эти двѣ рѣки, доставилъ бы неисчислимыя выгоды: онъ соединилъ бы Москву съ степными губерніями.

Гремячевъ, построенный въ неизвѣстное время на берегу рѣки Осетра, находится въ Веневскомъ

уѣздѣ. Памятникомъ его остались церкви и селеніе.

Любутскъ, основанный при рѣкѣ Окѣ, былъ предметомъ спора Москвы съ Литвою. На его мѣстѣ нынѣ существуетъ село Алексинскаго уѣзда. Городъ Любутскъ извѣстенъ съ начала XIV столѣтія.

Кративна, основанная при рѣкѣ Плавѣ, извѣстна съ 1771 года.

Веневъ, застроенный при рѣкѣ Веневкѣ извѣстенъ съ 1483 года.

Епифанъ, основанный на берегу Дона, встрѣчается въ военныхъ разрядахъ XV столѣтія.

Ефремовъ, основанный при рѣкѣ Красивой Мечи, въ концѣ XV столѣтія, извѣстенъ по военнымъ разрядамъ.

Чернь, основанная при рѣкѣ Черни, извѣстенъ съ XV столѣтія.

Сіи два элемента городской жизни начавшіеся отдѣльно на Тульскихъ поляхъ, соединились вмѣстѣ въ началѣ XIV столѣтія, когда въ Русской землѣ восторжествовало единодержавіе. Съ этаго времени Русской жилъ подъ покровомъ одного царя, безопасно селился съ своимъ семействомъ. Онъ не ожидалъ пришлеца для расхищенія пажитей; царская дру-

жина сторожила его достояніе; онъ не боялся меча удѣльныхъ князей: царское слово изрекало ему судъ и милость изъ устъ воеводы. Такъ распространялась старая общественная жизнь на Тульскихъ поляхъ, и только предъ своимъ разрушеніемъ увидѣла какое-то слабое подкрѣпленіе городской жизни. Стольникъ Демидъ Хомяковъ въ 1652 году построилъ городъ *Богородицкъ*, на монастырской землѣ Тульского Предтечева монастыря, въ тогдашнемъ Епифанскомъ уѣздѣ. Въ 1680 году сидѣлъ въ немъ на воеводствѣ воевода Жаденскій.

Городскую жизнь въ общественномъ образованіи Тульскихъ городовъ составляли три сословія: *люди Духовные*, *Бояре* съ огромнымъ классомъ *Дворянъ*, *люди посадскіе*.

Люди духовные существовали отдѣльно въ городской жизни, не сливаясь съ другими сословіями. Облеченные высокимъ саномъ, они пріобрѣтали власть надъ умами и сердцами. Голосу ихъ все покорствовало, ибо онъ, исходя изъ чловѣка добродѣтельной жизни, казался, чѣмъ-то неземнымъ, невольно влекущимъ слабую волю мірянина. Іерархъ, инокъ, священникъ — былъ, въ одно и то же время, неумолимый судья совѣсти, другъ души, для котораго все было открыто. Но, при всемъ этомъ, высшая іерархія не могла имѣть владычества въ политическомъ быту, даже и въ то время, когда она возвысилась своею властію до бюрократіи.

Въ продолженіи шести столѣтій бытія старой Русской жизни Тульскихъ городовъ, высшая іерархія не имѣла участія въ общественномъ образованіи. Бѣлое духовенство, городское и сельское, зависѣло отъ окружныхъ епархій, а обитатели отшельниковъ, имѣя свои права, принадлежали суду одного іерарха. Отсутствие этаго главнаго общественнаго дѣятеля составляетъ отличительный характеръ Тульскихъ городовъ въ Русской землѣ. Въ 1681 году предполагали учредить въ Тулѣ епархію; но предположеніе неизвѣстно почему осталось безъ исполненія. Для мѣстопробыванія епископа назначалась Тула, а для содержанія его дома предоставлялось отъ Предтечева и Святодуховскаго монастырей 200 монастырскихъ крестьянскихъ дворовъ.

Духовенство Тульскихъ городовъ находилось подъ вѣденіемъ разныхъ іерарховъ. Въ 1622 году къ Коломенской епархіи принадлежали Тульскіе города: Кашира, Веневъ, Гремячевъ, Крапивна, Тула, Дѣдиловъ. Бѣлевъ, Одоевъ, Новосиль, Епифань еще съ 1614 года приписаны были къ митрополіи Сарской и Подонской. Въ 1667 году Епифань и Гремячевъ причислены были къ Рязанской митрополіи; Кашира же въ неизвѣстное время причисленная къ Рязанской, опять была приписана къ Коломенской.

Власть іерарха надъ духовенствомъ заключалась въ правахъ, утверждаемыхъ царями въ жалованныхъ грамотахъ. Въ Тульскихъ архивахъ изъ сихъ правъ сохранились слѣдующіе:

Архимандриты, игумены, монахи, протопопы, попы, діаконы, дьячки, звонцы, понамари и весь причетъ церковный судить епископъ, или его приказные люди и десятильники; царскіе же намѣстники и воеводы, тіуны и приказные люди, не должны вступаться въ духовный святительской судъ, ни въ духовныхъ людей.

Церковныя дани, пошрины, годовая десятина вносятся въ домовую казну архіерея, отъ архимандрита до звонаря, вручая его посланному по приказанію.

Безъ знамени священникъ не долженъ вѣнчать никого, и вѣнечныя пошрины, собираемыя отъ знамень, по приказу епископскому, вносятся въ его казну.

Въ городахъ, селахъ—со всѣхъ церквей собирается дань, записывается въ денныя книги, и по нихъ священникъ съ причетомъ вносятъ окладъ въ казну епископскую.

Въ городахъ, селахъ церкви строятся и освящаются по благословенію епископа.

Русскіе духовные люди, управляемые епископомъ, состояли изъ блага духовенства, приходскихъ священниковъ съ причетомъ церковнымъ, и чернаго — архимандритовъ, игуменовъ, монаховъ, бѣльцовъ. Къ этому классу людей примыкала огромная масса людей: монастырскіе слуги и крестья-

не, совершенно подчиненные имъ, и жившіе независимо отъ свѣтской власти.

Внутреннее управленіе бѣлаго духовенства Тульскихъ городовъ совершалось поповскими старостами, епископскими десятниками, избираемыми изъ настоятелей монастырей, священниковъ соборныхъ церквей. Епископскій десятникъ, приѣзжая въ городъ для надзора за духовенствомъ, жилъ въ особенномъ домѣ на отчетъ людей духовныхъ. Всѣ возникшіе споры въ сословіи духовенства они разбирали сами, или въ мѣстномъ судѣ съ поповскими старостами. Кромѣ того они имѣли еще строгій надзоръ за сбораніемъ епископской дани и пошлыны съ людей духовныхъ. Въ 1649 году явился въ Тулу духовникъ царя Алексѣя Михайловича протопопъ Лукьянъ Кириловъ, и управлялъ духовенствомъ около двадцати лѣтъ. Явленіе рѣдкое въ тогдашнее время, оспаривавшее власть іерарха. Близкій къ царю онъ исходатайствовалъ многимъ церквамъ ружныя земли и денежныя оклады.

Къ сожалѣнію въ наше время не можемъ опредѣлить всѣхъ оброчныхъ статей, которыя наполняли домовую казну епископа епархіальнаго. Въ 1691 году митрополитъ Сарскій и Подонскій собиралъ съ Бѣлевскаго уѣзду десятиннаго дохода съ духовныхъ людей 260 рублей. Сумма въ тогдашнее время весьма значительная. Кромѣ того онъ получалъ съ 497 неженатыхъ холостяковъ, такъ называемыхъ тогда отроковъ, съ 44 полудвоеженцевъ, съ 34 двоеженцевъ, съ 3 троеженцевъ—76 рублей

и 2 алтына — годоваго оклада. Въ Епископскую казну съ церковей вносилося казенной пошлыны 14 руб. и 46 алтынъ, свадебной или вѣчной 17 руб. 11 алтынъ и 2 деньги, за пени или штрафы 2 руб. 8 алтынъ и 2 деньги. Бѣлое духовенство, лишенное возможности промышлять всякимъ торгомъ, получало доходы отъ исправленія церковныхъ требъ, отъ жалованной царями ружной земли и окладныхъ денегъ. Въ 1660 году Тульской Успенской соборъ получалъ денежнаго оклада 46 руб. 25 алтынъ и 2 деньги, и имѣлъ 90 четвертей ружной земли. Между тѣмъ Бѣлевскій Преображенскій монастырь, надѣленный деревнями и крестьянами получалъ въ 1675 году только 23 руб. 3 алтына и 2 деньги. Въ 1657 году Тульской женскій монастырь получалъ годоваго оклада 200 рублей.

Внутреннее управленіе Тульскаго чернаго духовенства совершалось по своимъ отдѣльнымъ правамъ. Настоятель обители, былъ ли онъ архимандритъ или игумень, управлялъ монастыремъ, иноками, слугами и крестьянами монастырскими. Извлекаемъ права Тульскихъ монастырей изъ грамотъ, жалованныхъ царями: Іоанномъ IV Васильевичемъ, Василіемъ Іоанновичемъ Шуйскимъ и Михаиломъ Ѳеодоровичемъ — монастырямъ Бѣлевскому и Веневу:

1. Монастырскіе слуги и крестьяне судятся настоятелями съ братіями во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства, татьбы съ поличнымъ, разбоя, которыми завѣдываютъ намѣстники и тіуны.

2. Приведчики и доводчики поборовъ своихъ не емлютъ и въ дворы монастырскіе не въѣзжаютъ.

3. Въ смѣсномъ судѣ монастырскихъ крестьянъ судить игумень съ братіями вмѣстѣ съ намѣстникомъ и тіуномъ. По окончаніи дѣла—подсудимый правый ли онъ или виноватый—отпускается къ настоятелю; намѣстники и тіуны не вступаются въ него.

4. Если найдутъ на монастырской землѣ убитаго, а по слѣдствію окажется, что убійца неизвѣстенъ, то брать только по 4 алтына съ монастырскихъ *смотреноговъ*; если же откроется убійца, то онъ выдается намѣстникамъ, а крестьянамъ въ томъ виры и продажи нѣтъ.

5. Крестьяне дѣлаютъ лвку намѣстнику съ тіуномъ; когда же на монастырской землѣ: кто съ дерева убьется, въ водѣ утонетъ, или приплыветъ водою, или сгоритъ, или убьетъ самъ себя, или будетъ убитъ громомъ, и въ томъ имъ виры и продажи нѣтъ.

6. Дворцовые недѣльники въ монастырскіе крестьянскіе дворы могутъ только въѣзжать въ годъ въ три срока: на Рождество Христово, на Троицынъ день, или на Петровъ день, и на Семень день лѣтопроводца. Кромѣ сихъ сроковъ никто не долженъ въѣзжать съ зазывными грамотами, или наметывать срокъ. Нарушители лишаются иску.

7. Настоятель и братія судятся въ духовномъ дѣлѣ епархіальнымъ архіереемъ по соборному уложенію; въ гражданскихъ же дѣлахъ настоятель, братія, слуги и крестьяне монастырскіе принадлежатъ суду царскому.

8. Князья и воеводы съ ратными людьми въ монастырскихъ дворахъ, въ посадь и деревняхъ, не получаютъ для себя ни постою, ни корму. Если же кто стоитъ волею на монастырскомъ дворѣ, то долженъ покупать кормъ для себя и лошадей, по цѣнѣ продаваемой монастырскими крестьянами.

9. Настоятель и братія, предъявляя царскую грамоту намѣстникамъ и тїунамъ, не платятъ ничего за явку.

10. Съ монастырскихъ вотчинъ не собирать никакихъ податей, денежныхъ поборовъ, казачьихъ хлѣбныхъ запасовъ, и кормовъ съ сошныхъ людей. Онѣ только вносятъ ямскія деньги, и стрѣлецкіе хлѣбные запасы, а городовое и острожное дѣло исполняютъ по писцовымъ и дозорнымъ книгамъ.

11. Епископы и десятники кромѣ духовнаго дѣла ни въ чемъ не судятъ ни настоятеля съ братіями, ни ихъ слугъ и крестьянъ. Дворовъ десятниковъ не ставятъ, и не даютъ для нихъ ни лошадей, ни кормовъ.

12. При продажѣ лошадей въ монастырскихъ вотчинъ ставятъ клеймы монастырскія, а волостнымъ и намѣстниковымъ людямъ въ томъ дѣла нѣтъ.

13. Монастырскіе люди и царскаго коня не кормятъ, сѣна не косятъ и не возятъ, намѣстниковыхъ и волостилиныхъ дворовъ не дѣлаютъ.

14. Бояре, воеводы и ратные люди изъ монастырскихъ вотчинъ подводъ и проводниковъ не требуютъ.

15. Къ монастырскимъ людямъ никто незваный не долженъ ходить на пиры, браки, сватьбы и

иное. Незванный ссылается съ двора съ пенью; если же не слушается незванный, станетъ пить усиленно, и буде случится при немъ какая нибудь гибель, то незваному платить за гибель вдвое, безъ суда и расправы.

16. За нарушеніе грамоты, за обиду, нанесенную настоятелю съ братіями, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ полагается царская опала.

Въ Тульскихъ городахъ обители мирныхъ отшельниковъ созидались съ ревностію. Восемнадцать монастырей поставлены были на Тульскихъ поляхъ, и шесть тысячъ душъ крестьянъ, съ землями, лѣсами и рыбными ловлями поддерживали существованіе отшельниковъ. Указывая собою потомству на благоговѣніе предковъ къ вѣрѣ, они сохранили свою память въ событіяхъ отечественныхъ. Русскіе по обѣту переселялись въ обители, созидали вновь монастыри, и дарили имъ имущества. Въ Татарское плѣненіе Русской земли, враги не касались въ нашей родинѣ однихъ только церквей и людей духовныхъ. Въ это время, когда зажиточные люди переселялись съ своимъ имуществомъ въ монастыри, отрекаясь навсегда отъ міра, большая часть Русскихъ монастырей была основана. Въ Тульскихъ городахъ были тогда слѣдующіе монастыри:

1. Тульскій *Предтечевъ* мужескій монастырь, основанный въ городѣ Туль, на лѣвомъ берегу рѣки Упы въ 1555 году.

2. Тульскій *Успенскій* женскій монастырь, основанный въ городѣ Туль, вначалѣ XVII столѣтія.

3. Тульская *Ильинская* мужская пустынь, построенная въ Тульскомъ уѣздѣ, при рѣкѣ Шатѣ, въ неизвѣстное время.

4. Бѣлевскій *Преображенскій* мужскій монастырь, основанный въ городѣ Бѣлевѣ, при Окѣ, извѣстенъ съ XV столѣтїя. Здѣсь погребались князья Бѣлевскіе.

5. Бѣлевскій *Крестовоздвиженскій* женскій монастырь, въ неизвѣстное время въ городѣ Бѣлевѣ, встрѣчается съ 1625 года.

6. Бѣлевская *Жабынская* мужская пустынь, основанная на берегу Оки, на дворцовой землѣ, въ 1585 году, старцами Макаріемъ и Онуфриемъ.

7. Одоевскій *Анастасовъ* мужскій монастырь, основанный на берегу рѣки Упы, въ двухъ верстахъ отъ Одоева, извѣстенъ съ 1566 года. Здѣсь погребались князья Одоевскіе и Воротынскіе.

8. Каширскій *Бѣлопесоцкій* мужскій монастырь, основанный на лѣвомъ берегу рѣки Оки, встрѣчается съ XV столѣтїя.

9. Каширская *Соколовская* мужская пустынь, основанная при рѣкѣ Окѣ, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ 1628 года.

10. Епифанскій *Тихвинскій* женскій монастырь, основанный въ неизвѣстное время, внутри города Епифани встрѣчается съ XVII столѣтїя.

11. Ефремовская *Преображенская* мужская пустынь, построенная въ городѣ Ефремовѣ, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ XVII столѣтїя.

12. Новосильскій *Ильинскій* женскій монастырь, основанный въ неизвѣстное время, въ городѣ Новосильѣ, встрѣчается съ XVII столѣтїя.

13. Новосильскій *Святодуховскій* мужескій монастырь, основанный при рѣкѣ Зушѣ, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ XVI столѣтіе.

14. Веневскій *Николаевскій* мужескій монастырь, основанный въ чертѣ Картасеневской засѣки, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ 1407 года.

15. Веневскій *Никольскій* мужескій монастырь, основанный внутри города Венева, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ XVII столѣтія.

16. Крапивенская *Троицкая* мужеская пустынь, основанная близь города Крапивны, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ XVII столѣтія.

17. Епифанскій *Успенскій* мужескій монастырь, основанный въ Епифанскомъ уѣздѣ, на Оедосьиномъ городищѣ, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ 1624 года.

18. Алексинскій *Буньревъ* мужескій монастырь, основанный въ неизвѣстное время; въ 12 верстахъ отъ города Алексина, встрѣчается съ XVII столѣтія.

И. САХАРОВЪ.

ПОДРАЖАНІЕ ШЕНЬЕ.

Дорида! я спѣшу въ безмолвный мракъ лѣсовъ;
Съ уединеніемъ сдружается любовь.
Весь міръ какъ даръ пустой лежитъ передо мною;
Лишь тамъ любовникъ твой мечтаетъ быть съ тобою,
Тамъ, въ одиночествѣ, коварную любя,
Богатъ на вымыслы, я счастливъ безъ тебя.
Надежда свѣтлая и сны воображенья
Являютъ сердцу тамъ волшебныя видѣнья.
Со мною снова ты; но пылкая любовь,
Забывъ и строгій взглядъ и звукъ холодныхъ словъ,
Любуясь дѣвою чувствительной и томной,
И ласкамъ нѣжности тогда лишь благосклонной,
Съ ней бродить по тропамъ заброшенныхъ дорогъ,
Иль укрывается въ пустынный уголокъ,
Куда ни дровосѣкъ, ни лучъ не проникаетъ,
Или прекрасную въ объятія заключаетъ
Подъ сумракомъ нѣмымъ муравчатыхъ пещеръ.

Когдажь у ногъ твоихъ безумный суевѣръ
Встрѣчаетъ на яву твой взоръ неоцѣненный,
Въ замѣну сладкихъ сновъ находитъ обольщенный
Тоску всегдашнюю, мучительный обманъ,
Какой таинственный, всеисильный талисманъ,
Скажи, Дорида, мнѣ глаза твои скрываютъ?
Они лазурь, небесъ и землю украшаютъ.
Лежишь ли ты въ селѣ на полевыхъ цвѣтахъ,
Иль въ пышномъ городѣ на шелковыхъ коврахъ,
Пастушка скромная, иль гордая Армида,
Ты все владычица, ты все, ты все — Дорида;
А я лишь рабъ любви, поклонникъ вѣчный твой,
Плѣненный призракомъ, отверженный тобой!

И. Бекъ.

ЭЛЕГІЯ.

Лишь ты одна смиришь мои желанья,
Лишь тамъ гдѣ ты святая тишина
Въ моей груди смѣняетъ гласъ роптанья
И въ горній міръ душа увлечена!
Лишь при тебѣ дневныя тревоженья
На поприщѣ враждующихъ страстей,
Стяжанья, споръ, всѣ помыслы людей
Мнѣ кажутся достойными презрѣнья.
Склоняясь къ устамъ, внимая звукъ рѣчей,
Гдѣ лести нѣтъ, но гдѣ любовью лестной
Твои слова и дышатъ и горятъ,
У милыхъ ногъ владычицы прелестной,
Слагая цѣпь мучительныхъ утратъ,
Мгновенно я къ блаженству воскресаю,
Отзывный гласъ минувшаго ловлю,
Смиранный быть молвъ предпочитаю,
Горжусь собой, мечтаю и люблю.

Что нужды мнѣ тогда въ рукоплесканьяхъ
Толпы слѣпой зовущей изъ гробовъ
Безсмертный духъ земныхъ полубоговъ
Чья жизнь прошла въ невѣдомыхъ страданьяхъ?
Сравню ли я безплодный славы громъ
Мученьями и кровью искупленный
Съ мечтой любви тобою вдохновенной,
Обнявшей насъ таинственнымъ крыломъ?
Кто былъ любимъ, кто страстию взаимной
Украшивъ жизнь, на небо возлеталъ,
Тотъ жаждетъ ли потомственныхъ похвалъ,
Цѣнить ли тотъ торжественные гимны?
Не часто-ли предъ идоломъ своимъ
Вселенная проклятья забывала,
И вмѣсто ихъ кумиру возсылала
Восторговъ кликъ, кадила чистый дымъ?
Не часто-ли поборникъ чистой славы,
Поверженный стрѣлами клеветы
Жалѣлъ о томъ что отдалъ въ судъ неправый
Своей души святѣйшія мечты?
Пускай же свѣтъ блистательнымъ подлогомъ
Надъ истиной смѣется неземной:
Но я храню безсмертія залогомъ
Обѣтъ любви, дарованный тобой!

ДВѢ СЛЕЗЫ.

Въ священный часъ, когда въ душѣ твоей
Рождаются молитвенные звуки,
И къ небесамъ ты воздѣваешь руки
И со слезою молишься о ней,—

Въ тотъ часъ, она невидимо съ тобою,
Она не слышитъ—чувствуетъ твой гласъ. . . .
Ея слеза слилась съ твоей слезою—
И Богъ-Отецъ благословляетъ васъ!

ИВ ПАНЧЕВЪ.

ПРОЩАНИЕ СЪ МОСКВОЙ.

(НАПИСАНО ВЪ 1830 ГОДУ.)

I.

Прощай, — Россіи голова,
Первопрестольная, родная,
Семисотлѣтняя Москва!..
Прощай столица боевая!..
Иконѣ Спаса поклонясь,
Предъ мрачной, тягостной разлукой,
Я можетъ быть въ послѣдній разъ
Гляжу — волнуемъ тайной мукой —
На этотъ древній, милый домъ
Гдѣ выросъ я, ... гдѣ сталь учиться, ...
На этотъ храмъ — куда съ отцомъ
За Русь ходили мы молиться, ...
На дивный Кремль — гдѣ въ нѣдрѣ благъ

Я началъ молодость безъ пятенъ, ...
 Гдѣ каждый памятенъ мнѣ шагъ,
 И каждый камень мнѣ понятенъ! ...
 Ахъ много, много свѣтлыхъ думъ
 Волнуютъ душу мнѣ и умъ, ...
 Но сердцу—тяжко, грустно, больно, ...
 Темнить предчувствіе глаза,
 И въ нихъ жемчужится невольно
 Печали горькая слеза! ...

II.

Какая нить воспоминаній
 Какая роскошь чудныхъ дѣлъ! ...
 Вездѣ и всюду наши грани! ...
 Вездѣ орель нашъ пролетѣлъ!
 Но здѣсь—гнѣздо ихъ; здѣсь—разсадникъ;
 Здѣсь пѣшій брался за копье,
 Здѣсь на коня садился всадникъ,
 Когда самъ знамя взявъ свое
 Царь всей Россіи, Царь Московской,
 На Ягеллоновъ кликалъ рать! ...
 Когда грозилъ Кремлю Жолковской
 И Кремль ходилъ его карать! ...
 И вотъ,—онъ весь передомною
 Въ красѣ торжественной своей,

Хранимый стражей вѣковою
Своихъ соборовъ и церквей!...
Вотъ онъ,—кивотъ Царя и царства,
Всего великаго купель!...
Вотъ—сердцевина Государства
И славы нашей колыбель!...
Вотъ Грановитая Палата
Великолѣпнѣмъ объята,
Гдѣ вѣрный слову казака
И господину Атаману,
Иванъ Кольцо, отъ Ермака
Принесъ письмо Царю Ивану,
И снявъ побѣдный свой шоломъ
Сибирью билъ ему челомъ!..
Вотъ полный красотою дикой
Свѣтъ-богатырь Иванъ Великой,
Великимъ созданный умомъ!...
Вотъ цѣлый полкъ Кремлевскихъ башенъ,
Надъ коими могучь и страшень
Цариль разумный Годуновъ!..
Вотъobeliskъ семи вѣковъ,
Дворецъ Князей и Государей,
Гдѣ имъ дивился Олеарій
И ихъ съ Европою сближалъ!...
Гдѣ, сфинксъ минувшихъ поколѣній,
Въ борьбѣ гражданственныхъ волненій

Отрепьевъ властвовалъ, и—паль . . .

И гдѣ потомъ судьбу народа

Два раза волею судьбинъ

Спасли, безусый воевода,

Да бородатый мѣщанинъ! . .

III.

Здѣсь, здѣсь въ Кремль, рекъ Петръ Россіи:

«Цвѣти Россія! . . .» и цвѣтетъ.

Здѣсь, онъ умѣвъ постичь стихіи,

Опередилъ время полетъ,

Срылъ горы, высушилъ болоты,

Почтилъ науки алтаремъ,

Установилъ полки и флоты,

Сталъ патріархомъ и царемъ,

Смирилъ мятежь стрѣлцкой рати,

Судьбѣ дерзнувъ взглянуть въ лицо,

И бородами Русской знати

Усылъ Красное Крыльцо! . . .

Здѣсь Онъ сказалъ: «конецъ неволь!»

«Очеловѣчься мой народъ!

«Иди, шагай къ высокой долѣ, . . .

«И стань царемъ земли и водъ! . . .»

IV.

Сказаль, . . . и бысть! . . . но мчится время! . . .
Раздвинуль крылья новый вѣкъ,
И было здѣсь другое племя! . . .
И былъ другой здѣсь человекъ! . . .
Тоть—плотоядный Ангелъ брани,
Тоть—современный Фараонъ,
Тоть—загорѣвшій отъ сіяній
Своихъ безчисленныхъ коронъ! . . .
Тоть—смуглый вождь, любовникъ славы,
Рукою папы вслѣчаво
Муропомазанный Алкидъ! . . .
Тоть—полный дивною отвагой,
Тоть—пригвоздившій гербъ свой шпагой
Къ челу Мемфисскихъ пирамидъ! . . .
Тоть—вдохновенный подъ Маренгомъ
Огнемъ Тулонскихъ батарей! . . .
Тоть—царь летавшій по шеренгамъ
Съ послушной свитою царей! . . .
Онъ былъ здѣсь счастьемъ упоенный! . . .
Онъ проложилъ въ Россію путь,
И мыслилъ здѣсь, въ глазахъ вселенной
Попрять ногами нашу грудь, . . .
Засѣять городъ нашъ ковылью!! . . .
Но Бородинское ядро

Объ Кремль ударясь, стало—пылью!...
И Божьихъ храмовъ серебро
Слилось—въ мечи, въ штыки и пики!...
Русь превратилася въ бивакъ,
Побѣдъ обычныхъ вторя клики!...
Дохнулъ морозъ, взвился казакъ,
И оба вмѣстѣ, дѣти чести,
Подъемля вихрь и ятаганъ,
Воздвигли—въ память Русской мести
Тебя, Березинской курганъ!...
И сила быстрого удара
Тьснить врага попятный шагъ!...
И отъ Кремлевскаго пожара
Дымится Тюльерійской флагъ...
Ура — Москвѣ!...

V.

А я, на долго
Въ ряды полка,—въ враждебный край,
Спѣшу отсель невольникъ долга
И говорю тебѣ: «Прощай!...»
Прощай и ты земля родная,
Приютъ послѣдній мертвеца,
Еще столь свѣжая,—святая
Могила друга и отца!...

ПРОЩАНІЕ СЪ МОСКВОЙ.

Прощай! .. печалью умиленный,
Вчера, въ Донскомъ монастырѣ,
Предъ милымъ гробомъ преклоненный
Я горько плакалъ на зарѣ! ..
И слушалъ грустію убитый
Какъ совершалась литія,—
И какъ монахъ, старикъ маститый,
Скорбящей ризою покрытый,
Средь емиама,— надъ тобой
Пѣлъ: — «Со святыми упокой!»
И долго я подъ игомъ горя,
Могилой пѣснѣ громко вторя,
Тебя безумно призывалъ! ..
И думалъ слышать гласъ отрадный,—
А ты разрушенный и хладный
Изъ гроба мнѣ не отвѣчалъ! ..

VI.

Пошелъ же! Ну, ямщикъ, валяй! ..
Неси меня къ Невѣ гранитной,
Потомъ оттуда, въ вражій край,
Въ дымъ битвъ, въ вихрь жизни самобытной! ..
Неси, присѣвъ на облучекъ,
Мой путь опасенъ и далекъ! ..
А я,— пока въ виду родная,—

Не отведу моихъ очей,
Съ ея соборовъ и церквей! . . .
И сонмы ихъ благословляя
Не перестану повторять:
Скажи Москва, мнѣ суждено ли
Увидѣть нѣкогда, опять
Твой Кремль—нашъ Русской Капитолій? —
Скажи вернусь ли я домой?..
Паду ли вновь въ твои объятія!...
Или въ послѣдній разъ какъ братья
Мы обнимаемся съ тобой? . . .

Рахманпый.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДЕНІЯ О С. ПЕТЕРБУРГѢ

Изданы при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. С. П. Б. Въ Гуттенберговой типографіи, 1836 г. Съ таблицами и 8 планами.

Эта книга есть безъсомнѣнія замѣчательнѣйшая изъ всѣхъ вышедшихъ у насъ въ прошедшемъ году по части Статистики. Она составлена г. Заблоцкимъ, однимъ изъ немногихъ людей, съ постоянствомъ и любовію подвизающихся на семъ трудномъ поприщѣ. Изданіемъ оной мы обязаны просвѣщенному управленію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (*).

О ней было упомянуто въ одномъ или двухъ періодическихъ изданій, а между тѣмъ при недо-

(*) Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ новомъ учрежденіи своемъ—*Статистическомъ Отдѣленіи при Советѣ Министра*—столько подаетъ прекрасныхъ надеждъ для науки. Связанное съ подобными учрежденіями въ губерніяхъ, и имѣя сотрудииковъ во всѣхъ концахъ Имперіи, оно составляетъ центръ, куда должны стекаться всѣ разнообразныя свѣденія объ нашемъ отечествѣ.

статкѣ у насъ вообще произведеній важныхъ, проникнутыхъ истинными началами науки, она заслуживала бы кажется бѣльшаго вниманія со стороны журналистовъ. Не лъзя однако при семъ случаѣ не замѣтить, что судьба статистическихъ работъ почти вездѣ одна и таже; рѣдко онѣ вознаграждаются тѣмъ всеобщимъ, продолжительнымъ вниманіемъ, которымъ пользуются произведенія, относящіяся къ другимъ отраслямъ знаній. На статистическія свѣденія смотрятъ лишь со стороны практической; при оцѣнкѣ ихъ берутъ во вниманіе, кромѣ достовѣрности, современность, и Статистику вгоняютъ въ рамку календаря, какъ сдѣлалъ Ж. Б. Сей; а кто же заглядываетъ въ календари прошедшихъ годовъ? Тутъ преимущественно приводятъ въ доказательство измѣняемость статистическихъ фактовъ;— правда, значительная ихъ часть измѣняется безпрестанно потому что измѣняемся мы сами, измѣняются и предметы насъ окружающіе, связанные съ нами неразрывно, дѣйствующіе на насъ, и взаимно отъ насъ претерпѣвающіе измѣненія. Но въ каждой наукѣ находятся двѣ стороны, изъ которыхъ одна постоянна, другая безпрестанно измѣняется; обратите вниманіе на исторію естественныхъ наукъ, на исторію Исторіи; каждый день не только измѣняетъ понятія объ ихъ основныхъ законахъ, но вводитъ новые предметы въ сферу ихъ дѣятельности. Настоящее состояніе каждой науки также можетъ быть названо календаремъ для будущихъ читателей.

Въ Статистикѣ напротивъ постоянная часть обширѣе, ибо въ нее входятъ многіе предметы, которые или вовсе не измѣняются, или измѣняются, но чрезвычайно медленно, и, что всего важнѣе, существуютъ постоянныя законы для самыхъ сихъ измѣненій. Съ другой стороны не только внѣшнимъ успѣхамъ Статистики, но и внутреннему ея развитію препятствовало то, что для этой науки полагаютъ не только ненужнымъ, но даже бесполезнымъ свободное размышленіе, живую мысль, отвлеченіе, и считаютъ главнымъ предметомъ — искусство собрать и расположить факты, — почти тоже что начертить таблицы.

Гери, который съ такою тщательностію, съ такимъ трудолюбіемъ разобралъ десятилѣтніе отчеты Французскаго министерства юстиціи, въ своей «Нравственной Статистикѣ» говоритъ, что онъ избѣгалъ размышленія о причинахъ, «pour ne pas nous écarter de l'objet de la Statistique qui, se bornant à resserrer les faits sous leur forme la plus concise n'en montre pas directement la liaison.» Здѣсь очевидно авторъ смѣшиваетъ средства съ цѣлію, которая ему, скажемъ откровенно, не ясно представлялась.

Далѣе Гери продолжаетъ: «никакой духъ системы не руководилъ нами; мы не искали опоры ни въ «какой теоріи». Прекрасно первое, не совсѣмъ похвально второе. Что такое теорія? теорія излагаетъ начала, на основаніи которыхъ отдѣльныя свѣденія, факты, соединяются въ одно цѣлое. Теорія не про-

изводитъ, не выдумываетъ фактовъ; а только предполагаетъ, допускаетъ ихъ существованіе, предполагая въ тоже время потребность соединить ихъ въ систему: такимъ образомъ теорія приводитъ въ порядокъ человѣческія дѣйствія, обращая вниманіе на ихъ точки соединенія. Какимъ же образомъ отвергать пользу теоріи въ Статистикѣ? это все равно что не допускать возможности ее какъ науки? Знаніе фактовъ для Статистики есть необходимое, существенное дѣло; но не должно забывать, что 1) не лъзя съ успѣхомъ собирать факты, не имѣя яснаго сознанія объ идеѣ науки, и что безъ сего, сознанія изслѣдователь не имѣя мѣрила для оцѣнки фактовъ, будетъ бродить ощупью между явленіями, и необъятное ихъ множество подавитъ его; 2) отдѣльный феномень, одинъ какой либо фактъ, самъ по себѣ не имѣетъ большой важности; полную цѣну онъ получаетъ тогда, когда смотрятъ на него, какимъ образомъ онъ, какъ членъ живаго организма, соединяется съ прочими членами. Но чтобъ правильно объяснить какой нибудь фактъ, узнать тотъ законъ, который въ немъ является, постигнуть его отношеніе къ другимъ фактамъ, возвыситься до созерцанія идеи, нужна теорія или, если хотите, умозрѣніе; оно нужно даже и для того, чтобы самому значенію фактовъ дать ту естественную внутреннюю симметрію, которую мы называемъ *системою науки*.

И посмотрите, отъ чего мы такъ часто подъ названіемъ Статистики видимъ безсвязныя собранія

чисель, фактовъ, наименованій? отъ чего безъ разбора приписываемъ имя Статистики свѣденіямъ о Готтентотахъ и объ Англичанахъ? именно оттого, что теорію считаемъ враждебною фактамъ,—что отклоняя умозрѣніе, не объяснили себѣ идеи Статистики.

Общество человѣческое, а не человѣкъ какъ недѣлимое—вотъ поприще Статистики;—силы природы и силы самаго человѣчества, способствующія его развитію въ обществѣ—вотъ предметы ея изслѣдованій. Далеко ли мы ушли на этомъ великомъ поприщѣ? пока узнали только за непреложное, что силы природы вѣчны, неизмѣняемы, что напротивъ силы человѣческія то напрягаются, то ослабѣваютъ. Но мы не знаемъ еще законовъ этаго колебанія, какъ знаемъ законы магнитной стрѣлки, или напряженія электрометра. И потому намъ не должно быть односторонними, не должно пренебрегать и фактами, думая, что ихъ уже слишкомъ довольно, и безъ ихъ пособія заниматься только чистыми отвлеченіями. Правда, фактовъ не мало у насъ собрано,—но всѣ ли они подвергнуты анализу, всѣ ли они очищены огнемъ критики,—изучили ли мы всѣ ихъ отношенія, распутали ли мы безчисленныя нити, которыми этѣ вседневныя, важныя и мелкія событія жизни нашей перепутаны однѣ съ другими? Статистика, не только въ смыслѣ науки, но въ смыслѣ знанія, — еще весьма юна; а между тѣмъ уже думаютъ ею рѣшить важнѣйшіе вопросы гражданственности! Давно ли стали появляться, и то въ немногихъ госу-

дарствахъ, отчеты судилищъ, и уже цифрами ихъ одни хотѣли рѣшительно поддерживать извѣстный софизмъ Жанъ Жака Руссо о вредномъ вліяніи просвѣщенія на нравственность народовъ; другіе гордятся, что они нашли масштабъ для измѣренія нравственности народной, вздумали отвѣчать на вопросъ Хаджи Бабы, умнѣе ли, добрѣе ли Французы Англичанъ, и во сколько разъ. Не смотря на то, настоящее состояніе статистическихъ знаній обсеужденное безпристрастно, доказываетъ, что теперь въ рѣшеніи многихъ практическихъ, административныхъ вопросовъ, они приносятъ несомнѣнную пользу. Укажемъ только на изслѣдованія о народонаселеніи, — имъ государства обязаны, кромѣ болѣе равномернаго, и слѣдовательно болѣе справедливаго распределенія общественныхъ пожертвованій, налоговъ, — прекраснѣйшимъ учрежденіемъ новѣйшихъ временъ — застрахованіемъ жизни человѣческой (*).

И такъ, руководимые любовью къ знанію, къ истинѣ, предчувствуя высшую, отвлеченную Статистику, будемъ внимательны къ эмпирической ея части, — будемъ признательны къ тѣмъ, которые посвя-

(*) На постоянномъ законѣ статистическихъ измѣненій основаны всѣ страховыя общества, которыя бы не могли существовать, еслибы Статистика не открыла возможности подчинить такъ называемую игру случая математическому вычисленію. — Такъ напримѣръ, что на первый взглядъ кажется менѣе подверженнымъ вычисленію какъ пожары, происходящіе отъ столь многоразличныхъ причинъ? Спросите страховыя отъ огня общества: они, опираясь на статистическія свѣденія многихъ годовъ, скажутъ вамъ почти постоянное число пожаровъ, могущихъ случиться въ данномъ городѣ, при данныхъ обстоятельствахъ. Тоже должно замѣтить о Статистикѣ смертности, даже о Статистикѣ преступленій.

щаютъ труды свои на собраніе фактовъ, еще болѣе къ тѣмъ, которые стараются эти факты очистить, сблизить однородные изъ нихъ, и указывать по возможности мысли, скрывающіяся подъ этими безчисленными рядами цифръ.

Во Франціи, въ 1819 году, изданы были въ первый разъ, префектомъ Сенскаго департамента, графомъ Шабролемъ: *Recherches Statistiques sur la ville de Paris*, — и эта книга имѣла большой успѣхъ: нынѣ первой ея части нельзя найги даже во Франціи. Мы не знаемъ, таковъ ли успѣхъ книги, изданной нашимъ правительствомъ, но не можемъ не замѣтить, что если Парижское изданіе богаче фактами, что и естественно при давно введенной тамъ административной отчетности, то «Статистическія Свѣденія о С. Петербургѣ» превосходятъ книгу Шаброля тѣмъ, что въ нихъ многочисленные факты уже сведены въ результаты ^{ближайшіе}; сему посвящено первое отдѣленіе, текстъ изданія; подробности же или *pièces justificatives* заключаются въ таблицахъ, составляющихъ особый томъ. А это дѣло не маловажное, какъ извѣстно всякому, кто занимался статистическими работами, испытывавъ изучать огромныя пестрыя таблицы, кто просиживалъ надъ ними по цѣлымъ днямъ, тщетно искавши жезла Моисеева, который бы изъ этихъ мертвыхъ цифръ вызвалъ струю живой мысли.

Таблицы состоятъ изъ 98 нумеровъ, и многія изъ нихъ расположены съ особеннымъ тщаніемъ и искусствомъ, напр. 53, 54, 55, 56, 57, 58 и другія.

Планы объясняютъ состояніе столицы въ разные періоды, начиная съ 1703 года, когда на мѣстѣ нынѣшней крѣпости были рыбацьи хижины, до настоящаго времени.

Большая часть статей текста начинается историческими обзорѣніями основанія и постепеннаго устройства нашей великолѣпной столицы; сіе обзорѣніе основано на многочисленныхъ правительственныхъ актахъ, заимствованныхъ, какъ видно по ссылкамъ, не только изъ Полнаго Собранія Законовъ, но и изъ архивовъ Министерства, до нынѣ бывшихъ неизвѣстными публикѣ.

Послѣ взятія Нотеборга (Шлиссельбурга) и Ніеншанца, 16 Мая 1703 года, въ праздникъ Св. Троицы, Великій Царь заложилъ земляную крѣпость при устьѣ Невы, на о. *Енисари* (Заячьемъ), лежащемъ на большой Невѣ, предъ другимъ большимъ островомъ *Койвисори* (Березовомъ), который покрытъ былъ вязкимъ болотомъ и потому представлялъ естественную защиту новой крѣпости, названной Санктпетербургомъ. До 1710 года всѣ усилія Царя устремлялись лишь къ тому, чтобы скорѣе воздвигнуть здѣсь крѣпкой военной постъ и портъ; но когда *утвердился камень основанія Невскаго города*, какъ писалъ самъ Петръ съ поля битвы подъ Полтавою, тогда немедленно состоялись повелѣнія о постройкѣ въ С. Петербургѣ каменныхъ домовъ, и о переселеніи туда высшихъ государственныхъ сановниковъ, дворянъ, торговцевъ и про-

мышленниковъ. Тогда же начались дѣятельныя сношенія съ Германскими владѣніями для привлеченія иноземныхъ торговцевъ въ новый городъ, который уже назначался быть главнымъ складочнымъ мѣстомъ нашей заморской торговли, для развитія которой вскорѣ были начаты водяныя сообщенія Балтійскаго моря съ Каспійскимъ. Потомъ постепенно учреждались вновь и переводились изъ Москвы высшія правительственныя мѣста, гражданскія и духовныя, и цѣлыми полками гвардіи заселялись особыя слободы. Положивъ основаніе общественнымъ зданіямъ столицы, Государь обратилъ вниманіе на ея окрестности пустынныя, болотистыя, безжизненныя какъ природныя обитатели Ингріи — и принялъ намѣреніе преобразовать ихъ. Иныя мѣста предоставилъ хозяйству Двора, многія раздалъ сановникамъ своимъ съ обязательствомъ заселить ихъ природными Русскими, и потомъ населилъ огромныя слободы Своими собственными крестьянами, переведенными изъ внутреннихъ губерній. Все это безъ сомнѣнія совершалось нелегко. «Строеніе Петербурга было въ началѣ своемъ всеобщимъ поголовнымъ налогомъ, а жизнь въ новой столицѣ почти государственною службою: обязанные селиться въ столицѣ не только не могли жить въ другихъ мѣстахъ, но даже и отлучаться изъ города на долгое время было воспрещено. Однако успѣхи не вполнѣ соответствовали усиліямъ Царя; за жителями Петербурга должно было посылать въ губерніи гонцовъ; несмѣя противиться волѣ Государя, они строили дома и при малѣйшей возможности покидали ихъ. Мысль соз-

дать городъ на краю государства, въ странѣ совершенно дикой и безлюдной, избрать его мѣстопробываніемъ Двора и высшихъ властей, въ то время когда въ центрѣ Имперіи существовала столица, къ которой народъ привязанъ и долговременнымъ ходомъ дѣлъ, и направленіемъ промышленности, мысль эта не могла не казаться для современниковъ непонятною. Не многіе могли предвидѣть всѣ благодѣтельныя послѣдствія сего предпріятія, для приведенія котораго въ исполненіе требовались мѣры тѣмъ болѣе строгія, чѣмъ менѣе оно находило себѣ противниковъ, и которыя начали смягчаться не ранѣе царствованія Императрицы Елисаветы, когда жители столицы получили возможность располагать домами на полномъ правѣ собственности. Въ это время Адмиральтейская сторона, между Невою и Фонтанкою, болѣе и болѣе застроивалась; здѣсь были воздвигнуты многія зданія общественныя, кромѣ того многіе изъ вельможъ построили также огромныя каменные дома и часть сія принимала постепенно болѣе правильнѣйшій видъ. Императрица Екатерина II, вскорѣ по вступленіи на престолъ, учредила особую комиссію для устройства столицы. Между многими мудрыми постановленіями сей Государыни, улучшившими внутреннюю администрацію, нельзя не отличить въ особенности тѣхъ, которыми дарованы новыя права среднему классу народа, и которые такъ много способствовали къ развитію промышленной и торговой дѣятельности городовъ: сколько новыхъ городовъ явилось въ это царствованіе и какъ быстро богатѣли и люднѣли города старыя, пользовав-

шіеся естественными выгодами мѣстности! Но на пути преуспѣянія первое мѣсто занималъ безъ сомнѣнія Петербургъ.»

Постановленія жить и строиться въ Столицѣ уже не существовали, и между тѣмъ поселеніе быстро возростало; это было причиною новаго раздѣленія столицы (въ 1782 году) на девять частей: 1, 2 и 3 Адмиралтейскія, Литейную, Рождественскую, Московскую, Каретную, Васильевскую и Выборскую. По свидѣтельству современниковъ, разсматривая Петербургъ въ царствованіе Екатерины, «нельзя было не удивляться пестротѣ и противоположностямъ: изъ великолѣпнаго квартала вы вдругъ переноситесь въ дикой и сырой лѣсъ; рядомъ съ огромными палатами, и роскошными садами находите развалины, или пепелища, деревянныя, хижины или пустыри; но всего поразительнѣе то, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сіи самыя мѣста нельзя узнать. Иногда вдругъ исчезаютъ цѣлые ряды домовъ и вмѣсто ихъ являются дворцы, каменные палаты, еще неокончанныя и уже населенныя. Такимъ образомъ нѣкоторыя части города столь измѣняются что чрезъ нѣсколько лѣтъ не возможно ихъ узнать.» Всѣ относящееся до устройства, распространенія столицы въ послѣдніе два царствованія—такъ живо, такъ свѣжо, такъ близко къ намъ, что излишне было бы здѣсь говорить объ этомъ. Мы окинули бѣгло рожденіе и постепенный возростъ С. Петербурга — сколько позволяетъ журнальная статья,—но читатели найдутъ въ разбираемой нами книгѣ подробности, факты имѣющіе историческій интересъ,

особенно относящіяся къ царствованію Петра I-го. Въ первой главѣ изложены естественныя свойства мѣстности, т. е. почва, воды и климатъ; главныя соображенія о семъ послѣднемъ основаны на десяти лѣтнихъ наблюденіяхъ, съ 1823 по 1832. Изъ нихъ оказывается что средняя температура года въ С. Петербургѣ есть $+3,35^{\circ}$ R; но она измѣняется въ разные годы отъ $0,96^{\circ}$ до $5,36$, такъ что maximum измѣненій средней годовой температуры простирается до $+4,45^{\circ}$ т. е., болѣе средней температуры года. Климатъ С. Петербурга не смотря на главный свой характеръ—непостоянство, долженъ быть отнесенъ къ *последовательнымъ*, или какъ называетъ Гумбольтъ, къ *климатамъ острововъ* (climat des îles) и *западныхъ береговъ*, отличительная черта которыхъ состоитъ въ постепенномъ періодическомъ движеніи средней температуры мѣсяцевъ.

Но съ другой стороны отдаленность отъ прибрежій Западнаго океана, гдѣ собственно господствуютъ климаты *последовательные*, не умѣряетъ быстрыхъ переходовъ отъ тепла въ холодъ. Климатъ Петербурга измѣнился въ послѣднее столѣтіе существованія города. Сіе измѣненіе состоитъ въ уменьшеніи высшаго и низшаго стоянія ртути въ термометръ. Если въ послѣдніе годы не было столь жестокихъ зимъ, какова напр. была зима 1740 года (когда термометръ съ половины Января и до Марта постоянно держался между— 26° и 31°), то и сильныя жары лѣтомъ также сдѣлались рѣже. Однимъ словомъ крайніе предѣлы температуры сближаются и средняя

температура года возвышается: климатъ слѣдовательно дѣлается умѣреннѣе. Столь благотворную переменѣну должно приписать безъсомнѣнія, той же причинѣ, которая сдѣлала умѣреннѣйшимъ климатъ Западной Европы и Сѣверной Америки: увеличенію народонаселенія, уменьшенію лѣсовъ и осушенію болотъ; равнымъ образомъ разведеніе садовъ и огородовъ, осушеніе и застройка сырыхъ мѣстъ въ самомъ городѣ имѣли и продолжаютъ имѣть самое благотворное вліяніе на улучшеніе климата.

Глава вторая посвящена описанію измѣненія и улучшенія мѣстности столицы; сюда же должно отнести и особое приложеніе объ осушеніи и воздѣлываніи окрестностей Петербурга и Царскаго-Села. Третья глава заключаетъ свѣдѣнія о пространствѣ города. Площадь ограниченная городской чертою содержитъ въ себѣ 20,285,147 кв. сажень; или 81 квад. версту и 35,147 кв. сажень. По плану 1828 года каменнымъ строеніемъ была занята едва только $\frac{1}{2}\%$ сего пространства, именно 964,050 к. с.,—деревянными 899,122 к. с.; дворами 2,308,487 к. с.; прочее пространство находится подъ каналами и рѣками, площадями и плацъ-парадами, улицами, садами, лугами, огородами, пустыми мѣстами и кладбищами (см. таб. № 9.). При соображеніи общаго пространства столицы съ народонаселеніемъ, оказывается, что на cadaго челоуѣка приходится около 43 квадр. саж. Наибольше народонаселеніе стѣснено въ 3-й Адм. части, гдѣ на cadaго челоуѣка приходится только 3 к. саж., наименѣе въ Каретной—263 кв. саж.

По точнѣйшимъ исчисленіямъ въ 1833 году оказалось домовъ въ С. Петербургѣ 7976 (2730 каменныхъ и 5246 деревянныхъ). Почти половина изъ сего числа принадлежала высшему сословію, т. е. дворянамъ и чиновникамъ, за тѣмъ купцамъ ($\frac{1}{5}$) и мѣщанамъ ($\frac{1}{12}$). Большая часть купеческихъ домовъ—каменные; напротивъ у чиновниковъ менѣе половины, а у мѣщанъ менѣе пятой доли домовъ каменныхъ.—Большая часть домовъ въ С. Петербургѣ такихъ въ которыхъ помещается отъ 5 до 50 (4071). Таблица N 10, заключаая извлеченіе изъ переписныхъ книгъ 1717 г. показываетъ, что въ сіе время было домовъ въ С. Петербургѣ 2,555. Въ 1788 году (таб. N 11) было уже 633 каменныхъ и 3167 деревянныхъ домовъ. Въ каменныхъ считалось 13,623 комнаты или $21 \frac{1}{2}$ комнаты въ каждомъ домѣ,—въ деревянныхъ 9,975 комнаты или $5 \frac{1}{2}$ на каждый домъ. Въ это время въ столицѣ считалось до 185,000 жителей. Въ 1814 году Петербургъ имѣлъ 7,123 дома,—слѣдовательно въ теченіе 19 лѣтъ, съ 1814 по 1833, прибавилось 853 дома (549 кам. и 304 дерев.) Но сіи числа не означаютъ всей дѣятельности отваживающихъ свои капиталы на постройки, ибо по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что въ теченіе 6 только лѣтъ (1826—1831) въ Петербургѣ начато и окончено 568 каменныхъ и 494 деревянныхъ строенія, слѣд. по крайней мѣрѣ половина капиталовъ назначается на перестройки, распространенія или улучшенія. Дѣятельнѣйшія постройки новыхъ домовъ въ послѣднее время производились преимущественно въ частяхъ: Литейной, Московской и отчасти Васильевской.

Всѣ дома подлежащіе оцѣнкѣ (т. е. частныя и только нѣкоторыя общественныя) съ принадлежащими къ нимъ лавками, землями и разными пристройками, оцѣнены (въ 1833 году) въ 168,192,469 р. Число всѣхъ отдѣльныхъ собственности, вошедшихъ въ оцѣнку, простиралось до 8,549. Цѣннѣйшія собственности находятся въ 1-й и 2-й Адмиралтейской частяхъ. Дворянству принадлежало $\frac{2}{5}$ (3568) всего числа собственности, оцѣненныхъ свыше 63 мил. рублей; купечеству 2979—75 мил., мѣщанамъ 795—4,500,000 р. Въ 1822 году всѣхъ оцѣненныхъ собственности считалось 8,400, стоившихъ 154,306,570 р. Съ тѣхъ поръ цѣнность имуществъ, принадлежащихъ дворянамъ и чиновникамъ—увеличилась почти 10 мил., или 15%; цѣнность купеческихъ собственности увеличилась 7 мил. или 10%. Имущества принадлежащія духовенству, ни увеличились, ни уменьшились въ своей цѣнности. Имущества мѣщанскія уменьшились и въ числѣ, и въ цѣнности: въ 1822 году ихъ считалось 10,467, цѣною на 858,330 руб.

Переходимъ къ народонаселенію: сличая разныя показанія, можно вывести слѣдующую довольно вѣроятную таблицу народонаселенія С. Петербурга, за разные годы: въ 1750 году—80,000 человекъ, въ 1765—150,335; въ 1770—158,782; въ 1775—158,565; въ 1780 — 174,778; въ 1784 — 192,446; въ 1789—217,948; въ 1800 — 220,208; въ 1805 — 271,137, въ 1812 — 308,474; въ 1814—335,713, въ 1817—363,938; въ 1819 — 344,619; въ 1829 — 424,741. Послѣднее изчисленіе относится къ началу 1833

года, когда считалось въ столицѣ 442, 890 человекъ обоюго пола. Высшее сословіе т. е. дворяне и чиновники (ихъ жены и дѣти) составляютъ болѣе $\frac{1}{10}$ части всего народонаселенія; однихъ служащихъ считалось до 13,528 человекъ.

Купцовъ было 9,003, въ томъ числѣ иногородныхъ 2,528. Изъ 33,005 человекъ мѣщанъ, считалось торгующихъ—только 2,062 человека; изъ этаго можно вывести заключеніе о нѣкоторыхъ чертахъ Петербургской торговли: она не такъ мелочна, какъ наприм. Московская, гдѣ, по этому самому, сословіе мѣщанъ принимаетъ гораздо болѣе участія въ торговлѣ; тамъ $\frac{7}{10}$ мѣщанъ занимаютъ торговлею, тогда какъ въ Петербургѣ только $\frac{1}{20}$. — Самая значительнѣйшая часть народонаселенія столицы состоитъ изъ людей промышляющихъ безыскусственною работою; сюда должно отнести большую часть мѣщанъ, дворовыхъ людей и крестьянъ.—Дворовыхъ людей считалось до 76,725 человекъ обоюго пола; но по числу ихъ нельзя еще заключать о числѣ слугъ: это можно сдѣлать только по числу дворовыхъ, живущихъ при домахъ своихъ господъ: такихъ считалось только треть: именно 25,704. Въ Москвѣ при господскихъ домахъ живетъ вдвое болѣе. Изъ числа дворовыхъ проживающихъ по паспортамъ (коихъ считалось болѣе 50,000), многіе не входятъ вовсе въ цѣхъ слугъ, занимаясь разными ремеслами, какъ то портнымъ, сапожнымъ и проч., притомъ значительная часть находится въ услуженіи у разночинцевъ, купцевъ и иностранцевъ. Посему несправедли-

во замѣчаніе тѣхъ, которые говорятъ, что въ Петербургѣ приходится по девяти дворовыхъ на одного дворянина.—Почти половину народонаселенія составляютъ крестьяне разныхъ наименованій, въ томъ числѣ $\frac{7}{10}$ крѣпостныхъ. Нижніе воинскіе чины (съ женами и дочерьми) составляютъ менѣе $\frac{1}{7}$ части всего народонаселенія.—Иностранцевъ всѣхъ, вообще считалось 12,059; болѣе половины составляютъ Нѣмцы, за тѣмъ Французы, Англичане и Шведы. Почти половина иностранцевъ приѣзжаетъ для ремеслъ; путешественниковъ въ восемь лѣтъ (1825 — 1833) было 759 (686 муж. и 73 жен).—Путешествуютъ болѣе Англичане и Французы. Особенный характеръ населенія нашей столицы состоитъ въ чрезвычайномъ перевѣсѣ мужескаго пола надъ женскимъ. Вотъ отношенія въ разные годы: въ 1750 году на 100 женщинъ приходилось 140 мужчинъ; въ 1784 — 194; въ 1789—213; въ 1814—234; въ 1825 — 255; въ 1831—231. Изъ сего открывается, что отношеніе мужескаго пола къ женскому увеличивается съ увеличеніемъ народонаселенія; главная прибыль и убыль на счетъ мужчинъ.—

Глава «движеніе народонаселенія» (стр. 131—200) представляетъ множество интересныхъ фактовъ; въ ней разсматриваются: браки, рождающіеся, болѣзни и смертность. Въ теченіе послѣднихъ 60 лѣтъ число браковъ увеличилось 19% или $\frac{1}{5}$, — слѣд. во все непропорціонально съ возрастаніемъ народонаселенія; въ періодъ съ 1764 по 1780 годъ приходился 1 бракъ на 126 жителей; нынѣ ровно вдвое менѣе, именно 1 на 255 человекъ.

Число рождающихся въ сей же періодъ времени увеличилось 67 на 100, или двумя третями; тогда одинъ рождающійся приходился на 31, теперь одинъ на 49 жителей. — Отношеніе общаго числа умирающихъ къ народонаселенію колебалось въ различные періоды времени, между 1:29 и 1:42. Въ періодъ между 1810—1820 оно было 1:34, между 1820—1830—1:42. Результатъ утѣшительный! можетъ быть онъ и не имѣетъ всей желаемой точности, но всѣ сомнѣнія о благопріятности его исчезнуть, если вспомнить о тѣхъ обширныхъ успѣхахъ, какіе оказала у насъ медицина въ послѣднее тридцатилѣтіе, о тѣхъ попеніяхъ, какія Правительство принимаетъ нынѣ къ сохраненію народнаго здоровья, открытіемъ новыхъ лечебницъ, распространеніемъ и улучшеніемъ прежнихъ! А улучшеніе мѣстности города развѣ мало значить въ этомъ отношеніи? Притомъ нѣтъ сомнѣнія, что и самый народъ содержитъ себя вообще съ бѣльшею опрятностію и даже довольствомъ нежели прежде, о дѣтяхъ печется тщательнѣе, и оттого смерть производитъ менѣе между ними опустошеній. Въ статьѣ о смертности заключаются выводы о скоростижно умершихъ, насильственныхъ лишеніяхъ жизни и самоубійствахъ. Тутъ заключаются многіе матеріалы для Нравственной Статистики. Нельзя не быть благодарнымъ къ тѣмъ, которые извлекли изъ пыльныхъ архивовъ, изъ полицейскихъ замѣтокъ, эти факты, изъ которыхъ надъ многими невольно задумается филантропъ - философъ. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ: въ Мартѣ 1828 года 13 лѣтній дворовый мальчикъ повѣсился отъ тоски по родинѣ; 14 лѣтній ученикъ

аптекаря отравился, не могши перенести смерть матери, какъ онъ самъ писалъ къ отцу; крестьянка зарѣзалась, услышавши о кончинѣ сына, умершаго въ Москвѣ; дворовый челоѣкъ покушался повѣситься отъ тоски по умершей женѣ; одинъ достаточный купецъ, хорошій семьянинъ, бросился въ воду, не могши перенести тоски по умершемъ братѣ, для разсѣянiя которой онъ путешествовалъ цѣлый годъ въ чужихъ краяхъ. Не убѣждаютъ ли эти примѣры въ томъ, что челоѣкъ можетъ изнemocъ отъ самыхъ благороднѣйшихъ побужденiй! Въ противоположность можно привести примѣръ страннаго, неизъяснимаго юмора, который иногда овладѣваетъ самоубiйцами въ минуту преступленiя (стр. 196.) У одного застрѣливагося чиновника нашли въ карманѣ бумагу слѣдующаго содержанiя: «въ.....тскiй Департаментъ, отъ коллежскаго секретаря..... рапортъ. Мнѣ наскучило жить на этомъ свѣтѣ, почему я и вознамѣрился отправиться на тотъ свѣтъ; о чемъ и имѣю честь донести.....тскому Департаменту.»

Въ отношенiи къ насильственнымъ лишенiямъ жизни, къ чести нашей столицы, должно сказать, что въ ней убiйства случаются гораздо рѣже нежели въ другихъ большихъ городахъ Европы. Въ три года, 1831, 1832 и 1833 было убито 10 челоѣкъ, — давленъ 1, зарѣзано 6 чел., застрѣленъ 1 и умерло отъ побоевъ 2; всего 20 челоѣкъ. Самая обыкновенная причина къ убiйству— грабежъ; случаи, въ которыхъ замѣтна расчитанная злоба, весьма рѣдки.

Зная страсть нашего народа къ вину, мы должны удивляться рѣдкости убійствъ, совершаемыхъ въ пьяномъ видѣ; конечно ссоры въ такомъ случаѣ не рѣдки, но они рѣдко оканчиваются важными послѣдствіями. «Перебирая донесенія полиціи, сказано на стр. 190, послѣднихъ годовъ, мы встрѣтили не много случаевъ достойныхъ замѣчанія по своей странности:

«Два крестьянина, двоюродные братья, поссорясь между собою, сдѣлали драку и одинъ откусилъ у другаго кончикъ языка, а сей вырвалъ у своего противника часть бороды. — Двѣ дворовыя женщины поссорились между собою, и одна за упрекъ ее въ кражѣ шестка, окатила другую кипяткомъ.—Одинъ пьяный мужикъ ранилъ ножомъ другаго, за то что сей легъ спать на его койку.—Двѣ женщины пошли на богомолье въ Сергіеву пустынь; на обратномъ пути, подгулявши, сѣли отдохнуть у одной дачи на Петергофской дорогѣ, и начали цѣловаться, причемъ одна откусила у другой часть подбородка.»

Предѣлы журнальной статьи не позволяютъ намъ продолжать далѣе извлеченія изъ *Статистическихъ свѣдѣній о С. Петербургѣ*; скажемъ только что книга сія, кромѣ богатыхъ матеріаловъ для соображеній мыслящаго читателя, многими своими статьями можетъ служить образцемъ статистическихъ работъ; въ ней въ первый разъ, на Русскомъ языкѣ, встрѣчаемъ графическій способъ изложенія важнѣйшихъ

результатовъ (см. таблицы, приложенныя къ стр. 23, 170, 172, 252),—а равнымъ образомъ изслѣдованія политико-арифметическія, каковы напр. глава о народонаселеніи, и два къ ней приложенія: о причинахъ неравнаго числа рожденій и зачатій въ разные мѣсяцы года, и о вліяніи времени года на силу болѣзней въ С. Петербургѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Полная Россійская азбука, составленная по новѣйшей методѣ. А. К.—М. въ тип. Смирнова.

Россійская Христоматія, или отборныя сочиненія Отечественныхъ Писателей. Изданіе второе. С. П. Б. въ тип. Штаба Огд. Корп. Внутр. Стражи и Министер. Внутрен. Дѣлъ.

Дѣтскія игры, подарокъ послушнымъ малюткамъ. Съ 6 картинками. Переводъ съ Французскаго. М. въ тип. Степанова.

Частная Реторика, Н. Кошанскаго. Изданіе 4-е С. П. Б. въ тип. Министер. Внутрен. Дѣлъ.

Взглядъ на старинную Русскую Поэзію. М. въ тип. Смирнова.

Стихи Е. Бернета. С. П. Б. въ тип. Снѣгирева.

Стихотворенія Константина Бахтурина. С. П. Б. въ тип. Праца и К°.

Опытъ въ стихахъ пятнадцатилѣтней дѣвицы Елисаветы Шаховой. Писано въ 1836 году. С. П. Б. въ тип. Вингебера.

Стихотворенія Виктора Кашаева. М. въ тип. Кирилова.

Народныя Русскія Пѣсни, собранныя М. М.— М. въ тип. Смирнова.

Басни и сказки И. И. Хемницера, въ трехъ книжкахъ. М. въ тип. Кирилова.

Душенька, древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Новое исправленное изданіе братьевъ Кузнецовыхъ. М. въ тип. Смирнова.

Поэтическіе очерки Украины, Одессы и Крыма, письма въ стихахъ къ графу В. П. З у, Ивана Бороздны. М. въ тип. Селивановскаго.

Колдунъ и его дѣти. Старинная Русская сказка. Соч. К. Мартынова. С. П. Б. въ тип. Вингебера.

Энциклопедическій Лексиконъ. Томъ девятый. С. П. Б. въ тип. А. Плюшара.

Повѣсти и рассказы Петра Суморокова. часть четвертая М. въ тип. Степанова.

Провидѣніе, или событіе 18 вѣка. Соч. И. Штевена. 4 части С. П. Б. въ тип. Воробьева.

Никласъ, Медвѣжья Лапа, Атаманъ контрабандистовъ, или нѣкоторыя черты изъ жизни Фридриха II. Историческій романъ. Сочиненіе Р. Зотова. 3 части С. П. Б. въ тип. Глазунова и К^о.

Михаиль Новгородскій, или нарушенная клятва. Россійско-Историческій Романъ въ трехъ частяхъ. Сочиненіе Н. Зряхова. М. въ тип. Смирнова.

— Опытъ обозрѣнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. Часть I Сановники, управлявшіе дѣлами, до учрежденія званія Канцлеровъ. Часть II Канцлеры. Часть III Вице-канцлеры. Соч. А. Терещенко. С. П. Б. въ тип. вдовы Байковой и въ тип. Имп. Рос. Академіи.

Статистика Европейскихъ Государствъ, въ нынѣшнемъ ихъ состояніи. Заслуженаго Профессора Е. Зябловскаго. 2 части. Второе изданіе, исправленное. Издвденіемъ Ильи Глазунова. С. П. Б. въ тип. Глазунова и К^о.

Алгебра Лефевра де Фюрси, съ дополненіями переводчика. Часть I второй отдѣлъ и часть II отдѣлъ первый С. П. Б. въ тип. Штаба Отд. Корп. Вн. Стражи.

Ручная Математическая Энциклопедія. Книжка XIV. Предварительный курсъ Астрономіи. М. въ Университет. тип.

Военный Энциклопедический Лексиконъ.
Часть первая. Книжка вторая. С. П. Б.

Рисунки Санктпетербургской Флоры, съ краткимъ описаніемъ ея растеній, заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о классахъ и отрядахъ ихъ, по Линнеевой системѣ, о мѣсторожденіи, времени цвѣтенія, продолженіи жизни, о полезныхъ или вредныхъ свойствахъ, и употребленіи въ общежитіи: издаваемые К. Левинымъ. Книжка 4-я и 5-я. С. П. Б. въ тип. Смирдина и Глазунова и К^о.

Новѣйшій свекловично-сахарный заводчикъ, или наставленіе, какимъ образомъ разводить и сохранять отъ порчи свекловицу, и проч. Сочиненіе Самуила Людерсдорфа. Переводъ съ 12 изданія. М. въ тип. Кирилова.

Выставка Костромской губерніи. М. въ тип. Селивановскаго.

Выставка издѣлій Рязанской Губерніи. М. въ тип. Селивановскаго.

Каталогъ книгъ, продающихся въ книжной лавкѣ Кс. Ал. Полеваго, М. въ тип. Степанова.

Постепенныя занятія въ переводахъ съ Русскаго языка на Нѣмецкій и Французскій, изданныя Докт. О. Кистеромъ. Третье исправленное изданіе. М. въ Университет. тип.

Систематическій выборъ мелкихъ статей и отрывковъ въ прозѣ и стихахъ изъ сочиненій Нѣмец-

кихъ классиковъ , составленный Карломъ Гаке. С. П. Б. въ тип. Глазунова и К^о.

Разсказы моего отца. Тетрадь для юношества. Соч. Пушкарева, Второе изданіе. С. П. Б. въ тип. Отд. Корп. Внутр. Стражи.

Ручная музыкальная книга. Составленная Л. Снѣгиревымъ. С. П. Б. въ тип. Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи.

Архитектура для сельскихъ и деревенскихъ жителей, или наставленіе недостаточнымъ помѣщикамъ, какъ прочно строить дома и крестьянскія жилища матеріалами дешевыми, находящимися у нихъ почти подъ руками. М. въ тип. Смирнова.

Сказка о мельникѣ колдунѣ Федотѣ, о хлопотливой старухѣ, о двухъ Жидкахъ, и о двухъ батракахъ. Соч. Е. Алипанова. С. П. Б. въ тип. Неймана и К^о.

Титулярные Совѣтники въ домашнемъ быту. Водевиль въ одномъ дѣйствіи О. Кони. С. П. Б. въ тип. Греча.

Чиновникъ по особымъ порученіямъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. П. Каратыгина. С. П. Б. въ тип. Плюшара.

Лина арфа. Пер. съ Французскаго Людмилы К ой. С. П. Б. въ тип. Крайя.

Адель. С. П. Б. въ тип. Гинце.

Димитрій Донской. Историческій Романъ. 3 части. Сочиненіе М Д М. въ тип. Смирнова.

Борисъ Годуновъ, и Россія въ XVII столѣтїи Романъ полу-историческій. Сочиненіе М—Р—К—. 3 части. М. въ тип. Смирнова.

Карантинъ въ Ахіоло, или сонъ и предчувствіе. Военная быль, взятая изъ писемъ Русскаго офицера въ Турецкую кампанію 1828 и 1829 годовъ. Составленная Н . . . А . . . К М. въ тип. Степанова.

Малороссійская Васильковская повѣсть: Твердовскій. Сочиненіе Степана Карпенка, М. въ тип. Кирилова.

Малороссійская повѣсть: Плачевная участь древняго Василькова. Сочиненіе Степана Карпенка. М. въ тип. Кирилова.

Рѣчи, произнесенныя въ разныя времена Директоромъ Клеванской Гимназіи, Иваномъ Кулжинскимъ. М. въ Университет. тип.

Исторія царствованія Государыни Императрицы Екатерины II, А. А. Лефорта. 2 части. М. въ тип. Селивановскаго.

Первое тридцатилѣтіе Исторіи города Одессы, 1783—1823. Соч. Одесскаго жителя А. Скальковскаго. Одесса, въ городской тип.

— Сказанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собранныя И. Сахаровымъ. Часть первая. Изданіе второе. С. П. Б. въ тип. Гуттенберговой.

Сказанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собранныя И. Сахаровымъ. Часть 3-я Книга 2-я С. П. Б. въ тип. Гуттенберговой.

Лекція Профессора Погодина, по Герену, о политикѣ, связи и торговлѣ главныхъ народовъ древняго міра. 2 части М. въ Университет. тип.

Сокращеніе Истории Среднихъ вѣковъ Соч. М. де Мишеля. Переводъ съ 4-го изданія, исправленнаго и дополненнаго генеалогическими таблицами. 2 части С. П. Б. въ тип. Глазунова и К^о.

Записки Герцогини Абрантесъ, или историческія воспоминанія о Наполеонѣ, революціи, директоріи, консульствѣ, Имперіи и возстановленіи Бурбоновъ, переведенныя съ Французскаго Ксенофонтомъ Полевымъ. Томъ XIV. М. въ тип. Семена.

Всеобщая Географія, для начальнаго преподаванія составленная по Гольтье, Бальби и Мальтъ-Бруну В. Бардовскимъ. С. П. Б. въ тип. Вингебера.

Краткая Географія для дѣтей, изданная по руководству Г-на Статскаго Совѣтника и Кавалера И. А. Гейма. Десятое изданіе. М. въ тип. Лазаревыхъ Инстит. Восточ. языковъ.

Воспоминанія о Сициліи, А. Черткова. 2 части. М. въ тип. Семена.

Лекціи алгебраическаго и трансцендентнаго анализа, читанныя въ Морскомъ Корпусѣ Академикомъ Остроградскимъ. Составлены Корп. Кораб. Инж. Кап. С. Бурачкомъ и Лейтенантомъ С. Зеленымъ. Первый годъ, (начаты 16 Октября 1856). С. П. Б. въ тип. Вингебера.

Начальныя основанія счетоводства, для хозяевъ, торговцевъ и промышленниковъ вообще, П. Цвѣтаева. М. въ тип. Лазаревыхъ Инстит. Восточ. языковъ.

Руководство къ содержанію и размноженію камелій, изданное Надворнымъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Егоромъ Классеномъ, Членомъ разныхъ ученыхъ Обществъ М. въ тип. Семена.

Указатель естественныхъ и мануфактурныхъ произведеній, находящихся на Рязанской Губернской выставкѣ, 1837 года. М. въ тип. Селивановскаго.

Описание выставки произведеній Владимірской губерніи 1837 года. М. въ тип. Семена.

Военно-походная Медицина въ пяти частяхъ. Сочиненіе Доктора Медицины и Хирургіи, Коллежскаго Совѣтника и Кавалера Акима Чаруковскаго. Печатано, по Высочайшему повелѣнію, иждивеніемъ Правительства. С. П. Б. въ тип. Воробьева.

Три статьи о Гомеопатии. Переводъ съ Французскаго, съ дополненіемъ объ усилѣхъ гомеопатическаго леченія въ Россіи. С. П. Б. въ тип. Сибирева.

Книга адресовъ С. Петербурга на 1857 годъ. Изданная съ разрѣшенія и одобренія С. Петербургскаго г. Военнаго Генераль-Губернатора, Карломъ Нистремомъ. С. П. Б. въ тип. III Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи.

Объ учрежденіи привилегированнаго заведенія для производства уничтожающаго зловоніе порошка и земледобрительнаго тука. С. П. Б. въ тип. Греча.

Грамматика, для начальнаго обученія дѣтей первоначальному употребленію Русскаго языка. Составлена Зосимою Воробьевымъ. С. П. Б. въ тип. Конторы Журнала Общеполез. свѣденій.

Генрихъ и Марія или осиротѣвшія дѣти. Трогательная и нравоучительная исторія для дѣтей обо-его пола отъ 8 до 12 лѣтъ. Съ Нѣмецкаго перевелъ Мартинъ Кедровъ. М. въ тип. Евреинова.

Нѣмецкая словесность. Изъ книги Вольфганга Менцеля. Часть 1. С. П. Б. въ тип. Плюшара.

Мой калѣанъ. Стихотворенія И. Громова. М. въ тип. Лазаревыхъ Института Восточ. языковъ.

Ксантипиа. Экспромтъ. С. П. Б. въ Морской тип.

Иванушка дурачокъ. Русская сказка въ 2 частяхъ С. П. Б. въ тип. Имп. Академіи наукъ.

Родственники, или покойникъ-то не умеръ. Водевиль въ 1 дѣйстви. Соч. Актера П. Григорьева младшаго. С. П. Б. въ тип. Греча.

Лорнетъ, или правда глаза колетъ, фантастической водевиль, перев. съ французскаго. С. П. Б. въ тип. Бенкена.

Римъ и Карфагенъ, трагедія въ пяти дѣствіяхъ. Т. м. ф. а. С. П. Б. въ тип. Гинце.

Норма. Лирическая трагедія въ 2 дѣствіяхъ; слова Феликса Романи, музыка соч. Беллини. Переводъ съ Итальянскаго С. П. Б. въ тип. Глазунова и К^о.

Эмигрантъ съ краткимъ описаніемъ Американской войны, Луизіаны и Французской революціи. 2 части П. . . . С. С. П. Б. въ тип. Сычева.

Неправдоподобные рассказы Чичероне дель К. . . . о. часть 1 Бимбашъ, Часть II Ѳедоръ Петровичъ Каталкинъ, Часть III Несчастливцы. С. П. Б. въ Гуттенберговой тип.

Поэтъ и Актриса. Соч. Павла Попова. М. въ тип. Евреинова.

Фортуна и Промыслъ, или встрѣча съ погибшею;—пожалуй Русскій, только опять не историческій и не нравственно-сатирический романъ въ 4 частяхъ, или картина свѣтскихъ современныхъ нравовъ, раздѣленная на 4 части, а части на сцены. Соч. Н. А. К. . . . го. М. въ тип. Евреинова.

Сцены изъ жизни Испанцевъ. Соч. Герцогини Абрантесъ, переводъ съ Французскаго Н. Б. М. въ тип. Евреинова.

День въ Батавіи. Фантастическая новость. Соч. Маркиза Делагранжа. С. П. Б. въ тип. Греча.

Пичиола, соч. Сентина. Перевелъ съ Французскаго А. П. Ж. С. П. Б. въ тип. Конторы Журнала общеплез. свѣденій.

Аделина Мовбрай, соч. Мистрисъ Опи. Перев. съ Франц. Ни — лай Гра — вскій. 3 части. М. въ тип. Степанова.

Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Московской 1-й Гимназіи, 1837 года Сентября 13 дня. М. въ тип. Университетской.

Краткій Катихизисъ Русскаго народа. Соч. Е...ны М...ны К... ой. С. П. Б. въ тип. Вингера.

Очеркъ Исторіи Философіи по Рейнгольду, слѣланый Ѳ. Надеждинымъ. С. П. Б. въ тип. Департамента Внѣшней Торговли.

Правила семейныя, четвертое изданіе. С. П. Б. въ тип. Иверсена.

Подарокъ дочери-невѣстѣ въ число приданаго. С. П. Б. въ тип. Глазунова и К°.

Записки Морскаго Офицера въ продолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ Вице-Адмирала Д. Н. Сенявина отъ 1805 по 1810 годъ. Въ 4 частяхъ. Второе изданіе. С. П. Б. въ тип. Имп. Рос. Академіи.

Очерки Іерусалима и Святыхъ окрестностей, Виѳлеема, Виѳаніи, Іордана, Пустыни Св. Іоанна, монастыря Св. Саввы, Хеврона и проч. Изъ переписки о Востокѣ Мишó и Пужула А. Т. С. П. Б. въ тип. Греча.

Гимназическій курсъ чистой Математики, содержащій въ себѣ Ариѳметику, Основаніе Алгебры и Геометріи, прямолинейную Тригонометрію и Коническія сѣченія, составленъ Профессоромъ Перовщиковымъ. М. въ тип. Семена.

Курсъ практической Механики. Часть первая. С. П. Б. въ тип. Вингебера.

Расчисленіе о металахъ по горной части, составленныя Н. Перцевымъ. С. П. Б. въ тип. Глазунова.

Учебныя руководства для военныхъ заведеній. Тактика. Часть первая, заключающая въ себѣ Тактику чистую. Составилъ Б-нъ Н. В. Медемъ. С. П. Б. въ тип. II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Военная Географія Европы въ таблицахъ. Сочиненіе Франца Рудторфера. Переведена съ Нѣмец-

каго по соизволенію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича. Въ переводѣ исправлена и дополнена И. О. Штукенбергомъ. Двѣ тетради. С. П. Б. въ тип. Вингебера.

Чудеса премудрости Божіей въ природѣ или краткое объясненіе нѣкоторыхъ явленій въ физическомъ мірѣ, не для ученыхъ, а для учащихъ, въ вопросахъ и отвѣтахъ: I О воздухѣ. II О водѣ, III О свѣтѣ, и IV Объ огнѣ. С. П. Б. въ тип. Греча.

Извѣстіе о мѣстонахожденіи грифитовъ въ Орловской губерніи, и географическій взглядъ на почву сей губерніи. Соч. Дѣйств. Члена Минералог. Общества въ С. Петербургѣ, Штабъ-Лѣкаря И. И. Брыкова. Издано онымъ Обществомъ. С. П. Б. въ тип. Греча.

Плодовитая оранжерея, или искусствовоспитывать и разводить въ обыкновенныхъ цвѣточныхъ горшкахъ яблони, груши, сливы, вишни, абрикосы, персики, миндаль и т. д. по руководству Профессора Дила. Соч. Карла Фридрига Рихтера. М. въ тип. Кирилова.

Памятная книга сельскаго хозяйства или Хозяйственный Мѣсяцесловъ, содержащій въ себѣ указаніе распредѣленія сельскихъ работъ въ послѣдовательномъ порядкѣ по временамъ года, по многолѣтнему опыту. Составленный Борономъ Карломъ Фонъ-Виттенгеймомъ. С. П. Б. въ тип. Экспедиціи Заготовленіе Государственныхъ бумагъ

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Нѣкоторые изъ нашихъ журналовъ неоднократно говорили болѣе или менѣе неосновательно, болѣе или менѣе неприлично о написанной мною, но еще не напечатанной, біографіи фонъ Визина. Донинѣ по двумъ причинамъ не отвѣчалъ я ни слова на сіи неумѣстные отзывы. Во первыхъ потому, что я узнавалъ случайно, стороною и часто поздно о журнальныхъ вылазкахъ противъ меня, ибо я давно уже не читаю нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ, принявъ съ лѣтами за правило беречь глаза и время. Во вторыхъ потому, что отвѣчать значитъ входить въ разговоръ, а съ лѣтами научился я другому правилу, что никогда не должно вступать въ разговоръ съ тѣми, которые говорятъ неосновательно и неприлично.

Но нынѣ узнавъ, что въ Москвѣ готовится новое изданіе сочиненій фонъ Визина, и что нѣкоторые ожидаютъ при немъ и составленную мною біографію почитаю обязанностію своею, для объясненія истины, сказать нѣсколько словъ о настоящемъ поло-

женіи спорнаго дѣла. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, по просьбѣ покойнаго Платона Петровича Бекетова, получившаго отъ наследниковъ фонъ Визина право издать полныя сочиненія его, обѣщаль я ему написать упомянутую біографію. Въ послѣдствіи времени П. П. Бекетовъ передалъ право свое Московскому книгопродавцу Салаеву, которому подтвердилъ я обѣщаніе, мною однажды данное. Но это обѣщаніе не было ни срочнымъ, ни денежнымъ обязательствомъ ни предъ публикою, ни предъ издателемъ. Трудъ мой былъ безкорыстный и независимый. Я твердо знаю, и дай Богъ всѣмъ знать это также твердо какъ и я, что взявъ съ публики напередъ деньги за обѣщанную книгу, должно поставить ей книгу въ срокъ, или возвратить деньги. Но я совершенно въ иномъ положеніи. Я ни съ кого денегъ не бралъ: слѣдовательно я полный и безотвѣтственный хозяинъ моей рукописи. Біографія нѣсколько лѣтъ тому уже написана, около двухъ лѣтъ уже одобрена Ценсурою, а когда выйдеть она въ свѣтъ, не знаю: когда мнѣ вздумается, — вотъ одно мое условіе. Если же г. Салаевъ, какъ слышно, передалъ свое изданіе другому книгопродавцу, то ни въ какомъ случаѣ передача сія не можетъ относиться до моего труда, который остается моею собственностію безраздѣльною. Наконецъ довожу до свѣденія не журналовъ и не книгопродавцевъ, но подписчиковъ на первое изданіе сочиненій фонъ Визина, что когда напечатана будетъ біографія, то лица, коихъ имена означены въ списокъ приложенномъ къ помянутому изданію, получаютъ ее отъ меня без-

денежно. Не полагаю, что подписчики очень дорожатъ трудомъ моимъ: и не думаю нынѣшнимъ общаніемъ успокоить заботливое ихъ нетерпѣніе, вѣроятно и безъ того довольно спокойное: сочиненія фонъ Визина и безъ моеѣ придачи имѣютъ въ себѣ достаточную цѣну. Но питая безкорыстную любовь къ книжному дѣлу и къ успѣхамъ сей умственной промышленности въ Россіи, не хочу я, хоть бы и невольно и совершенно невинно нарушить случайнымъ примѣромъ своимъ довѣренность, которую потребители должны имѣть къ общаніямъ производителей. Довѣренность сія къ сожалѣнію всѣхъ благомыслящихъ людей и такъ уже въ нашъ не золотой, но денежный вѣкъ, слишкомъ часто потрясаема съ тѣхъ поръ, что литература не что иное, какъ новая вѣтвь внутренней торговли.

Кн. Вяземскій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Появленіе седьмой части Современника было задержано обстоятельствами, большею частию независъвшими отъ Редакціи, къ числу которыхъ между прочимъ принадлежитъ и несвоевременный выходъ 5-й части, естественно повлекшій за собою замедленіе остальныхъ книжекъ, особенно по причинѣ рисунковъ въ нихъ помѣщенныхъ. Сверхъ того Редакція почла долгомъ удовлетворить желанію особъ находившихся или во внутреннихъ губерніяхъ имперіи или внѣ оной, и хотѣвшихъ почтить память поэта, оплакиваемаго Россіею, участіемъ въ основанномъ имъ журналѣ. Редакція получивъ статьи сихъ особъ недавно, признала за лучшее издать оба послѣдніе тома вдругъ; такимъ образомъ 8-й томъ выйдеть черезъ нѣсколько дней вслѣдъ за седьмымъ. Читатели замѣтятъ что вышедшіе въ 1837 году книжки содержатъ въ себѣ до двухъ сотъ страницъ болѣе назначеннаго.

О продолженіи Современника.

Журналъ «Современникъ» будетъ издаваться и въ будущемъ 1838 году. Продолженіе его остается соотвѣтственно плану первыхъ двухъ годовъ, то есть, каждые три мѣсяца выйдеть одинъ томъ въ 20 печатныхъ листовъ, а въ годъ четыре тома.

Подписная цѣна 25 руб. ассигн. въ годъ; за пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ, здѣсь, въ С. Петербургъ, прибавляется 5 руб. Для полученія журнала можно адресоваться: въ газетную экспедицію, или въ книжный магазинъ А. Ф. Смирдина, или прямо къ издателю его, дѣйствительному Статскому Совѣтнику Петру Александровичу Плетневу, живущему у Обухова моста въ домъ Тайной Совѣтницы Сухаревой.

ОГЛАВЛЕНІЕ СЕДЬМАГО ТОМА.

СТІХОТВОРЕНІЯ.

	<i>Странъ.</i>
1. Галубъ. <i>А. Пушкина.</i>	1.
2. Местъ. <i>Г. Е. Р.</i>	47.
3. Перевъздъ черезъ Яйлу на южномъ берегу Тавриды. <i>А. Подолинскаго.</i>	87.
4. Юность души. <i>А. Лаголова</i>	102.
5. Улей. <i>Д. Струйскаго</i>	105.
6. Надежда-Ангель. <i>Шевырева.</i>	106.
7. Элегія. <i>В. Туманскаго</i>	139.
8. Элегія. <i>А. Лаголова.</i>	141.
9. Органъ. <i>Авдотьи Глинки.</i>	142.
10. Ангель. <i>Феодора Глинки.</i>	146.
11. Самоубійца. <i>Д. Струйскаго</i>	180.
12. Сцены изъ трагедій: «князья Шуйскіе». <i>П. Ободовскаго</i>	181.
13. Имя милое Россіи. <i>В. Туманскаго</i>	195.
14. Молитва. <i>Е. Гребенки.</i>	221.
15. Грусть. <i>М. де-Ларю</i>	225.
16. Буря. <i>М. де-Ларю.</i>	250.
17. Къ Языкову	262.
18. Бабада	264.
19. Зеленый цвѣтъ. <i>П. Ершова</i>	291.
20. Кольцо съ бирюзною <i>П. Ершова.</i>	293.
21. Подражаніе Щеце. <i>И. Бека</i>	326.
22. Элегія. <i>И. Бека</i>	328.
23. Двѣ слезы. <i>Ив. Панаева.</i>	330.
24. Прощаніе съ Москвой. <i>Рахманнаго.</i>	331.

ПРОЗА.

1. Графъ Камюстро. *М. Загоскина* 17.
2. Краткое начертаніе теоріи паровыхъ машинъ. *Кн. Козловскаго* 51.
3. Солдатскій портретъ. *В. Луганскаго* 108.
4. Свѣтскій человекъ, дипломатъ, литераторъ, воинъ. *Т. Космакратова* 148.
5. Львовскія села Горохина. *А. Пушкина* 197.
6. Воспоминанія о Бессарабіи. 226.
7. Три письма о Томбовской выставкѣ. *Я. Караманскаго* 267.
8. Общественное образованіе Тульской губерніи. *И. Сахарова* 295.
9. Разборъ книги: Статистическія свѣденія о С. Петербургѣ 339.
10. Новыя книги. 260.
11. Объясненіе. *Кн. Вяземскаго* 373.
12. Отъ Редакціи. 376.
13. О продолженіи Современника. —

На с . . 78 строкъ 8-й сверху, слѣдуетъ читать и р,
вмѣстѣ о *U V*.

Scherr, Joh., — ~~Die Waise von Wien.~~
1-III. Bd.; in-8. Stuttgart, 1847.

1847 — 120.

ПРОЗА.

1. Графъ Калиостро. *М. Загоскина*. 17.
2. Краткое начертаніе теоріи паровыхъ машинъ. *Кн. Козловскаго*. 51.
3. Солдатскій портретъ. *В. Луганскаго*. 108.
4. Свѣтскій человекъ, дипломатъ, литераторъ, воинъ. *Т. Космакратова*. 148.
5. Лѣтопись села Горохина. *А. Пушкина*. 197.
6. Воспоминанія о Бессарабин. 226.
7. Три письма о Томбовской выставкѣ. *Я. Караманскаго*. 267.
8. Общественное образованіе Тульской губерніи. *И. Сахарова*.

Собрание рукописей

1837

т. VII

№ 11. 1. 22

200 стр. 5-376 и 121

Вручено

Н
ВЛ